

С. ХАРТ Р. ХАРТ М. ХЬЮЗ

НЕМЕЦКИЙ СОЛДАТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РЯДОВЫЕ
ВЕРМАХТА
и
СС

1939–1945

С. ХАРТ Р. ХАРТ М. ХЬЮЗ

НЕМЕЦКИЙ СОЛДАТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РЯДОВЫЕ
ВЕРМАХТА
И
СС

1939–1945

МОСКВА
2006

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62(4Бел)
Х 22

Dr. S. Hart, Dr. R. Hart and Dr. M. Hughes

The German Soldier In World War II

Перевод Валентины Феоклистовой
Дизайн переплета Максима Горбатова

Харт С. и др.

X 22 Рядовые Вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой войны / С. Харт, Р. Харт, М. Хьюз; [пер. В. Феоклистовой]. — М.: Эксмо, 2006. — 192 с.: ил.

ISBN 5-699-17273-4

Книга британских авторов С. Харта, Р. Харта и М. Хьюза «Рядовые Вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой войны» посвящена истории германских вооруженных сил в 1939—1945 гг. В центре повествования — простые солдаты и офицеры, являвшиеся винтиками огромной военной машины, поставленной на службу интересам нацистского режима.

Используя многочисленные воспоминания участников войны, авторы освещают все аспекты службы, быта и участия в боях немецких солдат. Последовательно описываются все рода войск германских вооруженных сил: пехота, танковые войска, артиллерия, парашютисты и силы специального назначения, а также войска СС. Живо и вместе с тем обстоятельно рассказывается о боевых действиях германской армии в ходе крупных кампаний — от «блицкрига» на западе и операций в Северной Африке до поражений на Восточном и Западном фронтах и окончательной гибели Третьего рейха.

Иллюстрированная более чем 100 фотографиями, освещающими все стороны жизни немецкого солдата времен Второй мировой войны, книга будет интересна широкому кругу любителей военной истории.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62(4Бел)

ISBN 5-699-17273-4

© Amber Books Ltd 2000. This translation of the German Soldier in WWII first published in 2000 is published by arrangement with Amber Books Ltd.
© Феоклистова В., перевод, 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ СОЛДАТА	6
Глава 2. ПЕХОТА	20
Глава 3. БРОНЕТАНКОВЫЕ ВОЙСКА	34
Глава 4. АРТИЛЛЕРИЯ	48
Глава 5. ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ СИЛЫ И СИЛЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ	60
Глава 6. ВОЙСКА СС	72
Глава 7. ВОЕННЫЕ ПОТЕРИ	86
Глава 8. ФРАНЦИЯ, 1940	98
Глава 9. СЕВЕРНАЯ АФРИКА, 1941–1943	110
Глава 10. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, 1941–1943	122
Глава 11. РАЗГРОМ НА ВОСТОКЕ, 1943–1945	136
Глава 12. ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ, 1943–1945	150
Глава 13. НОРМАНДИЯ, 1944	162
Глава 14. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, 1944–1945	176

Почетный караул выносит знамена на параде германской армии. Каждая часть гордилась своим, пусть и символическим, знаменем.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЛДАТА

После 1935 года служба в немецких вооруженных силах (Вермахте) стала обязательной и большинство солдат, сражавшихся на фронтах Второй мировой войны, были призванниками.

Большая часть поступавших на военную службу предпочитали идти в сухопутные силы, а не в Воздушные силы или Военно-морской флот. Чтобы служить в вооруженных силах, новобранец должен был быть физически годным и умственно полноценным, не иметь серьезных судимостей и являться гражданином Германии. Германия была милитаристским государством, и ее граждане редко рассматривали воинскую повинность как серьезное нарушение гражданских свобод — скорее, большинство немцев считали это почетной и благородной обязанностью перед государством и германским народом. Действительно, служащие вооруженных сил неизменно пользовались уважением, и, как правило, в обществе к ним относились с почтением. Было, например, вполне обычно видеть в увольнении молодого немецкого солдата в окружении нескольких воздыхательниц. Государство официально определяло военную службу как почетный долг, а не вынужденную обязанность.

Меньшая часть рекрутов отправлялись служить добровольцами, не дожидаясь призыва. Несомненно, знание того, что они в конечном итоге будут призваны, побуждало их поступать на службу добровольцами; другие шли волонтерами из патриотических побуждений или под влиянием семьи и окружающих, чтобы «внести свою лепту». Мужчины, призываемые на военную службу, в большинстве случаев уже имели определенную военную подготовку. Многие новобранцы или уже отработали срок, обычно полугодовой, в организации Имперской трудовой повинности, во время которого они занимались строительными и другими работами в полувоенных условиях.

Там людей обучали строевой подготовке, дисциплине и прививали чувство товарищества. Другие новобранцы служили во вспомогатель-

ных частях, обслуживающих противовоздушные силы, помогая расчетам зенитных батарей, или получали некоторую начальную военную подготовку в Гитлерюгенде — Гитлеровском молодежном движении.

Чаще всего добровольцами становились молодые люди, выросшие при национал-социализме, которые по большей части мало знали и еще меньше интересовались внешним миром. Представители этой пронацистски настроенной молодежи оказывались наиболее фанатичными немецкими солдатами, хотя часто срок их службы оказывался недолгим. Пауль Каммбергер был одним из таких пылких молодых нацистов, который подростком принимал участие в различных движениях Гитлерюгенда, а в 1943 году, в возрасте 17 лет, с огромным желанием поступил добровольцем в 12-ю танковую дивизию СС «Гитлерюгенд», формировавшуюся в то время в Бельгии. Поступление на военную службу было,

92-летний фельдмаршал фон Макензен, герой Первой мировой войны, был непоколебимым сторонником Гитлера.

несмотря ни на что, самым захватывающим приключением в жизни немецкого юноши, — вспоминал Каммбергер, но для многих это приключение оказалось роковым.

Боевая подготовка

Будучи призванным на военную службу, новобранец проходил основную подготовку, которая была продолжительной, тяжелой и максимально приближенной к реальным боевым условиям. Немецкие программы боевой подготовки не ограничивались рамками восьмичасового рабочего дня — к примеру, с девяти до пяти, — а стремились как можно точнее воспроизвести вероятные боевые условия. Войска тренировались в любую погоду и в любое время суток. Боевая подготовка, к тому же, была по-настоящему опасной, поскольку учения с применением боевых патронов были делом обычным, так как боевые условия требовалось воссоздать максимально реалистично. Таким образом, на тренировочных полигонах германские солдаты подвергались реальной опасности. И в самом деле, в ходе подготовки немецкие военные считали один процент потерь со смертельным исходом необходимой платой за то, чтобы позднее, на поле боя, можно было сохранить больше солдатских жизней. В конце концов, лучше было потерять неумелых и беспечных во время тренировок, чем потом всех подвергать опасности на поле боя. Дальновидность подготовки немецких солдат заключалась и в том, что каждый боец должен был уметь выполнять обязанности своего командира так же, как свои собственные, на тот случай, если придется взять на себя командование. Одним из таких типичных новобранцев военного времени, призыва 1940 года, был Ганс Вернер. В письмах домой он описывал свою жизнь в ходе прохождения подготовки. Новобранец отмечал, что пища была простой, но обильной, что постоянно — в значительной мере к его неудовольствию — большое внимание уделялось личной гигиене и чистоте. Подготовка была длительной, и требовалось неукоснительное соблюдение дисциплины, писал он. Но больше всего Вернеру запомнилось чувство сплоченности, чувство принадлежности к группе, и именно это требование основной подготовки определялось как первоочередная задача. Впервые в своей жизни, признавал Вернер, он

В немецком учебном лагере перед войной пять новобранцев, одетых в рабочую одежду, сцепив руки, тренируются маршировать в ногу.

почувствовал, что действительно является частью Вермахта, принадлежность к которому он ощущал с гордостью.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Ядром немецкой подготовки было последовательное и повсеместное насаждение доктрины: набора основных посылок, верований, убеждений и действующих инструкций, которым все немецкие солдаты, независимо от родов войск, должны были обучаться и следовать.

Приверженность этой современной, единообразной и реалистичной доктрине, надежно сохраняемой в учебном пособии по руководству войсками (*Truppenführung*), изданном в 1936

году, была одной из самых сильных сторон германской армии. Разработанная в начале 30-х годов лучшими военными умами, эта доктрина была лишена ограниченности, свойственной доктринам отдельных родов войск, и представляла собой целостный набор мероприятий для армии в целом. Крепость и дальновидность природы этой доктрины внесли значительный вклад в военные победы, которых Германия добилась в первые годы Второй мировой войны.

Среди основных принципов германской доктрины был должный упор на индивидуальное руководство и инициативу. В учебном пособии акцент делался на том, что обозначалось немцами как «тактика, ориентированная на выполнение задачи». То есть, в соответствии с этой доктриной, старшие командиры должны были ставить перед подчиненными основные задачи, которые те должны были осуществлять, действуя по собственному усмотрению и

используя свой опыт. Такой подход обеспечивал максимум гибкости и самостоятельности действий. Младшие офицеры не просто заучивали «учебные» решения проблем, с которыми они могли столкнуться, — их учили думать самостоятельно, применять свои военные знания и умения, быть уверенными в своих решениях и действовать в соответствии с ними.

Отходя от сложившегося стереотипа немецкого солдата как слепо повинующегося приказу автомата, *Truppenführung* делал акцент не только на личную инициативу, но и на энергию наступления. Доктрина справедливо ставила эту задачу выше обороны и настойчиво утверждала, что скорость и внезапность во многих случаях позволяют наступающему одержать победу над более сильным — численно превосходящим и лучше вооруженным — противником. Эта система очень хорошо срабатывала в первые годы войны, когда сражался цвет немецкого общества, который, преодолевая печальные последствия Первой мировой войны, противостоял вооруженным силам западных стран. Такая гибкость и инициативность в немалой степени способствовали поразительным военным победам

Германии в начале войны, когда младшие офицеры и военнослужащие унтер-офицерского состава были вполне подготовлены к тому, чтобы не трата времени на получение разрешения более высокого командования, использовать возможности, возникавшие на поле боя. Но в ходе войны, когда Германия несла огромные потери, качество командования неизбежно ухудшалось, поскольку снижались и требования к подготовке солдат. В результате этого в боевые части прибывали все менее и менее опытные командиры, а число примеров тактической неграмотности неуклонно росло. В то же время противники Германии развивали военную сноровку и приобретали необходимый опыт, и немецкой армии становилось все сложнее достигать серьезных тактических успехов ценой небольших потерь, как это часто бывало в начале войны.

Отпор, который 18 сентября 1944 года получил 9-й бронетанковый разведывательный бата-

Немецкие солдаты используют минуты передышки во время полевых учений. Обратите внимание на полевые бинокли, которые имеются у некоторых из них.

льон СС на автодорожном мосту у Арнема во время наступательной операции союзников «Маркет Гарден», демонстрирует возможные губительные последствия доктрины, делающей упор на наступательные действия и инициативность. Тем утром командир батальона SS-Hauptsturmführer (гауптштурмфюрер СС) Виктор Грэбнер принял роковое решение внезапным броском атаковать мост. Презрев возможный оборонительный потенциал легко вооруженных британских парашютистов, которые противостояли ему, Грэбнер последовал принципам *Truppenführung*: быстрое наступательное действие, опирающееся на стремительность и внезапность, может принести победу над численно превосходящим противником, закрепившимся в сильной обороне. Однако на сей раз приверженность догматам *Truppenführung* обрекла Грэбнера и многих его солдат на гибель. Грэбнер лично повел бронетанковую колонну на захват моста, но в течение нескольких минут интенсивный огонь британцев скосил его силы, погиб и сам Грэбнер.

Никакая другая военная доктрина, за исключением, возможно, Устава Красной Армии, не могла бы сподвигнуть на такое смелое, энергичное наступление, которое в тот день потерпело столь яркий и впечатляющий провал у Арнемского моста.

Дисциплина

Порядок, дисциплина и боевая эффективность в германской армии поддерживались посредством драконовской системы военной юстиции, которая даже небольшие нарушения карала весьма сурово. Необходимо принять во внимание историю возникновения этой системы, особенно если учесть довольно позднее формирование объединенной германской нации в 1870 году. Немецкая культура двадцатого века по своей сути была очень почтительной к власти и покорной своим руководителям, как политическим, так и военным. Таким образом, это было общество, в котором многие люди считали национальное единство и силу более важными, чем свободы и права личности. Такая культура признавала необходимость дисциплины в эффективных вооруженных силах.

Солдат мог понести наказание за нарушения военного кодекса с помощью прогрессивной сис-

темы наказаний, которая за мелкие нарушения предусматривала урезание заработной платы и утрату привилегий, за более серьезные проступки наказания усиливались, предполагая казарменные аресты, дополнительные служебные обязанности (такие, как дополнительные караулы или наряды на хозяйственные работы), вычеты из жалованья или понижение в звании, а также тюремное заключение. Более серьезных нарушителей или рецидивистов немецкие власти могли заключить в полевую военную тюрьму или в тюрьму местного военного округа. Другим обычным наказанием было временное направление во внушающие ужас штрафные батальоны. Этим подразделениям поручались самые трудные и опасные боевые задания. Служа в таких батальонах, нарушители могли реабилитировать себя, что позволяло им вернуться в кадровые части. «Реабилитация» происходила несколькими способами. Например, осужденный должен был отслужить в этом подразделении определенный срок, что было довольно сложно, учитывая опасные, часто самоубийственные задачи, которые возлагались на штрафные части. Соответственно, самым быстрым способом покинуть штрафное подразделение зачастую означало проявить на поле боя исключительный героизм, благодаря чему солдат мог восстановить свою воинскую честь и вернуться в обычную строевую часть.

Немецкое военное правосудие также часто подвергало наказанию солдат, обвиненных в нарушениях военного кодекса. Так, в течение первых двух лет Второй мировой войны 89 процентов немецких солдат, привлеченных к суду, были осуждены военными судами. У офицеров, естественно, было больше шансов быть оправданными, — и действительно такие случаи составляли 23 процента — поскольку упор на офицерское руководство и инициативу обуславливал большую готовность судов трактовать возникающие сомнения в пользу офицеров. Немецкие вооруженные силы также продемонстрировали готовность при необходимости казнить своих преступников, особенно в ходе войны. В то время как точное количество солдат, казненных нацистским режимом на законном основании, возможно, никогда не станет известно, общее их число приблизилось к 30 000. В ходе войны военное правосудие становилось более переменчивым и даже кровавым, в

силу того, что нацистский режим добавил расплывчатый параграф о «подрыве боевого духа», который стал преступлением, наказуемым смертной казнью наряду с убийством, изнасилованием, гомосексуализмом, дезертирством, мятежом, предательством и нападением на вышестоящего офицера. К 1945 году летучие трибуналы (такие, как военная полиция СС — SS Feldjäger) объезжали окрестности, арестовывая солдат, блуждающих в тылу, и казня их после поспешных судов. Безусловно многие из казненных были дезертирами или уклонистами, но среди этих людей встречались преданные фронтовики, имевшие боевые награды, которые просто оказались не в том месте и не в то время.

Во время последней обороны Берлина в апреле 1945 года именно в такую ситуацию попал Hauptmann (гауптман, капитан) Гельмут Шмидт, ведущий истребитель танков из 249-й бригады самоходных орудий. Бригада отличилась 24 апреля 1945 года тем, что стала единственным германским формированием, которое прорвалось в Берлин через кольцо советского окружения в подкрепление защитникам столицы. Отчаянно нуждаясь в боеприпасах, командир бригады отправил проверенного Шмидта в Шпандау на завод вооружений «Алкетт», где, как предполагалось, можно было найти столь необходимые боеприпасы. Однако в пути гауптмана остановил пат-

руль военной полиции СС. В спешке командир бригады не выдал письменного распоряжения (в конце концов, то, что он делал — похищал боеприпасы — было незаконно), и эсэсовцы не поверили объяснениям Шмидта. Вне всякого сомнения, от дезертиров они слышали дюжины подобных историй о якобы полученных «специальных заданиях». Полевая полиция провела поспешное заседание трибунала, на котором председательствовал гауптман СС, и суд приговорил Шмидта к смертной казни. Неудачливый солдат был незамедлительно повешен на ближайшем дереве.

Такие действия, предпринимаемые, «pour encourager les autres» (фр. здесь — чтобы другим было неповадно. — В.Ф.), несомненно, укрепляли боевую решимость немцев и заставляли многих солдат продолжать сражаться, когда давно уже исчезла всякая надежда на победу.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА

По ходу войны германские военные все больше пытались насаждать в своих войсках национал-социалистическое мировоззрение, чтобы еще

Инструктор комментирует меткость стрельбы обучающихся во время занятия по стрельбе. Обратите внимание на каску раннего образца у новобранца.

больше усилить их боевую решимость. В начале войны идеологическая обработка оставалась делом полностью бессистемным и нерегулируемым, лишь отражая давнюю борьбу между нацистской партией и вооруженными силами за политическую зрелость своих солдат. В течение всех первых лет войны идеологическое воспитание обозначалось как «духовное укрепление» и было отдано на откуп командирам частей и, как их эвфемистически обозначали, «офицерам службы социального обеспечения».

Однако когда ход войны изменился не в пользу Германии, военные стали все больше внимания уделять идеологическому воспитанию, чтобы внушить солдатам мысль о необходимости упорного сопротивления. Но лишь в конце 1943 года с назначением национал-социалистических руководящих офицеров идеологическая обработка была упорядочена. Эти офицеры назначались из числа имеющих награды ветеранов, которые продемонстрировали на поле боя не только свое военное искусство, но и преданность национал-социализму. Вместе с командирами руководящие офицеры следили за стойкостью духа своих солдат.

Полковник Гюнтер Кейл, командир 919-го пехотного полка — последнего подразделения, сдавшегося американцам в конце июня 1944 года на Котантенском полуострове в Нормандии, приводил в пример многих старших офицеров, которые готовы были использовать все ресурсы и возможности для усиления боевого духа войск. Полковник Кейл похвалялся взявшим его в плен американцам, что он и его подчиненные беспрестанно наставляли своих солдат, будь то в столовой, во время пеших переходов на учения и с учений и даже на парадном плацу. Идеологическая обработка, которую с таким энтузиазмом вел полковник Кейл и тысячи других немецких офицеров, базировалась на традиционных темах национал-социализма. Она подчеркивала расовое превосходство немецкого народа, который обязан был победить в борьбе народов за национальное и расовое выживание, в той борьбе, в которой по дарвиновской теории выживет только самая здоровая и приспособленная раса. Пропганда преподносила нацизм как религию, а фюрера — как бога. Одновременно усиленная идеологическая обработка прививала немцам чувство превосходства в своем оружии, спо-

Вынос знамен на параде германской армии в конце 30-х годов. Подобные ритуалы воспитывали в солдатах чувство долга и чести.

ченности и подготовке — все это делалось для того, чтобы укрепить решимость германских войск.

Идеологическое воспитание и пропаганда непосредственно способствовали укреплению военной сплоченности немцев и их боевой мощи. Нацистская пропаганда убеждала многих немецких солдат в том, что армии противостоящих им союзников не будут брать пленных. Немецкие офицеры намеренно держали своих солдат в неведении относительно истинного положения дел на фронте и сурово расправлялись с проявлениями пораженческих и антинацистских настроений. В то же самое время пропаганда новых мощных видов «оружия возмездия», таких, как ракеты «Фау-1», поддерживала боевой дух немцев в последние, уже безнадежные годы войны. Идеологическая обработка помогала прививать «восточную жесткость» (Osthärte) — жестокое и бесчеловечное обращение с людьми, которое стало нормой в ожесточенной борьбе против Советского Союза. Такая

«жесткость» вполне подготовила войска к ужасным условиям, в которых им пришлось сражаться на последнем этапе войны.

Об эффективности такой пропаганды свидетельствует изумление, которое испытал Obergefreiter (овер-ефрейтор, капрал) Фриц Денер из 272-й пехотной дивизии, когда 7 июля 1944 года он попал в плен к канадским войскам недалеко от аэродрома Карпике западнее Кана. Как сказал Фриц Денер взявшим его в плен канадцам, он долго не верил, что война будет проиграна, но потом продолжал сражаться, потому что поверил пропагандистской обработке, которой подвергались солдаты немецкой армии и которая утверждала, что западные союзники не берут пленных. Уцелевший после службы на Восточном фронте Денер не переставал удивляться тому, что канадцы обращались с пленными в полном соответствии с Женевской конвенцией. «Меня даже не били», — радостно отмечал он в своем дневнике, который ему было позволено вести в плену.

Допросы пленных, взятых союзниками, позволяли сделать вывод о том, что большинство немецких солдат оставались идеологически приверженными нацизму, что они редко обвиняли власти в поражениях Германии и что они все еще верили в конечную победу Германии. Нацистская идеологическая обработка укрепляла желание немецких солдат продолжать все более и более безнадежную войну.

Награды

Как и все армии, германская армия отмечала боевые подвиги своих солдат разнообразными поощрениями и наградами. Это было очень важно, поскольку, как однажды заметил Наполеон, «войсками управляют с помощью цветных ленточек». Высшие награды, конечно, доставались старшим офицерам, но некоторые ордена и медали могли получить и рядовые пехотинцы. Среди них были значки, отмечавшие участие солдат в некоторых кампаниях, которые обычно носили на левом рукаве в виде манжетной полоски. Ими награждали за службу на особенно важных участках боевых действий и в кампаниях: так, Нарвикским щитом были отмечены солдаты, участвовавшие в ожесточенных сражениях за норвежский порт в апреле 1940 года. Позже появился Кубанский щит — для участни-

ков длительной обороны Кубанского плацдарма во время первых восьми месяцев 1943 года. Кроме того были нашивки различного цвета за ранение, медали за уничтожение танка в ближнем бою, которыми награждали солдат, которые лично уничтожили танк противника. За выдающийся героизм рядовой солдат мог получить желанный Железный крест второго класса. Последующие, особо смелые действия отмечались Железным крестом первого класса, а далее шли пять восходящих классов Рыцарского креста Железного креста: Рыцарский крест с дубовыми листьями, мечами, бриллиантами и, наконец, с золотыми дубовыми листьями. Во время войны было выпущено около 2,3 миллиона Железных крестов второго класса (примерно один из восьми солдат получил такой Крест), 300 000 Железных крестов первого класса (примерно один солдат из 60), 5000 Рыцарских крестов (примерно один из 3000 получил эту награду), 871 с дубовыми листьями, 148 с мечами, 13 с бриллиантами и единственный с золотыми дубовыми листьями.

То, что эти награды выдавались по совокупности героических действий, создавало мощный стимул для повторных подвигов. Действия, за которые присваивалась награда, были различными для простых солдат и офицеров: от офицеров ожидали большего. Едва ли необходимо повторять, что для представления к награде требовались очень веские основания. Одной только храбрости было недостаточно: она должна была сочетаться с повторными примерами индивидуальных действий и инициативой награждаемого. Так, например, когда к фельдмаршалу Фердинанду Шёрнеру обратились с просьбой представить некоего подполковника Мокроса к награждению Рыцарским крестом с дубовыми листьями за то, что он лично, с пулеметом в руках повел свой полк в контратаку, Шёрнер отказал, возразив, что действия офицера были «естественным долгом» командира, а не актом исключительного героизма, достойного награды.

Действия Реми Шрийнена, который заслужил репутацию грозного истребителя танков, оказались типичным примером самостоятельных действий в сочетании с исключительной отвагой, что и требовалось для награждения Рыцарским крестом. 3 марта 1944 года Шрийнен был ранен в седьмой раз, а весь его оружейный

расчет убит. Медработники настойчиво предлагали раненому отправиться в полевой госпиталь, где ему могли оказать необходимую помощь, но он ответил отказом. Шрийнен настоял на том, чтобы ему обработали раны прямо во фронтовом медпункте, и, несмотря на то, что помощь была самой примитивной, он остался в своем подразделении. Командир поручил Шрийнену выполнение самых легких обязанностей и запретил раненому появляться на передовой до полного выздоровления. Но когда три дня спустя на участке подразделения создалось критическое положение, Шрийнен, нарушив приказ командира, вступил в бой и один, без чьей-либо помощи, открыл огонь из уцелевшего орудия. Он вел, несомненно, безнадежный бой против целого советского бронетанкового батальона, в составе которого было несколько новых тяжелых танков «Иосиф Сталин II». Шрийнен в одиночку смог вывести из строя 11 вражеских танков, включая три машины «ИС-II», прежде чем

1939 год. Во время маневров перед началом войны группа гражданских лиц и единственный член организации Имперской трудовой повинности восторженно приветствуют немецкого солдата. Обычных немцев учили с уважением относиться к солдатам, и до начала войны многие немцы рассматривали службу как почетную обязанность. Рядовой одет в стандартную полевую серую форму Вермахта (германской армии). Он держит два карабина 98К, увитые цветами. Обратите внимание на обод над краем его каски, который использовался для крепления маскировочных веток. Возможно, эта фотография была постановочной.

его снова серьезно ранили. Когда на следующий день в результате контратаки позиция батареи была вновь занята, его обнаружили без сознания в критическом состоянии. Несмотря на то, что Реми Шрийнен нарушил приказ непосредственного командира, его все-таки представили к награждению Рыцарским крестом, поскольку

Немецкое кавалерийское подразделение выстроилось на учебном плацу, подготовившись к инспекторской проверке. К 1940 году большинство кавалерийских частей были механизированы.

Шрийнен спас подразделение, проявив необходимый личный героизм и инициативу, что и требовалось для получения Рыцарского креста.

УВОЛЬНИТЕЛЬНЫЕ

В течение всей войны германские вооруженные силы придерживались политики щедрого предоставления отпусков своим солдатам, теоретически без учета звания или должности. Каждому военнослужащему полагался ежегодный 14-дневный отпуск. Кроме того, они имели право на дополнительный, предоставляемый по усмотрению командиров, специальный отпуск для выздоровления или в случае смерти близкого родственника, сроком до 21 суток.

Поэтому приблизительно десять процентов личного состава германской армии постоянно находилось в отпуске. В отличие от британских и американских солдат, которые годами не видели свою семью, немецкий солдат в среднем мог рассчитывать побывать дома по крайней мере один раз в год. Действительно, редкий немецкий

солдат не бывал в отпуске в течение двух лет, и такие солдаты получали первоочередность по отпускным квотам. Кроме того, командиры предоставляли статус первоочередности войскам, непосредственно участвующим в боевых действиях на линии фронта и женатым военнослужащим. Такая щедрая отпускная политика была нацелена на поддержание боевого духа солдат и высокой боевой эффективности. Благодаря этой практике резко снижалось напряжение, вызванное длительным пребыванием вдали от близких и семьи. Однако каждый отпускник, под страхом смертной казни, мог быть немедленно отозван из очередного отпуска, в случае необходимости. Хотя некоторые солдаты и офицеры изъявляли желание вернуться, а некоторые и в самом деле возвращались в свои подразделения раньше! В этом заключается один из странных феноменов войны, который гражданским лицам понять трудно: стремление военнослужащих, находящихся в отпуске, вернуться в привычную среду своей части. Некоторым солдатам оказывалось сложно, если не невозможно, приспособиться к гражданской жизни в окружении своих родных. Зачастую это окружение становилось для многих солдат настолько чужим, что свой полк они начинали воспринимать как свой истинный дом. Адольф Штраух, боец 2-го парашютного полка, стал типичным примером проявления таких чувств. Он признавался в своем дневнике, что, получив отпуск в марте 1943 года, он провел его, испытывая постоянное желание вернуться к своим товарищам из 8-й роты, которые в тот момент находились во французском городке Мурмелон. Он обнаружил, что никак не может наладить контакт с семьей и друзьями мирной поры и адаптироваться к тому в высшей степени гражданскому образу жизни, который они вели. Штраух признал, что за время его отсутствия возникла настоящая пропасть, отделившая его от бывших друзей, мост через которую перебросить было невозможно. Адольф возвращался во Францию и в свой полк скорее с радостью, чем с грустью.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ

Очень важными для поддержания боевого духа и решимости войск были службы материально-технического обеспечения. Например, солдат необходимо было обеспечивать новой формой,

но, учитывая огромные потребности Вермахта в различных поставках, новая форма была роскошью, ее доставляли время от времени, после того, как обеспечивали более важные поставки. В 12-й пехотной дивизии, например, солдаты получали новую пару носков в среднем каждые два месяца, смену нижнего белья и новую рубашку — каждые шесть месяцев и новую форму — только раз в год. В полевых условиях форма быстро приходила в негодность, и после тяжелых боев солдаты больше походили на цыган. Фриц Кнаппе из 24-го артиллерийского полка не мог забыть вшей, которые быстро появлялись в полевой форме солдат. Он навсегда запомнил постоянное жжение под мышками, где вши собирались в поисках тепла, и постоянное расчесывание, которое не облегчало, а лишь усиливало жалкое положение.

Не менее важным элементом поддержки высокого боевого настроя войск была полевая почта. Немецкая полевая почта прилагала самые энергичные усилия по бесплатной доставке почты в действующие войска. Обычно письмо из Германии доходило до солдата на фронте менее чем за две недели. Полевые почтальоны регулярно проводили выборку солдатских писем, чтобы оценить моральное состояние личного состава фронтовых подразделений. Военные вопросы обсуждаемые в письмах, как правило, вымарывались цензорами, но проверить удавалось лишь малую толику солдатских писем. Сол-

датам запрещалось посылать домой военные сувениры, и для этого запрета имелись разумные основания. Например, осенью 1941 года некий ефрейтор Шмидт отправил своему младшему брату несколько «разряженных» советских боеприпасов, но они взорвались в пути, уничтожив целый вагон почты! Шмидт был наказан за свой опрометчивый поступок, но в целом достаточно редки были случаи, когда солдату приходилось отвечать за негативные высказывания о войне или о нацистских руководителях. В основном из-за действий противника некоторое количество почтовых отправлений не достигало своих адресатов.

Представление о масштабах полевой почтовой системы можно получить на основе статистики 18-й армии, дислоцированной под Ленинградом: в течение последних пяти месяцев 1942 года 150 000 солдат группировки получили в общей сложности 3,5 миллиона почтовых отправлений.

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Опираясь на свой довольно большой опыт, германская армия развила прагматическое отношение к сексу в вооруженных силах. Армия признавала, что большинство солдат, находясь

Довоенная подготовка по использованию 50-мм легкого миномета leGW. Подобные минометы обеспечивали пехоте дополнительную огневую мощь в бою.

вдали от подружек и жен, нуждаются в сексе как способе снять напряжение после боя. Относительный дефицит женщин в жизни типичного боевого солдата также неизбежно приводил к созданию благоприятных условий для возникновения гомосексуальных связей, которые армия энергично пыталась искоренить, пос-

кольку официально считалось, что такие действия не только безнравственны, но, что еще более важно, вредны настоящему воинскому порядку. Немецкий кодекс военных законов запрещал гомосексуальные акты, и обвиняемые в таких «сексуальных преступлениях» подвергались суровому наказанию, включая перевод в

Взвод немецких пехотинцев в стальных касках марширует по площади германского города. Этот парад проводился 29 января 1943 года в ознаменование десятой годовщины вступления Гитлера на пост канцлера Германии в январе 1933 года. Несмотря на то, что к этому времени нацистская Германия приблизилась к пику в отношении технической мощи и завоеванных территорий, ход

боевых действий начал поворачиваться против Германии, хотя это станет очевидно только к началу летних кампаний. В военных неудачах Германии были виновны не солдаты Вермахта, а недостаточное использование промышленности и ресурсов Германии, а также решение Гитлера вторгнуться в Советский Союз, что привело к чрезмерному напряжению вооруженных сил Германии.

штрафные подразделения. Но с другой стороны, те, кто имели нужные связи, могли избежать таких неприятностей. Оскар Дирлевангер, которого выкинули из армии по обвинению в сексуальном преступлении, использовал свои политические связи, чтобы вступить в войска СС, и в 1944 году он был назначен командиром печально известной бригады Дирлевангера — отвратительного сборища политических заключенных, обычных уголовников и жестоких вырождаков.

В то же время армия должна была защитить солдат от венерических заболеваний, которые были весьма распространены там, где смешивались солдаты, проститутки и гражданские, следующие за армией.

Армейским командованием было принято решение о создании публичных домов, где проституток можно было контролировать и проводить их профилактические медицинские осмотры. Однако официальной армейской политики по этому вопросу разработано не было, и вопрос об открытии публичных домов решался исключительно на уровне местного командования. Понятно, что отношение командиров к этому вопросу было различным: передовые или, возможно, просто прагматичные офицеры поддерживали их создание или рассматривали эти заведения как неизбежное зло, в то время как другие считали публичные дома отвратительными с точки зрения нравственности и делали все возможное, чтобы препятствовать посещению борделей своими солдатами.

Капитан парашютно-десантных войск Оскар Долл из 7-й воздушно-десантной дивизии был примером отрицательного отношения к заведениям подобного толка. Поскольку он не мог запретить своим солдатам посещать бордели — такой запрет мог бы спровоцировать мятеж — он, тем не менее, максимально осложнил посещение заведений с дурной славой. Так, капитан неизменно выбирал места для постоя как можно более удаленные от официальных публичных домов.

Он также требовал, чтобы те, кто хотел получить «зеленый билет», то есть пропуск в публичный дом, без которого вход в увеселительное заведение был запрещен, имели при себе полную боевую выкладку и добирались до борделя пешком, затем все в том же полном боевом снаряжении и опять-таки пешком солдат дол-

жен был вернуться в свою часть. Такие сложности не могли остановить только самых горячих солдат.

Попытки регулировать сексуальные связи, чтобы предотвращать распространение заболеваний, передающихся половым путем, не всегда были успешными. Так, например, 5 января 1943 года 244 солдата из мотопехотной дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», дислоцирующейся тогда во Франции, были официально признаны негодными к службе из-за того, что заразились гонореей. Конечно, официальная статистика, к которой немцы питали особую слабость, имела тенденцию преуменьшать настоящие масштабы этой проблемы, поскольку пока солдат мог встать в строй, о его затруднительном положении не докладывали. Однажды, слегка подвыпив, командир эсэсовской дивизии «Лейбштандарт» SS-Oberstgruppenführer (оберстгруппенфюрер СС; генерал-полковник) Йозеф «Зепп» Дитрих опрометчиво признался своему шефу — известному своим пуританством рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, что целая треть его 20-тысячной дивизии имеет различные венерические заболевания. Пришедший в ужас рейхсфюрер СС незамедлительно потребовал принять меры, чтобы справиться с этой проблемой, но, как и многие другие его начинания, эта кампания не увенчалась особым успехом.

Паулю Каммбергеру и другим юным волонтерам дивизии СС «Гитлерюгенд» в таких сексуальных увольнениях было отказано, поскольку Гиммлер считал их слишком молодыми и невинными, он хотел избежать жалоб со стороны разгневанных матерей по поводу нравственного разложения их сыновей. Этим юным солдатам СС на тех же основаниях не выдавалась стандартная норма сигарет, а вместо них юные бойцы получали определенное количество леденцов! Точное соотношение зеленых пропусков, сигарет и заменяющих их леденцов остается загадкой.

Общий опыт тщательной начальной подготовки, железная дисциплина, беспрестанная пропаганда, награды за образцовые действия, щедрая система отпусков, регулярная почта и доступ к другим развлечениям — все это помогло германской армии сформировать из своих солдат одну из наиболее грозных военных машин, которую когда-либо видел мир.

Подразделение немецких пехотинцев
ведет огонь из своего пулемета MG 34,
установленного на треноге и оснащенного
специальным оптическим прицелом для ведения
непрерывного огня.

ПЕХОТА

Несмотря на то, что бронетанковые дивизии и эскадрильи бомбардировщиков «Штука» наиболее рельефно представляли передовые силы нацистской военной мощи, обычный пехотинец (Landser) Вермахта оставался доминирующей фигурой гитлеровской армии в течение всей войны. Landser, возможно, и не мог продемонстрировать самые передовые достижения техники, но именно пехотинцы составляли костяк вооруженных сил и являлись их мускулами, которые обеспечивали основную силу и боеспособность гитлеровской военной машины. Даже в механизированных боестолкновениях и тем более войнах практически каждая крупная битва в конечном счете сводилась к борьбе атакующего солдата против солдата в окопах, развалинах зданий или разоренных лесах — к отчаянному поединку, имевшем целью занять или защитить жизненно важные позиции.

В течение всей Второй мировой войны, даже после того, как многие части понесли чувствительные потери, немецкая пехота сражалась с внушительным упорством и эффективностью. Статистические данные показали, что, как правило, потери противника на 50 процентов превосходили потери немецких частей, вне зависимости от того, оборонялись или атаковали подразделения Вермахта, причем подобное соотношение сохранялось практически до самого конца войны, даже в случае численного превосходства противника. Одним из основных составляющих этой феноменальной военной мощи стала сплоченность подразделения — способность немецких солдат держаться вместе и продолжать действовать как целостная команда, несмотря на губительные потери, тогда как подразделения многих армий мира в такой ситуации распались бы на разрозненные и разобщенные группы, охваченные паникой и элементарным инстинктом самосохранения. Немецкие солдаты также демонстрировали замечательную способность перегруппировки и создания специальных, для данной конкретной цели групп, составленных из оставших и уцелевших солдат из различных частей.

Немецкие солдаты, служившие в пехоте, происходили из различных социальных, экономических и профессиональных слоев и групп. В то время как армии большинства стран имели тенденцию распределять человеческие ресурсы в основном в соответствии с классовой принадлежностью, образованием или способностями, немцы делали упор на психологические черты. Офицеры, отвечавшие за набор личного состава, стремились дать всеобъемлющую характеристику каждого новобранца, включая его духовные качества и эмоциональные позиции, а не только объективные способности. Особенно ценным и наиболее искомым качеством было *Einsatzbereitschaft* — чувство решимости и самообладания, готовность сконцентрировать всю волю для выполнения поставленной задачи. Альфред Веселье вспоминал об одном из таких испытаний: во время этого тестирования его с группой новобранцев намеренно водили по лабиринту комнат и коридоров, стараясь дезориентировать испытуемых, затем их привели в темный, без окон подвал, где на новобранцев обрушился шквал неожиданных вопросов. Экзаменаторов, как оказалось, гораздо больше интересовала реакция испытуемых на состояние стресса, чем их ответы. В германской армии такое качество, как «стрессоустойчивость», считалось для пехотинца не менее важным, чем для солдата других родов войск, особенно если речь шла о кандидатах на офицерскую должность. Таким образом, типичный *Landser* ни в коей мере не был неким осадком живой силы немецкой армии, хотя на последних этапах войны германские власти действительно «скребли по сусекам».

Личные качества новобранца, однако, имели бы небольшое значение, если бы не скрупулезная и порой жестокая подготовка на учебных полигонах Вермахта. Для новобранцев-пехотинцев процесс подготовки начинался с 16-недельной начальной подготовки (позднее, когда положение Германии становилось все более и более безнадежным, время подготовки было сокращено до восьми недель). Одним из самых известных девизов германской армии был лозунг «Больше пота — меньше крови». Гай Сайер прочувствовал значение этой поговорки, когда в июле 1942 года прибыл в казармы Хемница. В последующие месяцы он и его товарищи-новобранцы терпели бесконечную муштру

Пехотинцы и пулеметный расчет переправляются через реку Буг 23 сентября 1939 года во время Польской кампании. Тягловые лошади плывут рядом с плотом, построенным из двух спасательных шлюпок. Во время этой кампании стремительное продвижение мотопехотных дивизий часто вынуждало пехоту плестись позади — в ранних кампаниях Второй мировой войны эта проблема стала типичной для германских войск. В течение войны германская армия в чрезвычайной степени опиралась на гужевую тягу, что противоречит всеобщему убеждению о высокой механизации Вермахта. Несмотря на то, что некоторые подразделения были моторизованы, пехотинцы в основном должны были проходить большую часть захваченных в 1939–1942 годах территорий в пешем порядке. Это неизбежно приводило к задержкам наступательных операций, так как мобильные бронетанковые части должны были дожидаться, пока их догонит поддерживающая пехота.

и непрерывные занятия, целью которых было буквально довести солдат до изнеможения и таким образом привить новобранцам столь необходимую солдатам выносливость. Однажды Сайеру и его товарищам пришлось без пищи в течение более чем суток совершать марши и при этом выполнять необходимые маневры, после чего новобранцы, промокшие и озябшие, были близки к отчаянию, но Сайер вполне осознавал высшую цель этих испытаний, которая и отличала их от обычного садизма. Сайер вспоминал о фельдфебеле-инструкторе строевой подготовки как о «человеке, имеющем ясное представление о работе, которую необходимо выполнить», о человеке, который заставил своих новобранцев осознать, что, если они не смо-

гут выносить небольшой холод и смотреть в лицо опасности, то никогда не смогут выжить на фронте. Сложность подготовки не уменьшалась до самого конца обучения. Пехотный лейтенант Ганс Вернер Вольтерсдорф даже в оккупированной Франции заставлял тренироваться солдат своей части. Вольтерсдорф прекрасно понимал, что солдаты каждый раз, когда он заставляет их рыть окопы, проклинают его, но он всегда давал им понять, что его целью является не наказание, а, скорее, «страхование жизни».

Опасная подготовка

Реальные опасности добавляли сложностей к усиленной подготовке. Гай Сайер вспоминал противотанковые занятия, во время которых его

подразделение должно было укрыться в неглубоких окопах и оставаться там, пока взвод танков Mark III не проехал прямо над ними. Сразу же после прохода танков пехотинцы (*Landsers*) должны были вскарабкаться на бронемашину и установить в наиболее уязвимое место, а именно в зону сочленения башни и корпуса, магнитную противотанковую мину. Несмотря на то, что Сайер не упоминал о каких-либо несчастных случаях на этом конкретном занятии, легко представить себе, какой опасности подвергается солдат, сначала бегущий за танком, а затем взбирающийся на него. Сайер ничего не говорит о том, насколько опасен был даже во время обучения противотанковый фауст-патрон (*Panzzerfaust*), с его мощным потоком пороховых

Отделение немецкой пехоты готовится атаковать советские позиции на Украине. Обратите внимание на приспособления на касках для закрепления камуфляжа.

газов. В течение всего лишь трех недель в ходе занятий с этим оружием, оснащенным боевыми зарядами, рота Сайера из своих 150 солдат потеряла четырех человек убитыми и 20 ранеными.

Невозможно подсчитать точно, сколько жизней благодаря такой подготовке было спасено в реальных боевых действиях, но понятно, что польза ее была значительной. Густав Кникрем позднее сделал вывод, что основным преимуществом немецкого солдата была «жесткая подготовка» бойца, которая научила его выполнять «все приказы автоматически». Хотя Кникрем признавал, что пехотинец все же думал о своем доме и родных, он, тем не менее, «стоял прямо и стрелял» и «действовал автоматически, как настоящий солдат». Такое внушение помогало сохранить жизнь солдату — только тупица будет отрицать это, утверждал Кникрем. Неудивительно, что после таких испытаний у пехотинцев развивались столь сильные товарищеские узы. Действительно, немецкие пехотные роты часто становились похожи на большие семьи.

Именно это имел в виду Карл Фукс, когда в письме родителям написал, что стал настолько неотъемлемой частью своей роты, что сомневается, что когда-либо сможет жить без нее. Командир становился своего рода «отцом», как выразился в своих воспоминаниях Ганс Вернер Вольтерсдорф: «Моя часть была моим домом, моей семьей, которую я должен был защищать». Завершал аналогию с жизнью в семье фельдфебель, традиционно называемый Spiess (Spiess — нем. воен. жарг. — фельдфебель. — В.Ф), но также известный как «мать». В германской армии роль такого военнослужащего имела большее отношение к моральному состоянию солдат, чем к общей дисциплине, — именно он, как правило, выступал в роли посредника, передавая жалобы и просьбы солдат вышестоящим командирам, что в целом, насколько это было возможно, способствовало благополучию солдат.

В конечном счете, дисциплина, конечно, также играла решающую роль в сплочении пехоты. Гай Сайер описывал лачугу, называемую «будка», в которой наказанного солдата сажали на цепь, привязанную к деревянной балке, при этом руки солдата связывали за спиной; на протяжении восьми часов наказанного заставляли стоять и в таком положении лакать суп из миски — и все это после 36 часов непрерывных тяжелых занятий. Однако дисциплинарные проблемы возникали сравнительно редко, по крайней мере до 1945 года. Советские комиссары могли гнать свои войска, как скот, но немецкие офицеры знали, что боевая эффективность требует подготовленного солдата. В германской армии рассчитывали, что офицеры будут примером для солдат, и обычно они соответствовали этому идеалу. Ганс Вернер Вольтерсдорф обобщил этот «особый принцип руководства» следующим образом: «Необходимым условием для карьеры офицера был не диплом о высшем образовании, а способность подавать пример, истинная власть. Только лучший в боевом отношении мог руководить подразделением; не форма и не должность делали человека командиром, а личный пример».

ВООРУЖЕНИЕ

В течение Второй мировой войны винтовка с поворотным продольно-скользящим затвором производства фирмы «Маузер» Kar 98K оставалась типовым оружием немецкой пехоты.

Несмотря на то, что в числе ее достоинств были дальность огня, точность, убойная сила и надежность, планирующие органы Вермахта осознавали, что в большинстве случаев пехота принимала участие в боях на ближних дистанциях, где достаточно было более короткого и более легкого оружия. В связи с этим к 1939 году на вооружение начал поступать пистолет-пулемет «шмайссер» MP 38/40. В действительности к началу войны лишь немногие пехотинцы получили эти автоматы, но по крайней мере специальным штурмовым частям это оружие обеспечило преимущество в ближнем бою. Немцы также широко использовали ручные гранаты, которые давали пехотинцам неоценимое преимущество при нападении из-за угла здания или броске через бруствер окопа; таким образом, поражая противника, пехотинец оставался в безопасности. В течение Второй мировой войны немецкие солдаты использовали гранаты модели 39, которые имели яйцевидную форму, и более известные гранаты модели 24 — «картофелемешалки», длинные ручки которых обеспечивали большую дальность броска. Десять пехотинцев во главе с ефрейтором или фельдфебелем образовывали стрелковое отделение, которому полагался легкий пулемет MG 34. Огневая мощь этого пулемета с ленточной подачей патронов калибра 7,92-мм и высокой скорострельностью давала немецкому пехотному отделению одно из наиболее важных преимуществ. Три таких отделения (их число возросло до четырех в период с 1939 до 1940 года) составляли стрелковый взвод, с добавлением командной группы и 50-мм миномета. Стрелковая рота состояла из трех взводов плюс штабное отделение и расчет тяжелого пулемета. Три стрелковые роты и штабная рота образовывали пехотный батальон, к которому приписывалась артиллерийская или минометная рота — последняя имела на вооружении шесть тяжелых пулеметов и шесть 81-мм минометов. Три батальона составляли полк, имевший свой полковой штаб, роту гаубичной артиллерии и противотанковую роту.

Однако немецкая пехота все-таки имела значительные недостатки. Быстрое расширение армии после 1933 года значительно понизило качество элитного Рейхсвера (небольшой профессиональной армии Веймарского перио-

да), обнаружилась серьезная нехватка как офицерского, так и унтер-офицерского состава, которые в то время большей частью оказались заняты подготовкой призывников. Транспорт оставался явно устаревшим, с чрезмерным количеством лошадей — более 2000 голов — и сравнительно небольшим количеством автомашин на каждую дивизию. Дефицит вооружения также был бедствием многих немецких частей, которые зачастую получали устаревшее оружие: например, нередко были случаи использования старых пулеметов с водяным охлаждением MG 08 выпуска 1908 года. Многим солдатам приходилось довольствоваться трофейным оружием.

Тем не менее, в целом немецкая пехота вступила во Вторую мировую войну подготовленной лучше, чем пехотные части противников. Однако никто не мог быть уверен в исходе, когда Гитлер вновь втянул страну в войну на два фронта. Клаус фон Бисмарк (потомок известного канцлера) в 1939 году был молодым пехотным офи-

Немецкие войска связи во время учебного занятия прокладывают полевую телефонную линию, используемую для обеспечения связи на поле боя.

цером. Позднее он писал, что его товарищи не испытывали восторга по поводу начала войны, так как в действительности не верили нацистской пропаганде. И, тем не менее, он признавал: «Мы все были зачарованы этой ситуацией. Мы сами на себя производили огромное впечатление — своей энергией, своей силой и своей дисциплиной».

Несмотря на то, что немцы довольно легко разгромили Польшу, эта кампания обнаружила серьезное упущение — армия оказалась недостаточно подготовлена к ведению ночных боевых действий. Признание этих недостатков и принятие шагов по их исправлению, даже после такой громкой победы, явилось признаком военной эффективности Германии.

Рассматривая сложности, связанные с подготовкой к ночным действиям, в частности последствия недостатка сна, не так трудно понять, почему даже немцы старались игнорировать подобную подготовку. Но после Польши они вкусили сполна. Ганс Вернер Вольтерсдорф вспоминал полные отчаяния взгляды своих солдат, когда они узнавали, что после целого дня обычных занятий должны принять участие в ночных маневрах. «На рассвете они вновь стояли там, покрытые пылью, грязные, испытывая теперь одно-единственное желание — завалиться спать. Но не тут-то было! Два часа спустя громы орудий вновь призывало их, поскольку уход за оружием и постоянная боевая готовность являются исключительно важными!»

Горно-пехотные части

Горно-егерские (горно-пехотные) части германской армии (Gebirgsjäger) сыграли ключевую роль в Норвежской кампании весной 1940 года. Так как солдаты этих частей были в основном уроженцами альпийских районов Австрии и Баварии, все они обладали навыками хождения на лыжах и альпинистским опытом. Прорываясь через британскую морскую блокаду, немецкие военные корабли перевозили легко оснащенные подразделения 2-й и 3-й горных дивизий, которые должны были захватить Тронхейм и Нарвик и удержать города до подхода подкрепления, пробивающегося на север из Осло. Немцам необходимо было прорваться через последовательную сеть блокирующих позиций, удерживаемых специальными норвежскими

частями, которые пытались продержаться до прибытия подкрепления союзников. В ряде таких столкновений немцы, к своему ужасу, обнаружили, что норвежские пехотинцы оказались более искусными стрелками. Однако потери от стрельбы снайперов не мешали немцам соединиться со своими товарищами на севере: выяснилось, что все же во многих отношениях немецкая пехота решительно превосходит плохо подготовленных норвежцев и солдат британских территориальных войск.

В мае — июне 1940 года в ходе немецкого наступления на Западе, как только бронетанковые дивизии прорвались к побережью Ла-Манша и вынудили северные союзные армии эваку-

Немецкий пулеметный расчет несет свой пулемет MG 34 калибра 7,92-мм, дополнительные пулеметные ленты переброшены через плечо пулеметчика.

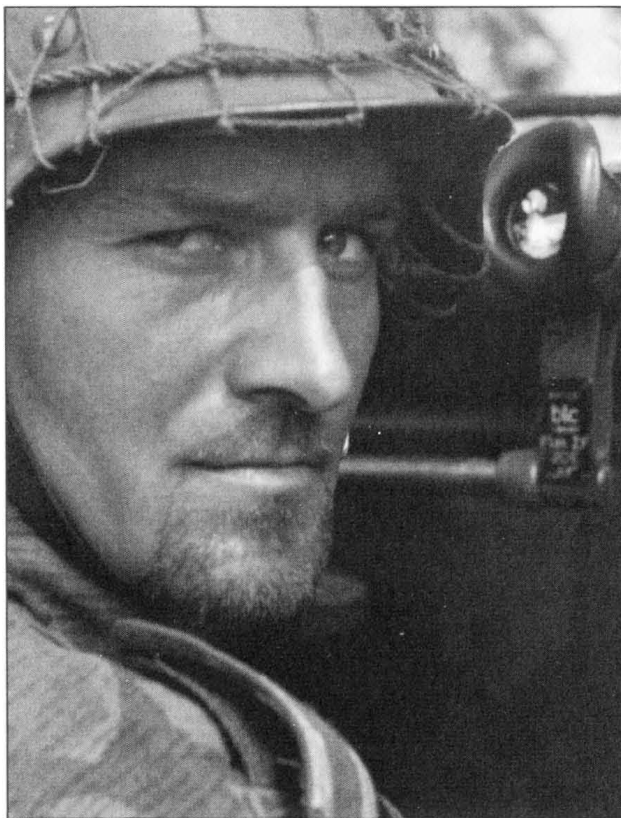
ироваться или сдаться в Дюнкерке, основная тяжесть сражения на конечных этапах кампании легла на немецкую пехоту. К этому времени бронетанковые дивизии понесли настолько тяжелые потери (из-за поломок, а также в результате действий противника), что не было возможности для еще одного молниеносного броска, который мог бы разбить в районе Парижа остатки французской армии.

Вместо него немецкие пехотные дивизии осуществили менее быстрое, но не менее впечатляю-

щее наступление, разрушившее последние надежды союзников удержать столицу и вынудившее Францию просить о перемирии. Таким образом, кампании 1939 — 1940 годов продемонстрировали не только великолепную мощь механизированных операций, но и отвагу, присущую немецким Landsers. В эти пьянящие дни победы немногие могли представить, что ждет их впереди.

После нескольких месяцев временного затишья в конце 1940-го и начале 1941 года немецкая пехота вступила в бой, чтобы в апреле 1941 года возглавить операцию «Марита», с которой началось вторжение сил «оси» в Югославию и Грецию.

Горно-стрелковые подразделения играли в этой кампании чрезвычайно важную роль, что

Бородатый немецкий солдат на фоне оптического устройства. Подобные оптические устройства использовались на дальномерах или прицелах.

обусловлено сложной топографией этого района. Алоис Редль описывал, как небольшая группа из состава его батальона просочилась через югославские оборонительные сооружения, защищавшие мост через коварную реку Мур недалеко от Белграда. Несмотря на то, что группу заметили, прежде чем она выполнила задание, горные стрелки сумели выйти к мосту, сняли подрывные заряды и успешно атаковали оборонительный бункер, чтобы расчистить путь своим товарищам.

Oberfeldwebel (обер-фельдфебель), который командовал этим штурмом, получил Рыцарский крест.

Во время стремительного крушения Югославии ничто и никоим образом не говорило о том, как трудно будет контролировать этот регион, когда партизанские отряды Тито наберут силу. Однако в Греции оккупационные войска с самого начала столкнулись с решительным и хорошо окопавшимся противником. После одного штурма измученные горные стрелки остановились,

чтобы перегруппироваться. «В этот момент моя жизнь чуть не закончилась, — вспоминал один из них. — Откуда ни возьмись, так, по крайней мере, мне показалось, появилась рота греческих пехотинцев и пошла на нас с примкнутыми штыками. Это было устрашающее зрелище — прямо на нас вниз по склону шел в атаку противник». В самый последний момент немцы оправились от шока и шквалом пулеметного огня буквально смели контратакующих. «Мы убили всех солдат противника, прежде чем они со своими штыками смогли добраться до нас, чтобы столкнуться в рукопашной», — закончил свой рассказ ветеран. В общем, немецкая пехота, казалось, была менее склонна к рукопашному бою, чем пехотинцы некоторых их противников, такие, как греки или гурки, с их кривыми ножами (англ. Gurkha — гурка — представитель народности, живущей в Непале; гуркские стрелки сражались в английской армии. — В.Ф.).

«БАРБАРОССА»

Однако в 1940 — 1941 годах битвы на Балканах и в Северной Африке потеряли свое первостепенное значение, что было обусловлено масштабами и необузданной жестокостью Восточного фронта, где сражалась и погибала большая часть немецких солдат. Альфред Опиц вспоминал, что, когда он и его товарищи по оружию находились на передовых позициях в Польше ночью 21 июня 1941 года, сам воздух «был пропитан предчувствием чего-то чудовищного». Другой пехотинец, Фридрих Групе, писал: «3.00. Каски надеты, винтовки заряжены... И вот земля гроыхает и трясется, перед нами сверкают вспышки огня... Пришло время пехотинца. Мы несемся вперед». Это было начало операции «Барбаросса» — масштабного вторжения Гитлера в Советский Союз, в котором было задействовано 3,3 миллиона солдат «оси», большую часть которых составляли пехотинцы. Пехотные дивизии получили дополнительных лошадей, чтобы помочь выдержать наступление, но основная часть армии все еще передвигалась пешком. Наступающие войска вскоре обнаружили, что война в России будет сильно отличаться от их предыдущих кампаний. Солдатам просто не хватало воображения, чтобы представить те огромные расстояния, которые им предстояло пройти. Немецкий военный корреспон-

дент писал, что, когда немецкий пехотинец рассказывал о своем пребывании в Советской России, то прежде всего он вспоминал, что там, несмотря на общую равнинность территории, «все дороги, независимо от их направления, ведут в гору». Журналист также добавлял, что «величайшие усилия» немецкие солдаты должны были прилагать не во время сражения, хотя бои были тяжелыми, — пехотинцам приходилось расходовать «массу душевных сил» только на то, чтобы преодолеть огромные расстояния. Гай Сайер отмечал, что слово «истощение» не имело ничего общего с тем «истощением», которое ему приходилось испытывать с начала войны на Восточном фронте, в результате которого «сильный человек в течение нескольких дней мог потерять до 15 фунтов собственного веса».

Примитивные бытовые условия и отсутствие нормального снабжения — с этим чаще всего сталкивались Landsers в России. Даже когда они

На фотографии мы видим, как парашютист-десантник в Кассио стреляет из пистолета-пулемета MP 38, который стал одним из основных видов оружия немецкой пехоты во время войны.

были не на марше, мелкие неприятности, такие, как вши, могли сделать повседневную жизнь почти невыносимой. Удерживая сравнительно спокойный участок в Крыму в мае 1942 года, Алоис Двенгер писал: «Я полагаю, что настоящий героизм заключается в том, чтобы вынести эту ужасную повседневную жизнь». Такие неудобства, конечно, являются судьбой пехотинца в любое время и в любом месте, но русская зима была уникальной. Немецкая форма и оснащение оказались, мягко говоря, непригодными, и чрезвычайное распространение получили случаи обморожения солдат. Landsers выживали с помощью различных уловок, таких, как плетеные соломенные боты, которые отлично сохраняли тепло, но были чрезвычайно громоздкими, в ход шли и самодельные маскировочные халаты, скроенные из простыней. Другим весьма распространенным среди пехотинцев самодельным приспособлением было некое подобие «снегоступов», которыми солдаты не только пользовались сами, но и надевали на сошки пулеметов, чтобы те не проваливались в снег.

«Когда же, наконец, придет весна? — писал в своем дневнике один молодой офицер. — В этой

Имеющий награды артиллерист осматривает сквозное отверстие, которое проделал один из его выстрелов в боковой броне русской бронированной машины.

проклятой местности по ночам стоит жуткий холод. Мы окапываемся с огромным трудом». Другой офицер вспоминал ужас своих солдат, вдруг обнаруживших, что пулеметы заклинило от холода, и они остались практически беззащитными, пока кто-то не додумался, что можно разморозить оружие, натирая его бензином.

Советы, казалось, не принимали во внимание потери, и их человеческие ресурсы казались безграничными. По горячим следам, делая запись в своем дневнике, Леопольд фон Тадден-Триглафф описывает ночную атаку на позиции его подразделения в марте 1943 года: «Крики «Ура!» Со всех сторон атакующие русские; снова крики, вопли... опустошительный огонь... Мы задали жару плотной группе русских, которые прорвались на позицию справа от меня... ответив на их «ура!» презрительными выкриками... Сознавая неминуемую гибель, мы, тем не менее, стояли непреклонно». Разбитые с обоих флангов, окруженные немцы стойко держались до рассвета, когда наконец прибыла колонна подкрепления. Однако за это испытание пришлось

заплатить огромную цену: «Я был так потрясен, что чуть не плакал», — признавался фон Тадден-Триглафф и добавлял: «Когда же закончатся эти отвратительные оборонительные бои?» По горькой иронии судьбы, он получил ответ на свой вопрос уже на следующий день, когда был убит.

Никогда пехотные бои не были такими интенсивными, как в Сталинграде, где Советы в конце концов разбили всю германскую шестую армию и в течение зимы 1942/43 года повернули ход войны. Немецкий лейтенант писал о 15 днях непрерывных боев на руинах одного-единственного дома, наполненных взрывами, дымом, кровью и фрагментами тел. «Сталинград, — заканчивал он, — больше не является городом. Днем — это огромное облако горящего, слепящего дыма; это обширная печь, освещаемая отражением пламени. А когда наступает ночь, одна из тех убийственных, кричащих, обескровливающих ночей, даже собаки бросаются в Волгу и отчаянно пытаются добраться до другого берега». Заключительной ремаркой в его дневнике было: «Животные бегут из этого ада... только солдаты могут его выносить». Новости об отчаянных сражениях в Сталинграде заставили другого Landser, Гарри Милерта, размышлять о психологическом воздействии нехватки боеприпасов. «Они защищаются саперными лопатками

и винтовочными прикладами, — писал он. — Когда у солдата больше нет боеприпасов, он одинок. Боеприпасы... внушают ему чувство уверенности и безопасности; они также оказывают метафизическое воздействие на его душу. В противном случае это напоминает схватку диких животных». Помимо беспощадной решимости советского сопротивления, русское оружие оказалось неприятной неожиданностью для захватчиков. Одним из примеров эффективности стал пистолет-пулемет ППШ, который русские производили в огромных количествах. Несмотря на то, что автомат МР 38/40 достойно с ним конкурировал, у большинства пехотинцев на вооружении все еще были винтовки, и их часто просто подавлял автоматный огонь русского подразделения. Многие немецкие солдаты в качестве временной замены начали использовать трофейное советское оружие.

Немцам все-таки удалось наладить массовое производство отличного легкого пулемета — знаменитого MG 42, который обеспечил пехотинцам решающее превосходство в огневой мощи. Он был сходным с MG 34, но в его новой модели была упрощена замена перегретых стволов. Отличаясь высокой скорострельностью до 1500 выстрелов в минуту, MG 42 имел звук, больше напоминавший треск разрываемой ткани, чем неторопливое «та-та-та» других пулеметов.

СОВЕТСКИЕ ТАНКИ

Но еще больший, чем от автоматов, ужас наводили на немецкую пехоту советские танки. С 1941 по 1942 годы Т-34 и КВ-1 показали себя почти неуязвимыми для немецкого оружия, такого, как стандартное 37-мм противотанковое орудие или устаревшее противотанковое ружье Модели 39. До операции «Барбаросса» немецкая пехота редко сталкивалась с броней противника, но вскоре это стало совершенно обычным делом. Гарри Милерт в письме к жене описывал ужас, испытанный им и его солдатами во время ночной атаки пяти советских танков с пехотой на броню. «На ближней дистанции мы вели огонь по пехоте, — писал он, — но грозные стальные машины с грохотом пролетали мимо нас, стреляя из всех стволов». Наконец была выпущена зеленая ракета — сигнал к отступлению. «Теперь мы помчались изо всех сил. Танки преследовали нас более двух километров, ведя

непрерывный огонь и отрезая путь». В конце концов, только Милерту и еще одному бойцу удалось вернуться на свои позиции. Два месяца спустя Милерт вновь писал о том, что «их преследовали, как преследуют только раненое животное», и о том, что ему пришлось «пять часов сидеть в болоте, в ледяной воде, доходящей до пояса, под непрерывным танковым огнем». Две недели спустя он был убит.

Новые виды оружия и тактики боя вызвали появление контрмер, таких, как противотанковые мины и кумулятивные снаряды, а в конечном итоге и мощные ручные противотанковые реактивные устройства — фауст-патрон (ручной противотанковый гранатомет «Панцерфауст», Panzerfaust) и ручной противотанковый гранатомет «Панцершрек» (Panzerschreck). Специальная подготовка, конечно же, могла помочь солдату, но полностью его ничто не могло подготовить к тому страшному опыту, когда он, оснащенный лишь собственной плотью и неукротимой смелостью, противостоял броне противника. Уничтожение противника требовало невероятного везения и стальных нервов. В битве за Москву Ганс Вернер Вольтерсдорф столкнулся со странной неожиданностью: когда он вскарабкался на борт советского танка и попытался бросить гранату в люк башни, то оказалось, что тот закрыт на висячий замок, очевидно, для того, чтобы не позволить экипажу сбежать. В конце концов он все-таки вывел из строя бронемашину, бросив сигнальную ракету в менее крупное отверстие.

Неизвестный Landser описывал другую жуткую стычку с Т-34. Когда танк проходил совсем рядом с его окопом, пехотинец выбрался из стрелковой ячейки и попытался прикрепить магнитную противотанковую мину к корпусу танка, но обнаружил, что корпус танка покрыт слоем бетонной смеси, что не позволяло прикрепить мину. Неожиданно экипаж танка заметил его, развернул машину и попытался раздавить смельчака. Упав в неглубокую траншею, пехотинец сумел прикрепить мину к незащищенному днищу танка. Вскоре мина взорвалась, уничтожив танк. «Я остался жив, а русские погибли, — закончил он. — Руки и ноги у меня тряслись».

Жестокие и невосполнимые потери в России и Тунисе привели в октябре 1943 года к общей реорганизации немецких пехотных дивизий. Состав полков уменьшился с трех до

Ноябрь 1944 года. Немецкие солдаты милиционного ополчения (Volksturm) в окопе во время подготовки в Восточной Пруссии. Они вооружены надежными карабинами 98К калибра 7.92-мм, пули которых оказались малопригодными против приближающихся советских танков. И молодых и старых призывали на военную службу в отчаянной попытке противостоять союзникам на собственной

земле Рейха. Многие ополченцы-добровольцы, особенно члены Гитлерюгенда, сражались фанатично, но все они были плохо подготовлены и плохо вооружены, и в большинстве случаев части ополчения в боях с наступающими союзниками скорее становились раздражающей помехой. К концу 1944 года Вермахт стремительно отступал на обоих фронтах.

всего лишь двух батальонов, а в составе взводов вместо четырех отделений остались только три. В начале 1944 года дальнейшие изменения снизили численность отделения до девяти солдат. Конечный эффект таких перестановок обеспечил достаточное количество новых пехотных подразделений, которые номинально и в течение нескольких месяцев могли залатать прорехи в армейских позициях в России и Италии, но они также дали понять пехотинцам всей армии, что Германия находится в бедственном положении.

По мере того как на всех фронтах усиливалось давление противника, немецкие пехотинцы ощутили последствия напряжения и на системе снабжения. Одним вполне приземленным, но приводящим в уныние признаком было ухудша-

ющееся качество формы. Старые, образца 1936 года, мундиры и сапоги к 1943 году уступили место новым, разработанным с целью экономии и без того скудных ресурсов. Брезентовые ремни пришли на смену кожаным, шерсть все больше заменяли синтетической тканью, а суконные длинные носки дополнили низкие ботинки. Даже отличительные каски, имеющие форму ведерка для хранения угля, в 1943 году слегка изменили форму, позволив сэкономить немного стали — сократился изгиб переднего ободка-козырька. Пехотинцы почти неизменно предпочитали старое оснащение и пытались как можно дольше продлить жизнь лучших своих вещей.

В начале 1944 года части немецкой пехоты окапывались, чтобы удержать побережье Ла-Манша от грядущего вторжения союзников.

Несмотря на то, что дисциплина оставалась строгой, боевой дух начал ослабевать, по мере того как новости о поражениях на Восточном фронте и в других местах боев просачивались в ряды солдат. Вернер Бейбст, 18-летний пехотинец, служивший на укреплениях Атлантического вала, позднее так описывал свои впечатления: «Многим бойцам казалось, что война складывается не слишком хорошо для Германии, — писал он, — хотя мы, конечно, никогда этого не обсуждали». Тем не менее, солдаты находили способы выразить свое мнение. Подразделение Бейбста получило специальные инструкции относительно того, как реагировать на рейды вражеских командос, после того как несколько караулов загадочным образом исчезли ночью из своих бункеров, выходящих на море. После одного занятия инструктор спросил солдата, как тот будет действовать, если командос внезапно появятся и попытаются взять его в плен. С абсолютно невозмутимым видом боец ответил: «Ну, конечно, пойду с ними!» Бейбст считал, что падение боевого духа было в значительной степени связано с уменьшением продовольственного пайка.

К началу сентября 1944 года прибытие союзников в Берлин казалось уже вопросом нескольких недель. Несмотря на все преимущества противника, немцы сплотились на границах Отечества. Отчаянная мобилизация дала последнюю волну подкреплений — так называемые дивизии Volksgrenadier (дивизии народного ополчения), которые представляли собой пехотные образования из непригодных к несению воинской службы людей. Сформированные главным образом из мужчин старше 50 лет и мальчишек-подростков, части Volksgrenadiers помогли укрепить рушащийся Рейх и ценой ужасных человеческих потерь обеспечили еще несколько месяцев существования умирающему гитлеровскому режиму.

АРДЕННСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В декабре 1944 года немцы возложили свои последние надежды на еще одно наступление. Это сражение, теперь известное как Арденнская операция, явилось их последней отчаянной попыткой разделить армии западных союзников и выйти к Антверпену. Унтер-офицер 16-й дивизии народного ополчения (Volksgrenadier)

писал: «Это замечательно. Мы промерзли до костей, но у Ла-Манша будет теплее. На этот раз Бог должен быть с нами». Другой солдат писал своей сестре, что в часы перед атакой он «был полон возбуждения и ожидания того, что принесут последующие дни». Некоторые из его сослуживцев, признавался он, «верят в жизнь, но жизнь — это не все! Достаточно знать, что мы будем наступать и выбросим врага с нашей родины. Это священная задача. Вокруг меня ужасный грохот, вой «Фау» и грохот артиллерии — вот голос войны». Написавший эти строки почти наверняка вскоре погиб. После некоторого начального успеха наступление потерпело неудачу.

И все же немецкая пехота продолжала сражаться, хотя и все более безнадежно, но тем не менее солдаты были полны решимости остановить наступающую Красную Армию. Ожесточенные бои перемалывали целые дивизии, однако командирам все еще удавалось сколачивать достаточно мощные боевые группы, собирая уцелевших. Во многих арьергардных боях начала 1945 года такие считавшиеся расходным материалом «сводные силы», в которые входили либо пожилые, либо очень молодые бойцы или те, кто был не в состоянии двигаться в походном порядке, — располагались в окопах или за деревьями вдоль дорог с фаустпатронами или пулеметами. Перед таким отрядом стояла одна задача: не отступая, уничтожить как можно больше живой силы и техники преследующего противника. Надежды на победу не было, но такие жертвы давали время тысячам гражданских лиц бежать на запад. Стойкость, смелость и умения немецкой пехоты были ключевой составляющей военной мощи Гитлера. Практически на всех участках и во всех ситуациях она побеждала своих противников, одерживая в первые годы столь впечатляющие победы, что не только врагам, но и собственному высшему руководству стало казаться, что германская пехота непобедима. Таким странным образом успехи пехоты по сути подготовили ее конечную гибель, когда совокупность стратегических ошибок и недостаток снабжения создали перевес на поле боя в пользу противника, который для вооруженных сил Германии в конечном итоге оказался непреодолимым.

Танковые экипажи проходят подготовку в НСКК на ранней модели танка Panzer IV. NSKK — организация по подготовке танковых экипажей.

БРОНЕТАНКОВЫЕ ВОЙСКА

Главным инструментом германской армии во время Второй мировой войны были бронетанковые войска, которые возглавляли энергичные и мобильные военные кампании немецкого «блицкрига» («молниеносной войны») 1939 — 1942 годов. В течение 30-х годов немцы разработали новую стратегическую концепцию быстро наступающих бронетанковых войск, которые осуществляли глубокое проникновение, имевшее целью нарушить связь между войсками противника и таким образом парализовать его. В 1935 году германская армия сформировала три первые танковые дивизии. Гитлер поддержал развертывание этих соединений, поскольку создание наступательного военного инструмента, способного привести к стремительной и решающей победе, отвечало экспансионистским целям Гитлера.

Боевая эффективность, которую демонстрировали немецкие танковые дивизии в течение всей Второй мировой войны, в значительной степени была обусловлена тем фактором, что они составляли хорошо сбалансированные соединения всех родов войск, а не просто скопление танков. В 1935 году бронетанковая дивизия включала помимо двух танковых полков мотопехотные, артиллерийские, инженерные части и подразделение связи, а также противотанковые и разведывательные подразделения. В сентябре 1939 года шесть бронетанковых дивизий участвовали в германском вторжении в Польшу. В последующих кампаниях, вплоть до окончательного разгрома нацистов в мае 1945 года, солдаты бронетанковых дивизий возглавляли наступательные и оборонительные действия германской армии.

Франция, 1940

Немцы рассматривали свои танковые дивизии как инструмент высокоскоростных и маневренных военных действий.

Классическим примером такого применения являются действия XIX танкового корпуса под

командованием Generaloberst (генерал-полковника) Хайнца Гудериана в ходе немецкого вторжения на Запад в мае 1940 года. План немецкого нападения подтвердил существовавшие до этого представления союзников о возможных направлениях немецкого наступления, но с отвлекающими атаками на севере и ложной атаккой линии Мажино на юге. Но вместо этого немецкая армия силами семи танковых дивизий (включая три соединения Гудериана) нанесла сосредоточенный удар через предположительно непроходимую и, следовательно, слабо укрепленную местность в Арденнах. К десятому мая Люфтваффе, сразу же достигшие абсолютного превосходства в воздухе, использовали его для защиты немецких бронетанковых сил, стремительно продвигавшихся через Арденны, от воздушных атак союзной авиации.

Пройдя этот сложный участок, Гудериан столкнулся еще с одним, но последним препятствием, перед открытой равниной французской сельской местности: этим препятствием стали французские оборонительные сооружения вдоль южного берега реки Маас у Седана. Солдаты Гудериана столкнулись с необходимостью штурма хорошо укрепленной оборонительными сооружениями переправы противника — сложная задача, оставлявшая ограниченное пространство для тактического маневра. Поэтому, как вспоминал артиллерист танка Panzer III унтер-офицер Ганс Рубельт, 1-я танковая дивизия просто выстроилась на северном берегу реки и прямой наводкой обеспечила атакующей пехоте огневую поддержку. 13 мая в Седане тесное взаимодействие всех родов войск, входящих в танковые соединения немецкой армии, стало решающим условием успеха. Когда связисты 1-й дивизии передали приказ Люфтваффе о начале атаки, в воздух поднялись пикирующие бомбардировщики «Штука», и под защитой мощного вала воздушного, артиллерийского и танкового огня наземные силы начали в спешном порядке переправляться через реку на небольших моторных лодках. Несмотря на то, что мотопехота в первом эшелоне понесла тяжелые потери от губительного огня французов, ей удалось захватить и удержать плацдарм на другом берегу реки.

В течение того вечера, когда несколько батальонов стрелковой бригады, входящей в состав 1-й танковой дивизии, переправились через

Маас, передовые силы немецких войск продолжали расширять плацдарм, захватив главенствующие высоты Ла-Марфе. Той ночью, как только саперы возвели мост, бронетанковые полки дивизии, в том числе и танк Рубельта, переправились через реку и заняли плацдарм к югу от Седана. К утру 14 мая достаточное количество бронетехники, поддержанной пехотой, обосновалось на оборонительных позициях, в силу чего немцам удалось отразить французскую контратаку, которая, впрочем, была предпринята с большим опозданием. По мере продвижения 1-й танковой дивизии на юг все оказавшиеся на ее пути французские части были разбиты и бежали — произошедшее стало первым свидетельством, полученным французским верховным командованием, о том, что их войска не в состоянии противостоят ударным действиям германского блицкрига. Седан пал, и центральные районы Франции оказались открыты для танков.

Позднее в тот же день, несмотря на донесения воздушной разведки о приближающихся французских подкреплениях, Гудериан предпринял рискованный шаг, отдав приказ двум из трех дивизий повернуть на запад и стремительно двигаться в направлении моря. В тот день, как вспоминал Рубельт, 1-я танковая дивизия вошла во внутреннюю часть Франции, преодолевая любое организованное сопротивление, с которым ей пришлось столкнуться, и продолжила наступление, пока у экипажей не закончилась последняя капля горючего. К концу следующего дня, при ослабевающем сопротивлении французов, 1-я и 2-я танковые дивизии продвинулись в глубь территории на 64 км (40 миль). Стремительность, с которой немецкие танки появлялись у командных пунктов французов, каждый раз вызвала у них чувство абсолютного бессилия, которое постепенно окончательно деморализовало французских солдат. Например, севернее, где еще два танковых корпуса рвались вперед, чтобы опередить танки Гудериана, всего за два дня 7-я танковая дивизия генерал-майора Эрвина Роммеля захватила в плен около 10 000 французских солдат, потеряв при этом лишь 20 человек. К 21 июня две дивизии Гудериана пробили огромную брешь в разваливающихся линиях союзников и у Абвиля достигли Ла-Манша, отрезав силы союзников на севере. Там измученные танковые экипажи, вклю-

Хайнц Гудериан, ведущий генерал бронетанковых войск Германии, вблизи линии фронта выбирает направление движения своих войск.

чая и экипаж Рубельта, смогли немного поспать, прежде чем заняться весьма необходимым обслуживанием своих машин, поскольку стремительность наступления отрицательно сказалась на состоянии многих немецких танков. К началу июня немцы вынудили окруженные силы союзников сдаться, хотя, благодаря «чуду Дюнкерка», большая их часть сумела переправиться в Великобританию. Однако в конце мая немцы выявили некоторые опасности и недостатки, присущие блицкригу.

Во-первых, 21 мая ограниченный контрудар в Аррасе потряс германское Верховное командование и вынудил Гитлера отдать приказ об остановке наступления, что позволило британцам выиграть время и создать вокруг Дюнкерка импровизированный оборонительный периметр. Во-вторых, во время боя на улицах Кале две немецкие бронетанковые дивизии понесли тяжелые потери. Если не принимать во внимание эти мелкие неудачи, то следует отметить, что в ходе этой кампании, применив тактику блицкрига, танковые дивизии достигли ошеломляющего успеха.

Подвижная оборона

Несмотря на то, что до 1941 года танковые наступательные операции принесли Германии значительные военные успехи, в 1941 году во время вторжения сил «оси» в Советский Союз в ходе операции «Барбаросса» немецкий блицкриг провалился при попытке уничтожить Советского колосса. Действительно, после 1942 года наступления Красной Армии все больше и больше вынуждали немцев переходить к обороне. В такой ситуации германская армия вновь обратилась к своим элитным танковым дивизиям, но теперь для осуществления новой стратегической задачи — обеспечения подвижной обороны. Мастерский контрудар войск фельдмаршала Эриха Манштейна весной 1943 года под Харьковом явился превосходным примером такой тактики. Не подчинившись приказу Гитлера, закаленные бойцы недавно образованного танкового корпуса СС оставили позиционную оборону Харькова и присоединились к скоординированному контрудару Манштейна, который разбил растянувшиеся передовые силы советского наступления и быстро продвинулся через Украину. В ужасных условиях, как вспоминал SS-Sturmann (штурманн СС, младший капрал) Хайнц Штусс, превосходный пушечный огонь немецких танков и взаимодействие всех родов войск позволили вновь захватить Харьков и отбросить советские передовые части, нанеся им тяжелые потери. К несчастью для немцев, ухудшающиеся боевые возможности помешали им повторить подобный успех во время других маневренных оборонительных операций, которые они предпринимали на Востоке в 1943 году.

Позиционная оборона

С 1944 по 1945 год германские войска все чаще и чаще отказывались от маневренной обороны, поскольку растущая нехватка живой силы, топлива и возникающая угроза превосходства союзников в воздухе препятствовали использованию такой тактики. Таким образом, тактика немецких армий свелась к позиционной обороне с использованием полевых укреплений. К 1944 году, в то время как немецкие пехотные дивизии обычно только удерживали фронт, Верховное командование все чаще оказывалось вынужденным направлять на передовую бронетанковые части, которые заполняли бреши в

линиях обороны, или усиливать боевую мощь ослабленных защитных порядков. Немцы признавали, что подобное использование бронетехники тактически неверно, но в сложившихся обстоятельствах у них не было альтернативы. Для строительства полевых укреплений на Восточном фронте немецкие бронетанковые дивизии мобилизовали местных жителей, невзирая на возраст и пол, которые рыли траншеи или устанавливали заграждения из колючей проволоки. Например, Ганс Брандт, рядовой 18-й танковой дивизии, 24 июля 1943 года участвовал в подобной мобилизации, сгоняя все местное население, включая детей старшего возраста, для работы на оборонительных позициях.

Действия танковой дивизии «Леер» в Нормандской кампании летом 1944 года достаточно точно иллюстрируют то, как натиск союзных сил вынудил германское командование тактически неразумно использовать свои бронетанковые части. Танковая дивизия «Леер» была включена в оборонительную линию, расположенную севернее Кана. 140 танков оперативной группировки, стараясь укрыться от воздушной разведки союзников, развернулись в нормандских рощах на хорошо замаскированных

оборонительных позициях, среди них была и машина капитана Ганса Фелмера. Короткой южной ночью с 9-го на 10 июня 1944 года мотопехотные взводы, приданные бронетанковой дивизии, заняли полосу нормандского зеленого ограждения между Ла-Бель-Эпин и Кристо. Группа из четырех танков была развернута для поддержки каждого из этих взводов. Учитывая страшную угрозу, которую представляла воздушная мощь тактической авиации союзников, маскировка машин стала настоящей и трудоемкой задачей для танковых экипажей бронетанковой дивизии «Леер», та же задача стояла и перед танкистами группы Фелмера. После того как экипажи танков тщательно укрыли свои машины ветками, один из танкистов отошел в направлении позиций противника, чтобы убедиться, что танк хорошо замаскирован. Экипажи должны были повторять этот процесс до тех пор, пока вся боевая машина не была полностью скрыта от противника. Танки некоторых других групп были укрыты от воздушных налетов под

Смешанная колонна немецких машин, включая два легких танка Panzer I, продвигается через лес в Польше.

стогами сена или в амбарах, которых в этом районе было множество. Независимо от того, где именно скрылись танковые подразделения, их экипажам предстояла еще одна довольно скучная, но совершенно необходимая для того, чтобы остаться в живых, работа: следы танков, которые оставались на ровной земле после того, как танки занимали свои оборонительные позиции, необходимо было замаскировать во избежание воздушного налета. Танковые экипажи Фелмера должны были провести долгие, утомительные часы, выпрямляя каждый смятый стебель пшеницы и убирая все сломанные ветки, чтобы скрыть свидетельства продвижения машин на новые позиции.

В первые дни обороны танковые экипажи — в том числе и экипаж Фелмера — должны были также выкопать под машинами обязательные щели-убежища, где экипажи спали ночью. Кроме того, многие выкопали еще один окоп рядом, на тот случай, если танк загорится и в траншее под ним возникнет угроза безопасности какого-либо экипажа. Четыре экипажа капитана Фелмера, расположенные вокруг Ла-Бель-Эпин, должны были пережить 14 напряженных дней этих позиционных боевых действий. Каждый день экипаж проводил много долгих часов, наблюдая за британскими позициями, вычисляя дальность и направление возможного наступления противника, вновь и вновь подновляя и подправляя маскировочную защиту машин. Почти каждое утро заградительный огонь союзной артиллерии накрывал их позиции, до предела взвинчивая нервы танкистов и превращая окружавшее их металлические коробки пространство в ад. Несмотря на то, что в течение этих двух недель экипажи Фелмера участвовали только в четырех боях, напряженные часы бесконечного ожидания вызывали у солдат значительное напряжение. Все немецкие танкисты вздохнули с облегчением, когда через 14 дней после того, как новые пехотные дивизии прибыли на фронт, дивизия передислоцировалась на резервные позиции. Такие действия стали для танкистов обычным делом в период с 1944 по 1945 год, когда натиск союзников вынудил немцев развернуть свои бронетанковые войска в этом позиционном оборонительном маневре, хотя такая стратегия отдала союзникам всю тактическую инициативу.

ОТСТУПЛЕНИЯ

После 1942 года немцам в большей степени приходилось использовать бронетехнику для проведения сдерживающих действий, чтобы прикрывать отступление менее подвижных частей. Успешное осуществление таких действий становилось решающим в том случае, когда германская армия должна была вытаскивать менее подвижные части, находящиеся под угрозой окружения противником. К 1944 году бронетанковые части научились с блеском выполнять подобные операции. Например, на Западном фронте в самом начале сентября, по мере быстрого продвижения союзников через Бельгию, полковник Риттен из танковой дивизии «Леер» со своими небольшими бронированными боевыми группами в отчаянном бою смог предпринять эффективные сдерживающие действия для прикрытия безудержного и неорганизованного отступления менее мобильных немецких частей. Аналогичным образом в ходе отступлений на Востоке мотопехотные полки из состава бронетанковых дивизий зачастую осуществляли тактику «выжженной земли», уничтожая все, что оставалось после отступления, чтобы ничто не доставалось противнику. Например, когда осенью 1943 года дивизия «Гроссдойчланд» отступала через реку Днепр, солдаты соединения под угрозой применения оружия выгнали 13 000 охваченных ужасом советских граждан из деревень, которые дивизия покидала во время своего отступления. Действительно, в течение апреля и мая 1945 года операции отступления преобладали среди действий, которые осуществляли многие немецкие бронетанковые дивизии, в полном беспорядке откатываясь под неумолимым натиском союзников на территорию самого Рейха.

ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ

Стратегическая передислокация между театрами военных действий часто приносила солдатам немецких танковых дивизий новый опыт. Во время передислокации, когда предоставлялась такая возможность, люди и техника большую часть пути преодолевали с помощью железнодорожного транспорта, двигаясь своим ходом только до ближайшей ветки железной дороги, чтобы минимизировать механический износ танков. В начале 1942 года резервный танковый

батальон, укомплектованный танками Panzer 38(t), в котором служил рядовой Генри Метельман, перебазировался по железной дороге в Советский Союз из французского городка Тур. Танковые экипажи сначала помогали местным рабочим погрузить машины на открытые платформы, затем сами грузились в два из трех старых деревянных вагонов в хвосте поезда — третий оставался зарезервированным для офицеров. Два вагона, в которых ехали солдаты, были страшно переполнены, и ночью некоторым из танкистов приходилось спать на багажных полках, поскольку все места были заняты и даже на полу лежали отдыхающие солдаты.

Во время поездки по Европе поезд, в котором ехал Метельман, останавливался каждые 48 часов, чтобы солдаты в железнодорожных столовых могли получить нормальную горячую пищу, так как в дорогу им выдавались только обычные полевые пайки. Опытные солдаты использовали остановки для того, чтобы набрать горячей воды из паровоза и хоть как-то помыться. В освещенных свечами вагонах — электричества не было — солдаты проводили время за чтением, разговорами о семьях, обсуждением военного положения или под аккомпанемент губной гармошки пели популярные мелодии, такие, как «Лорелей» и «Вахта на Рейне». Через 14 дней пути в таких стесненных условиях поезда достигали замерзших просторов Украины. Там они столкнулись с новым бедствием: из-за страшного холода туалеты замерзали напрочь. Метельман с типичным черным солдатским юмором вспоминал, что те солдаты, которые уже не могли дожидаться следующей остановки, вынуждены были выходить на тормозную площадку вагона движущегося поезда и, присев сбоку на корточки, справлять нужду на ледяном ветру, рискуя собственной жизнью!

Подготовка

Сидение на корточках на тормозной площадке вагона — это, конечно, то, чему танкистов не могли обучить во время подготовки. Тем не менее, учитывая передовую роль бронетанковых войск, весь личный состав танковых подразделений проходил интенсивную подготовку. После того как новобранцы почти заканчивали базовую пехотную подготовку, они направляли свои заявления о зачислении в тот или иной род

войск. Однако в танковые войска принимали только тех солдат, которые отлично проявили себя во время подготовительного этапа. Затем новобранцы танковых войск, такие, как рядовой Карл Губерт, переходили к специализированному обучению в танковых училищах. Во время обучения акцент делался не только на технических аспектах независимых танковых военных действий, таких, как тактика ведения боя, артиллерийское дело, баллистика, техническое обслуживание и уход за техникой, но и на действиях бронетехники в тесном взаимодействии с другими родами войск, особенно мотопехотой, противотанковыми войсками и артиллерией. Экипажи немецких танков, особенно наводчики орудия, получали серьезную подготовку, особое внимание уделялось искусству ведения огня, даже в самом конце войны, с помощью интенсивных полевых занятий на танковых полигонах, самым известным из которых был Путлос в северной Германии, танкисты оттачивали свое умение. Серьезность, с которой командование подходило к подготовке экипажей, отражалась в особом отборе руководителей подготовки — это были наиболее опытные и знающие офицеры.

Благодаря этим усилиям немецким танкистам в течение большей части Второй мировой войны, как правило, удавалось достичь более высокого уровня артиллерийской стрельбы, правда, этому помогало и высокое качество оптического оборудования, которым оснащались немецкие танки.

Об отличном уровне подготовки свидетельствует пример SS-Oberscharführer (обершарфюрера СС) Бальтазара Волля — стрелка из экипажа Михаэля Виттмана, — имевшего на своем счету 81 подбитый на Восточном фронте танк. Опытный танковый экипаж, действующий на обычных боевых дистанциях, мог надеяться поразить цель со второго или третьего выстрела. Хотя, конечно, по мере продолжения войны армиям пополнения оказывалось все труднее поддерживать уровень подготовки новобранцев, отправляемых в действующие танковые дивизии. Во-первых, Верховное командование вынуждено было сократить срок подготовки танкистов с целью увеличения потока пополнения, отправляемого на фронт. Во-вторых, сократилось количество боеприпасов, выделяемых

Эта фотография 7,5-см самоходного противотанкового оружия Marder II (Sd.kfz. 131) хорошо иллюстрирует высокую люльку орудия, устанавливаемую для поддержания ствола основного орудия машины в дальних переходах. «Мардер II» устанавливался на ходовой части танка Panzer II, который к началу войны уже весьма устарел. Германская армия в течение всей войны использовала самое широкое разнообразие

для всесторонней подготовки, поскольку потребности фронта поглощали всю немецкую продукцию. В самом деле, весной 1945 года Верховное командование мобилизовало оставшихся недообученных призывников бронетанковых войск, а также их инструкторов и на старых учебных танках отправило на фронт в последней попытке остановить неумолимое наступление союзных сил. Хотя эти наспех сколоченные части и проявили некоторый натиск и напор, присущие немецким бронетанковым силам начала войны, как вспоминал рядовой Карл Фукс из танковой дивизии «Мюнхеберг», они, тем не менее, вскоре уступили численно пре-

орудийных платформ, переоборудуя устаревшие модели танков, так как к тому времени появились новые модели бронированных машин — «Пантера» и «Тигр». Несмотря на свой высокий силуэт, «Мардер II» был широко распространенным добавлением к арсеналу Вермахта, поскольку обеспечивал противотанковым частям столь необходимую для борьбы с советскими танками Т-34 огневую мощь.

восходящим силам союзников в водовороте событий, охвативших Вермахт в апреле — мае 1945 года.

Отдых

В относительно немногие периоды затишья, случавшиеся между напряженными боями, танковые части с передовой отводили в тыл для отдыха и переоснащения. Немецкие танкисты пытались насытить этот довольно короткий период свободного времени спортивными и социальными мероприятиями. Когда в начале сентября 1943 года в Италии был развернут 101-й тяжелый танковый батальон, его личный состав

организовал операцию «ночь и туман», и экспроприировал большое количество сыра «Пармезан» местного производства. «Ударные части» штыками поделили похищенное лакомство, а затем спрятали сыр в своих танках, чтобы в самое ближайшее время устроить импровизированный неофициальный праздник. К несчастью, командир подразделения танковый ас SS-Untersturmführer (унтерштурмфюрер СС) Михаэль Виттман узнал о краже и пришел проверять машины своих танкистов; чтобы не быть изобличенными и не получить дисциплинарное взыскание, соучастникам, прежде чем Виттман дошел до их машин, пришлось спешно съесть свои куски сыра. Один рядовой вспоминал, что последовавшее расстройство желудка на несколько недель отбило у солдат интерес к таким «специальным» операциям!

Дисциплина

Несмотря на свой элитный статус, солдаты немецких танковых дивизий подчинялись той же суровой дисциплине, которая была присуща другим родам войск Вермахта. Это стало еще в большей степени верно на Восточном фронте после 1943 года, когда Верховное командование пыталось удержать утративших иллюзии немецких солдат на поле, делая упор на верности, которую они должны хранить своим товарищам, и угрожая им драконовскими наказаниями. Когда Генри Метельман во время учебных занятий в Крыму весной 1942 по неосторожности увяз на своем танке Panzer 38(t) в грязи, а затем надерзил командиру, когда тот начал распекать его, то в качестве дисциплинарного взыскания он на три дня был заперт в импровизированный карцер, оборудованный в хлеву. Но гораздо хуже было унижение, предшествовавшее этому заключению: командир заставил его надеть бумажную треугольную шляпу и, оседлав ветку, скакать галопом перед собравшейся ротой, выкрикивая, что он маленький танк, увязнувший в грязи.

С 1944 по 1945 год Верховное командование за все проступки танкистов ввело более суро-

вые наказания, чтобы повысить мотивацию исполнения должностных обязанностей, учитывая ухудшившееся военное положение.

Мобильные патрули военной полиции прочесывали тыловые районы и вешали на первом же дереве любого солдата, который без уважительной причины и надлежащих документов покидал передовую. В этом отношении показателен такой пример: в марте 1945 года Oberstleutnant (оберст-лейтенант, подполковник) Ганс фон Люк из 21-й танковой дивизии отправил фельдфебеля-ветерана, имеющего многочисленные награды, в дивизионную мастерскую, чтобы доставить оттуда бронированный тягач, который только что отремонтировали, не снабдив порученца никакими сопроводительными документами. Патруль военной полиции, остановивший сержанта и обнаруживший отсутствие письменного подтверждения его задания, сразу казнил его перед строем солдат ремонтной мастерской. Ганс фон Люк с горечью жаловался об этом происшествии своему командованию, но его протесты мало значили. К 1945 году помимо ужасов на поле боя, когда солдаты становились свидетелями того, как заживо сгорали в подбитом танке их товарищи, — теперь они к тому же оказывались и перед лицом опасности, возникающей со стороны своих сослуживцев, поскольку военная полиция создала охватившую буквально всех атмосферу страха.

Техническое обслуживание

Как и в других технических родах войск, эффективность танковых войск Германии в значительной степени была обусловлена способностью танкистов содержать свои машины и оборудование в хорошем рабочем состоянии, несмотря на тяготы боевой обстановки. Каждую неделю в периоды затишья между боями экипажи проводили много часов, обслуживая свои машины. Танкистам зачастую своими силами приходилось осуществлять мелкий ремонт двигателя, перекрашивать отслоившийся камуфляж или ремонтировать поврежденные траки гусениц. В течение страшно холодных советских зим танкисты часто вынуждены были периодически заводить двигатели по ночам или держать горящим костер под машиной, чтобы предотвратить замерзание двигателя и затвердевание антифриза.

Экипаж танка Panzer IV во время передышки на броне своей машины. Эффект рифления на броне вызван циммеритом — специальной антимагнитной противоминной пастой.

Действительно, отчаянная механическая импровизация в полевых условиях была настоятельной необходимостью для большинства танковых подразделений на всех театрах войны. На Востоке весной 1944 года обершарфюрер СС Зепп Хаффнер, моторист-механик 101-го тяжелого танкового батальона СС, вынужден был каким-то образом чинить неисправный танк «Тигр», прежде чем приближающаяся колонна советских Т-34 достигнет немецких позиций. Хаффнер быстро диагностировал протечку в головке блока цилиндров и, поспешно собрав все имеющиеся у танкистов сигаретные пачки, заделал разрывы в прокладке блока. Этого оказалось достаточно, чтобы, восстановив подвижность «Тигра», позволить машине добраться до ближайшей ремонтной мастерской.

Кроме того, после 1942 года восстановление поврежденных танков стало для немцев задачей первостепенной важности, поскольку танковые потери на фронте превосходили выпуск новых машин, постоянно уменьшая общее количество имеющихся у Вермахта танков. Один артиллерист, ефрейтор германской армии, вспоминал, что, когда 23 мая 1944 года «Тигры» 3-й роты 506-го тяжелого танкового батальона перебирались через крутую железнодорожную насыпь вблизи Систерны в Италии, чтобы участвовать в бою с бронетанковыми силами союзников, две машины уткнулись длинными стволами своих 88-мм пушек в землю, и солдатам из батальонной мастерской, работавшим на ремонтном автомобиле «Бергепантер», пришлось буквально вытягивать танки под огнем противника, чтобы техника не досталась врагу.

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

При темпе операций бронетанковых сил и дистанциях, на которых действовали танковые дивизии, главным фактором, сковывающим скорость их продвижения, была возможность специальных служб осуществлять их материально-техническое обеспечение. Все танковые части располагали транспортом и подразделениями снабжения, оснащенными грузовиками и полугусеничными тягачами, но техники в этих частях всегда не хватало. Всякий раз, когда немецкие бронетанковые силы осуществляли очередной стратегический прорыв, их частям материально-технического

обеспечения приходилось всячески выкручиваться, чтобы обеспечить снабжение передовых соединений топливом, смазочными материалами, боеприпасами и продовольственными пайками. Как вспоминал Отто Вебер из 10-й танковой дивизии, во время операции «Барбаросса» неспособность немецкой системы снабжения обеспечить быстро продвигающиеся бронетанковые силы привела к тому, что они жили за счет ресурсов занимаемых территорий. Как и все соединения на Востоке, бронетанковые дивизии безжалостно грабили деревни, через которые они продвигались, забирая мясо, молоко, хлеб, пшеницу и живность. 18-я танковая дивизия, например, реквизировала у местного населения в течение одного лишь ноября 1941 года 40 тонн мяса. Когда наступила зима, чтобы сохранить свою резко упавшую мобильность, бронетанковые дивизии все чаще и чаще изымали у местного населения сани и валенки — все, что можно было надеть и на чем можно было ехать. Танкисты подавляли любое сопротивление, с которым они встречались. В деревне Яротин под Харьковом, например, солдаты сожгли много мазанок.

Во время передышек между боями командиры расквартировывали своих солдат бронетанковых войск в избах советских крестьян, и солдаты обычно выгоняли обитателей на холод русской зимы, где они тысячами умирали от голода и болезней. Весной 1942 года, например, танковая рота Генри Метельмана была расквартирована в примитивных мазанках в одной деревне под Перекопом в восточном Крыму. Каждый танковый экипаж, следуя полученному приказу, занял одну мазанку, выкинув на улицу ее обитателей. Экипаж Метельмана обнаружил, что «их» дом занят советской женщиной с тремя детьми, тогда солдаты просто дали русским пять минут на то, чтобы собрать свои пожитки и уйти, они даже не потрудились взглянуть, как четыре тяжело нагруженные фигуры бредут по заснеженной местности навстречу своему безрадостному будущему. Метельман признался, что ощущал некоторую неловкость относительно судьбы обитателей, которых они вышвырнули на улицу, но теплый огонь и готовящаяся горячая пища вскоре вытес-

Танк «Тигр» из 101-го тяжелого танкового батальона во время подхода части к Нормандскому фронту в 1944 году.

нили все мысли о несчастных и прогнали все сомнения. В конце концов, идет война, и такие вещи происходят, размышлял он, подобное отношение было вполне симптоматичным, учитывая жестокость войны на Восточном фронте.

Во время боевых операций на Востоке довольно часто продовольственные фронтовые пайки не дотягивали по рациону и калорийности до нормы. Чтобы компенсировать недостаточность пайков, немецкие солдаты заходили очень далеко. Когда в начале февраля 1944 года 101-й тяжелый танковый батальон СС остановился в советской деревне, им попала свинья, которую они быстро убили. Один из эсэсовцев достал паяльную лампу и начал подпаливать шкуру, но прежде чем голодные солдаты смогли разделать тушу, колонна русских танков открыла огонь. Когда танки «Тигр» выехали из деревни, чтобы встретить русские танки, можно было видеть, что на танке, замыкающем колонну, позади баш-

ни прикреплена завернутая в палатку туша свиньи. Даже наступление советской брони не могло лишить голодающих солдат их приза!

МОТОРИЗОВАННАЯ ПЕХОТА

Решающим для эффективности немецких бронетанковых сил являлось взаимодействие всех родов войск в каждой моторизованной дивизии. Одним очень важным компонентом этих дивизий была Panzergrenadiers (моторизованная пехота), которая действовала в тесной связи с бронетанковыми силами. В 1939 году немецкие мотопехотинцы — тогда собранные в стрелковую бригаду — действовали главным образом на грузовиках, хотя имелось также несколько полугусеничных бронированных транспортеров личного состава (БТР). В это время, как вспоминал один рядовой, армия использовала эти полугусеничные БТР как транспортеры войск — просто для того, чтобы доставить стрелков и вы-

садить их на краю поля боя: здесь пехотинцы объединялись и вступали в бой, после которого они вновь возвращались к своим машинам.

Однако во время немецкого вторжения на Запад в 1940 году мотопехота вместе с бронетехникой часто двигалась вперед на своих машинах, поддерживая танковые подразделения. В этих сражениях, как вспоминал командир отделения ефрейтор Ульрих Шталь из 5-й танковой дивизии, они на своих полугусеничных машинах или в пешем порядке часто обеспечивали непосредственную поддержку бронетанковых частей.

В частности, они часто осуществляли прикрытие флангов наступающих бронированных клиньев или, выгрузившись из своих машин, очищали территорию от отставших солдат противника. Однако в 1940 году, выполняя эти задачи, мотопехота несла лишь небольшие потери, поскольку плохо подготовленные союзники

с трудом справлялись с психологическим воздействием, наносимым немецким блицкригом.

Ко времени начала операции «Барбаросса» мотопехотинцы на полугусеничных машинах стали принимать участие в крупных фронтовых боях, во время которых они обычно прикрывали фланги бронированных прорывов, чтобы предотвратить контрудары противника. Однако усиливающееся сопротивление Советов показало уязвимость БТРов с открытым верхом и тонкой броней. Рядовой Вильгельм Драбих из 10-й танковой дивизии вспоминал жестокие потери, которые понесло его отделение, расположившееся на БТР, в конце октября 1941 года во время боя на местности, превратившейся в грязную трясину в ходе операции «Тайфун» — наступления немцев на Москву.

В период с 1942 по 1944 год, когда стратегическая инициатива перешла к союзникам, тактика моторизованной пехоты претерпела некоторые изменения. Растущие потери привели практически к снятию задач по защите флангов, вместо этого, вспоминал унтер-офицер Шталь, мотопехота чаще двигалась впереди бронетанковых сил для нейтрализации вражеской пехоты, оснащенной противотанковыми орудиями с кумулятивными зарядами. В течение 1945 года полугусеничные транспортеры вернулись к своей первоначальной функции — перевозке войск к полю боя. Теперь, вспоминал Шталь, мотопехотинцы выгружались из машин, чтобы сражаться в позиционной обороне, в то время как их БТРы, — довольно часто теперь оснащенные пушкой, а не просто пулеметом, — обеспечивали огневую поддержку с тыла.

Каким бы ни были театр военных действий, климатические условия или тактическая задача, солдаты немецких танковых дивизий составляли наиболее подготовленную боевую передовую силу, на которую в значительной мере опиралась Германия во время своих затяжных военных кампаний Второй мировой войны. Взаимодействие всех родов войск обеспечивало успех общих действий, и в дополнение к моторизованной пехоте самоходная артиллерия в составе бронетанковых дивизий обеспечивала полноценную поддержку бронетанковых сил. И сейчас наше исследование обратится к опыту германской артиллерии.

Фотография конца войны. Мы видим измученное лицо отмеченного наградами немецкого командира-танкиста, стоящего в броневом куполе. Обратите внимание на два комплекта наушников у него. Пехота располагалась на броне танков, чтобы в случае необходимости оказать поддержку, поскольку танки, сражающиеся в застроенных районах, без поддержки пехоты были очень уязвимыми для солдат противника — что немцы на собственном горьком опыте и обнаружили во время сражения за Сталинград. На этой фотографии ясно виден броневой купол командира со смотровыми щелями и потрепанные остатки грубого белого зимнего камуфляжа. Немецкие танковые экипажи имели свою собственную полностью черную форму с эмблемой «мертвой головы» на воротниках и беретах (здесь ее нет). Темный цвет формы помогал скрыть масляные пятна — обычная неприятность для танкистов.

Четыре кольца, опоясывающие ствол, —
счет подбитых танков — ясно видны на этом —
88-мм противотанковом орудии, установленном
на одном из участков Восточного фронта
под Воронежем.

Артиллерия

Артиллерия была следующим после пехоты по количественному составу боевым родом войск германской армии периода Второй мировой войны. Однако при этом немецкая артиллерия никогда не достигала по значимости и объему задействованных ресурсов тех масштабов, которых достиг этот род войск в годы войны в армиях Советского Союза, Америки и Великобритании. Причина такого положения дел заключается в уроках, полученных германской армией в Первой мировой войне. Изучив опыт Первой мировой войны, немецкие аналитики высказали сомнение относительно способности артиллерии выигрывать современные войны, они пришли к выводу, что такое оружие оказалось неспособным вывести воюющие стороны из тупика окопной войны на Западном фронте. Исходя из этого, немецкая армия в период между войнами направила значительную часть своих ресурсов не на развитие артиллерии, а на строительство абсолютно новых инструментов войны — бронетанковых и военно-воздушных сил, — которые, как предполагалось, приведут к коренным изменениям в стратегии и тактике ведения войны.

Версальский договор 1919 года создал новые препятствия на пути восстановления и развития германской артиллерии в период между войнами. Договор ограничил количество артиллерийского вооружения, которое Германия могла развернуть в случае возникновения конфликта, и полностью запретил развертывание подвижных тяжелых артиллерийских орудий. Однако, несмотря на эти ограничения и в немалой степени вопреки им, Германия в течение 20-х годов интенсивно разрабатывала и создавала передовые артиллерийские орудия.

В результате этих новаторских разработок начали развиваться артиллерийские системы, ставшие основой германской артиллерии как рода войск Второй мировой войны. К таким орудиям относилась и 105-мм легкая полевая гаубица на конной тяге — маневренный, прочный и надежный инструмент войны, ставший в период Второй мировой войны оплотом немецкой полевой артиллерии.

Немцы также создали надежную 150-мм тяжелую полевую гаубицу и дальнобойное 100-мм тяжелое орудие — обе пушки стояли на вооружении до самого конца войны. Немцы также экспериментировали с ракетной артиллерией, создав в конечном итоге довольно точные стабилизирующиеся в полете ракеты, которые должны были стать носителями отравляющего газа и других видов химического оружия. К счастью, Гитлер, не забывший, как он, отравившись в 1918 году боевым газом, временно ослеп, отказался от использования запасов отравляющих веществ. Но в общем немецкая артиллерия подошла к войне подготовленной гораздо лучше своих противников.

При этом в начале Второй мировой войны немецкая артиллерия почти не располагала чем-либо действительно революционным, более того она имела ряд значительных недостатков. В частности, в германской армии отсутствовала тяжелая моторизованная артиллерия. Ограничения Версальского договора гарантировали, что в течение 30-х годов артиллерия как род войск была вынуждена постоянно напрягать все имеющиеся силы, чтобы отвечать потребностям германской военной экспансии. Поэтому артиллерия медленно моторизовалась, имела слишком мало тяжелых пушек, а основная часть действующих стволов перемещалась на конной тяге. Эти недостатки свидетельствовали о широко распространенном в высших рядах германской армии скептицизме относительно решающей роли артиллерии в будущих войнах. Вместо этого легкая полевая гаубица, ставшая типовой в 30-х годах, была приспособлена для проведения мобильных операций, которые собиралась осуществлять германская армия. Упор, сделанный на скорость и маневренность, как ошибочно полагали многие артиллеристы, избавит от необходимости иметь мощную и сосредоточенную артиллерию. Вместо этого германская армия предполагала использовать артиллерию на переднем крае, силами не крупнее батальона или полка, чтобы не разбивать вдребезги, а скорее подрывать и изводить противника, уже имея тактическое преимущество и выведя его из равновесия стремительным и глубоким наземным наступлением.

Подготовка

Еще одним достоинством этого рода войск было качество подготовки артиллеристов, они проходили очень серьезное обучение в условиях, максимально приближенных к боевым. По завершении трех месяцев начальной подготовки новобранцы, которые изъявляли желание служить в артиллерии, еще в течение трех месяцев проходили специальное обучение. Одной из главных особенностей немецкой подготовки было наложение военных специальностей — новобранцев обучали выполнять разнообразные функции. Так, например, все артиллеристы в частях на конной тяге, такие, как Альфред Кнаппе из 24-го артиллерийского полка «Лейпциг», учились ездить верхом и ухаживать за полковыми лошадьми точно так же, как они учились стрелять из своих гаубиц. Начальные упражнения в стрельбе, как вспоминал Кнаппе, выполнялись холостыми снарядами, мешок с опилками имитировал пороховой заряд, а цели оставались неподвижными. Каждый член расчета обучался специализированной роли: например, наводчик имел дело с оптическими приборами, наводя орудие на цель и пристреливая боевую дистанцию. После того как расчет набирался опыта, он переходил к подготовке в составе батареи. Кнаппе тренировался в составе батареи группы, которая отвечала за определение дальности стрельбы и получение информации, которую требовал передовой наблюдатель. Он также обучался выполнять работу наблюдателя на случай, если последний будет выведен из строя. И только когда батарея признавалась достаточно подготовленной, ей позволялось участвовать в полевых учениях.

Кнаппе также хорошо помнил интенсивность своей довоенной подготовки в офицерском артиллерийском училище: каждый день он проводил шесть часов в аудитории и три — на полигоне. Он сетовал на продолжительность учебного дня и постоянную усталость. После войны Кнаппе подсчитал, что никогда не занимался меньше 10 часов в день, иногда занятия продолжались 12 и более часов. В письмах родителям Кнаппе жаловался, что ему приходилось заниматься даже в воскресенье утром. И только когда Германия вступила в войну, Кнаппе оценил истинное значение своей подготовки. Он понял, что одной из самых сильных

сторон его обучения была нацеленность на взаимодействие всех родов войск, что являлось ключевым фактором эффективной артиллерийской поддержки. Кроме того, Кнаппе и его сослуживцы, кандидаты в офицеры-артиллеристы, проходили исчерпывающую пехотную подготовку, что позволяло им приноровиться к тактике пехоты и ее операциям. Он научился видеть бой глазами офицера пехоты и оценивать трудности, стоящие перед пехотными подразделениями, чтобы в бою оказывать им наиболее эффективную поддержку. В результате всем участникам боевых действий было привито тесное межвойсковое взаимодействие, которое стало одним из краеугольных камней немецкой военной эффективности во Второй мировой войне.

Во время Польской кампании, начавшейся в сентябре 1939 года, Кнаппе смог в полной мере применить результаты своей подготовки, так как в Польше немцы использовали артиллерию именно в том ключе, в каком велось обучение. Бронетанковые войска выполнили основную задачу, глубоко вклинившись в тыл противника

и тем самым лишив польскую армию связи и практически парализовав ее, остальное доделали подошедшие пехотные и артиллерийские части, завершившие разгром Польши. Такая комбинация позволила немцам быстро и без ощутимых потерь захватить страну. Эта кампания, хотя она и была короткой, продемонстрировала также ряд изъянов в довоенной тактике артиллерии. Несмотря на то, что основная военная доктрина делала упор на быстрые маневренные действия, пехота часто действовала в соответствии с более традиционными тактическими решениями. Анализ действий пехотных подразделений, проведенный после окончания кампании, позволил сделать вывод, что пехота оказалась слишком зависимой от артиллерийского огня. Без огневой поддержки артиллерии пехота с большой неохотой атаковала оборонительные укрепления противника.

Как сообщалось в одном из донесений, именно так обстояло дело 15 сентября в населенном пункте Подсоснина Луковска, когда четыре легкие полевые гаубицы Антона Дрешлера из 2-й батареи 28-го артиллерийского полка оказались единственными орудиями, оказывающими артиллерийскую поддержку атаке 28-го разведывательного батальона. Несмотря на то, что Дрешлер расстрелял все имеющиеся в нали-

Лучшее немецкое тяжелое орудие периода войны — 17-см пушка Каппе 18 на мортирном лафете.
На фотографии — орудие готовят к стрельбе.

чий снаряды, атака провалилась, поскольку, по мнению Дрешлера, пехотинцы не хотели входить в соприкосновение с хорошо окопавшимся противником. Тяжелые уличные бои, в которых немцам пришлось участвовать в Варшаве — столице Польши, также выявили нехватку в армии тяжелой артиллерии. Плотнo застроенные городские районы снижали эффективность артиллерийского огня, поскольку снаряды, попадая в здания, наносили им значительные повреждения, в свою очередь, развалины и осколки блокировали дороги и служили отличным укрытием для решительно настроенного противника. Артиллеристы пришли к единодушному мнению, что расчетам со своими пушками на конной тяге трудно разворачиваться на заваленных обломками улиц Варшавы, чтобы занять новые позиции и открыть огонь по центру города. Более того, условия города в значительной степени усложняют боевое наблюдение и управление огнем. Неизвестный артиллерист, офицер отдельного армейского артиллерийского батальона, участвовавший в штурме Варшавы, который своим искренним ответом заслужил, чтобы его имя не называлось, жаловался на сложность

Довоенная артиллерийская подготовка.

Артиллерист немецкого легкого полевого орудия смотрит через оптический прицел.

в определении целей и страшные потери среди офицеров передового наблюдения, которые то и дело становились жертвами хорошо укрытых польских снайперов.

Хотя Польская кампания и определила некоторые потенциальные изъяны в возможностях артиллерии, но гораздо бо́льшая военная слабость противников Германии в течение первых лет войны полностью скрывала эти недостатки.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что во время Западной кампании в мае — июне 1940 года артиллерия играла роль второго плана, тогда как главная роль досталась штурмовым бронетанковым частям, умело поддержанным тактической авиацией; именно эти войска полностью подавили англо-французскую армию. Лишь в отдельных случаях немецкой артиллерии удавалось сыграть главную боевую роль, как, например, 13 мая во время форсирования реки Маас у Седана. Иногда артиллерию крупных калибров выдвигали на передовую, особен-

но в тех случаях, когда немецким войскам приходилось сталкиваться с подразделениями тяжелых танков союзников — в частности, с французским «Шар Б2» и британским танком «Матильда», — против которых имевшиеся на вооружении немцев противотанковые и танковые орудия были бессильны. У города Аррас 21 мая 1940 года немцы испытали настоящий страх. Тогда 7-й королевский танковый полк британской армии предпринял крупную контратаку на фланг 7-й танковой дивизии Эрвина Роммеля, и 74 танка «Матильда» быстро уничтожили его противотанковые роты. Невозмутимый Роммель собрал для обороны сводный отряд всех родов войск под командованием майора фон Париса и развернул несколько батарей легких полевых гаубиц 78-го моторизованного артиллерийского полка — опасность была ликвидирована.

Артиллеристы вывели свои гаубицы на прямую наводку и открыли огонь фугасными снарядами, вспоминал артиллерист Отто Грейм, но не смогли пробить тяжелую броню «Матильды». Немецкие артиллеристы начали в панике покидать свои позиции, а всеми брошенный фон Парис укрылся в расположенном неподалеку населенном пункте Бове, в том самом доме, в котором расквартировался штаб 8-го батальона Даремского полка легкой пехоты. В течение 24 часов майор-аристократ прятался под кроватью, пока в штабе кипела жизнь.

Затем Роммель лично возглавил колеблющийся сводный отряд. Он приказал оставшимся орудиям вести огонь по конкретным целям и, оставшись на поле боя, личным присутствием поддерживал своих солдат. Его хладнокровие успокоило обороняющихся, и одной только плотностью и мощностью огня они в конечном итоге вынудили британские танки отступить, позволив майору фон Парису спастись и воссоединиться со своей дивизией!

Таким образом, в 1940 году, учтя опыт Французской кампании и вопреки довоенным тактическим разработкам, немцы усвоили, что должным образом возглавляемая и развернутая на поле боя полевая артиллерия может вполне эффективно противостоять бронетанковым силам.

По мере развития Западной кампании стала очевидна абсолютная неэффективность даже самых тяжелых немецких артиллерийских орудий, которые были не в состоянии разрушить

оборонительные укрепления противника. Этот недостаток со всей очевидностью проявился, когда немцы попытались атаковать французские силы, изолированные на линии Мажино. 15 июня 1940 года 215-й артиллерийский полк обстрелял форт де Фур-а-Шо в Вогезах из 355-мм чешской гаубицы и последнего уцелевшего со времени Первой мировой войны 420-мм орудия «Большая Берта». Однако толстые бетонные стены форта оказались не под силу немецкому огню, и гарнизон укрепления держался до полной капитуляции французской армии. Нечто подобное произошло, когда 183-й артиллерийский полк попытался подавить огневую позицию французского 75-мм орудия в одном из фортов Верхнего Рейна. Немцы, окружив позицию, открыли огонь прямой наводкой по тыльной части бункера из 88-мм противотанкового орудия. Без сколь-нибудь заметного результата, истратив весь боезапас, немецкие артиллеристы прекратили огонь.

Капитуляция линии Мажино

Французы вели огонь из амбразур, которые могли закрываться под огнем противника, и таким образом большинство батарей линии Мажино буквально становились неуязвимыми для традиционного артиллерийского огня. Восемнадцатого июня немцы атаковали форт Фермон шквалом огня из 305-мм орудий и 210-мм гаубиц, но французы закрыли амбразуры бункеров, и укреплениям не было нанесено никакого ощутимого ущерба. Как только огонь прекратился, немецкая пехота стремительно атаковала внешние укрепления форта. Французы тотчас открыли амбразуры четырех позиций 75-мм орудий и буквально смели атакующих ответным огнем, за целый день боя французы потеряли лишь одного человека. Осознав тщетность своих попыток и невозможность захватить даже один изолированный форт линии Мажино, немцы решили блокировать гарнизон и уморить его голодом. Гарнизон сдался лишь несколько дней спустя после капитуляции французской армии: французский офицер убедил солдат в том, что Франция действительно капитулировала, и гарнизон поднял белый флаг.

Немцы извлекли необходимые уроки и из североафриканской экспедиции, в которую был в феврале 1941 года отправлен небольшой моторизованный отряд во главе с отважным

Немецкие граждане ликуют, когда в сентябре 1939 года артиллерийский тягач тянет 15-см гаубицу sFH 18 по улицам Данцига. Вермахт использовал различные средства тяги для артиллерийского вооружения, в том числе и полугусеничные тягачи, такие, как на этой фотографии, специальные артиллерийские тягачи и все больше и больше по ходу войны, когда нехватки топлива стали все более

командиром бронетанковых войск Эрвином Роммелем. Гитлер направил этот отряд для того, чтобы помочь своим союзникам-итальянцам, стремительно терявшим свои позиции в Ливии. Поскольку сражения в Северной Африке не входили в гитлеровские планы мирового господства, немецкие войска даже отдаленно не были готовы сражаться в условиях пустыни. Это было особенно верно в отношении немецких артиллеристов, которые обнаружили, что многие из основных посылок, рекомендованных для европейского театра военных действий, просто неприменимы в условиях Северной Африки. Альфред Троппе в докладе, обобщающем мнение артиллеристов, пришел к заключению, что песок пустыни значительно снижает взрывную силу артиллерийских сна-

распространенными, — лошадей. В тех районах Польши, которые были немецкими до Версальского договора 1919 года, немецких захватчиков многие жители приветствовали как освободителей. Данциг (теперь Гданьск) был провозглашен Вольным городом и наряду с «Польским коридором», давая Польше выход к Балтийскому морю, отрезал Восточную Пруссию от остальной части Германии.

рядов, частые песчаные бури мешают наблюдению и управлению артиллерийским огнем, а сами пушки во время стрельбы поднимают такие огромные клубы песка и пыли, что обнаруживают свою позицию и становятся уязвимыми для контрбатарейного огня противника. В целом условия пустыни резко снижают традиционную ценность артиллерии.

Но именно на Восточном фронте после начала Гитлером 22 июня 1941 года операции «Барбаросса» немецкая артиллерия столкнулась с серьезными проблемами. Восточный фронт, как оказалось, весьма отличался от того, с чем раньше имели дело немецкие артиллеристы, масштабы и разнообразные физические и климатические условия Советского Союза в конечном итоге поглотили немецкое наступление. Тонкие и рас-

тянутые оборонительные линии немецкой пехоты в конечном итоге изменили артиллерийскую тактику Вермахта, так как редкие пехотные порядки переднего края не могли в полной мере сопротивляться частым советским контратакам, в которых нередко применялись тяжелые танки. Эти бои сразу же показали, что пехота, не имевшая противотанкового оружия, не в состоянии бороться с советскими тяжелыми танками. Бруно Виземан вспоминал, что пехотные дивизии, таким образом, чтобы поддерживать пехоту и останавливать прорывы бронетанковых подразделений, должны были выводить свою полевую артиллерию вперед для ведения огня прямой наводкой, даже несмотря на то, что сверхкороткие боевые дистанции в пределах прямой видимости приводили к тяжелым потерям орудий.

Восточный фронт физически и психологически очень отличался от предыдущего немецкого опыта. Обширный болотистый девственный лес ограничивал наблюдение и снижал эффективность артиллерии, обеспечивая обороняющимся отличное укрытие и маскировку и позволяя, таким образом, советским войскам изводить и обескровливать немцев.

Сильное партизанское движение вскоре пышно разрослось в тылу и, как вспоминал Виземан, артиллерийские колонны сталкивались с нападениями из засады. Русские зимы ставили специфические проблемы перед артиллеристами: из-за ужасного мороза орудия замерзали, а глубокий снег лишал возможности передвижения. Даже лошадям трудно было выживать. Артиллерия полностью утратила жизненно важную подвижность и возможность эффективного применения.

КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ

К апрелю 1942 года Восточная армия — Ostheer потеряла четверть артиллерии, с которой начинала кампанию. Еще более катастрофической была потеря буксирной техники и орудийных передков, в которые впрягали лошадей, что значительно сократило мобильность артиллерийских подразделений. Уменьшающаяся численность войск, недостаток артиллерии и ограниченная подвижность подрывали немецкие оборонительные принципы, основанные на маневренности и глубине обороны. Вместо этого для поддержки статической и слабо укрепленной

обороны войскам приходилось опираться на скоординированный артиллерийский огонь.

По мере того как немецкие войска зимой 1941/42 года все больше и больше отказывались от линейной обороны и прибегали к возведению импровизированных укрепленных узлов, защищенных проволочными заграждениями и «ежами», зоны между этими позициями немцы сдавали противнику. Не имея живой силы для закрытия этих брешей, но находясь перед необходимостью отражать проникновение советских войск, немцы делали ставку на артиллерию, ведущую огонь по заданным координатам. Артиллеристы также осознали необходимость точного управления огнем, они видели, что сосредоточенный артиллерийский огонь может сорвать наступление советских войск. В результате в войсках появились тщательно разработанные, комплексные оборонительные огневые планы. Как докладывал гауптман Гедерекер, командир батальона 35-го артиллерийского полка, его артиллеристы поняли, что огневой вал, обрушенный на подразделения советской армии, разворачивающиеся для атаки, может обратить в бегство даже самые опытные советские части. Таким образом, к 1943 году на согласованном артиллерийском огне строился костяк немецкой обороны на Восточном фронте.

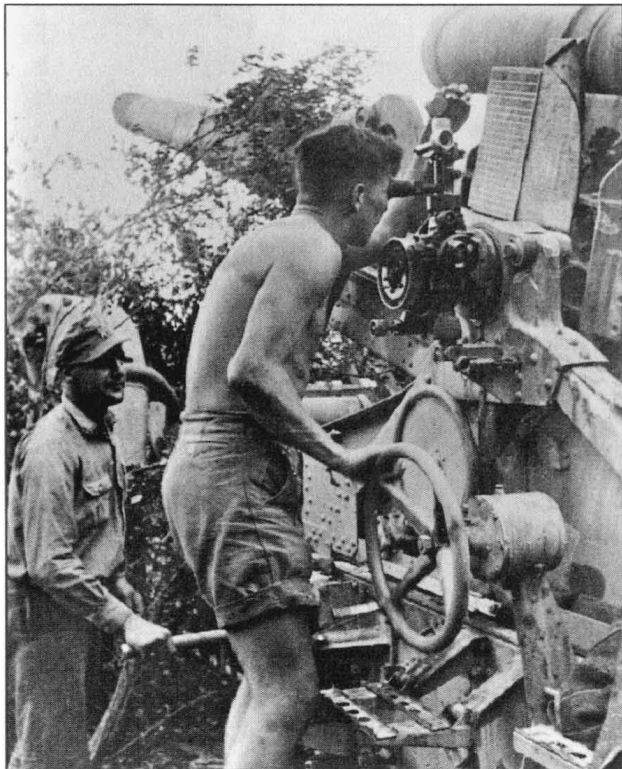
В ходе операции «Барбаросса» немцы вновь столкнулись с проблемой осады тяжелых оборонительных укреплений. Поэтому командование Вермахта решило вновь использовать для разрушения даже самых прочных железобетонных конструкций законсервированную после Первой мировой войны осадную артиллерию, добавив новые, специально созданные железнодорожные орудия и сосредоточив имеющуюся сверхтяжелую артиллерию. Немцы сконцентрировали в Крыму свои сверхтяжелые орудия весной 1942 года перед штурмом Севастополя. В числе орудий, выставленных против порта, был миномет «Гамма», мортиры «Карл» и «Тор» и железнодорожное орудие «Дора». Мортира «Гамма», потомок знаменитой «Большой Берты» эпохи Первой мировой войны, стреляло 927-кг (2043-фунтовым) снарядом на расстояние до 14 км (8,7 миль), и для его обслуживания требовалось 235 артиллеристов. Однако «Гамма» меркла в сравнении с 615-мм «Карлом» и «Тором», которые стреляли невероятны-

ми 2200-кг (4850-фунтовыми) снарядами. Но по сравнению с железнодорожным орудием «Дора» даже эти гиганты казались малышами: при калибре в 800 мм «Дора» было самым большим орудием Второй мировой войны, и требовалось не менее 60 железнодорожных вагонов для его транспортировки. Ствол орудия имел длину 32,5 м (106,6 футов), в течение часа оно могло выпустить три 4800-кг (10,582-фунтовых) снаряда! Орудие двигалось по типовой двухколейной железнодорожной линии, и для стрельбы и обслуживания этого монстра требовалось 4000 человек личного состава, в том числе 1500 артиллеристов.

Немцы использовали эту сверхтяжелую артиллерию для разрушения грозного севастопольского форта «Максим Горький».

Этот форт, построенный в 1934 году и врезанный на два этажа в глубь основания уходящей под город скалы, был одним из самых прочных в мире. В нем располагалось два 305-мм орудия, защищенных 4 м (13 футами) бетона и дополнительно 30 см (11,8 дюймами) стали. Дальность действия этих орудий составляла 44 км

Артиллеристы готовятся вести огонь из своего 21-см тяжелого артиллерийского орудия Капоне 38 по американскому плацдарму в Анцио в 1944 году.

(27,3 мили); с ноября 1941 года они постоянно обстреливали штурмующих город немцев, постоянно держа в напряжении атакующие Севастополь силы. Но с мая 1942 года форт сам стал мишенью для немецких осадных орудий, которые вывели из строя сначала одно, а затем и второе орудие форта. При интенсивной артиллерийской поддержке немецкие штурмовые саперные и инженерные подразделения пробились в подземные коридоры форта, чтобы, в конце концов, в кровопролитном рукопашном бою захватить опорный пункт. Падение форта «Максим Горький» стало поворотным пунктом в осаде Севастополя и ускорило принятие решения об эвакуации города.

МИНОМЕТЫ И РАКЕТЫ

Когда Германия оказалась вовлечена в жестокую и изнурительную войну, в которой в конечном счете просто не могла одержать победу, структура немецких артиллерийских войск претерпела значительное изменение — теперь приоритетным стало более значительное применение минометов и реактивных установок. Строительство подобных систем обходилось значительно дешевле, а сроки изготовления значительно короче, кроме того, и минометы, и реактивные установки были более мобильны. Маскировка этих систем также не представляла сложности, а вес доставляемого к цели взрывчатого вещества был вполне сопоставим с весом традиционного артиллерийского заряда. Немецкие войска все больше и больше опирались на минометы, которые весьма эффективно использовали для огневой поддержки своих войск на более поздних этапах войны. Германия располагала большим количеством минометов крупных калибров, которые были менее уязвимы для авианалетов, по этому показателю германская армия намного превосходила армии союзных сил. К 1944 году минометы стали основной силой артиллерийской поддержки, в Нормандии они причинили союзникам почти 70 процентов потерь. Немецкий 81-мм средний миномет направлялся в артиллерийские роты пехотных батальонов, где эти орудия надежно служили. В 1943 году германская армия приняла на вооружение смертоносный 120-мм миномет, который пришел на смену 150-мм тяжелому полевому орудью, стоявшему на вооружении

отдельных артиллерийских рот в составе пехотных полков.

С 1942 года для непосредственной поддержки своих войск германская армия также все чаще применяла многоствольный реактивный миномет. Вскоре этот миномет зарекомендовал себя как одно из самых эффективных орудий германского арсенала, поскольку он мог быстро лишить противника огневого преимущества.

Войска противника повсюду испытывали страх перед сосредоточенным артиллерийским огнем реактивных минометов, реактивные снаряды которых в полете издавали деморализующий солдат вой; это оружие часто останавливало наступающего противника и нередко наголову разбивало его. Однако небольшая дальность действия орудия, огромный расход боеприпасов и возникающие при стрельбе клубы пыли, которые демаскировали позицию и позволяли легко определить местонахождение орудия, значительно ограничивали тактические возможности применения этого оружия.

Во время боев за русский город Воронеж летом 1942 года 52-й артиллерийский полк, применив типичную тактику, ввел в действие свою реактивную артиллерию. Столкнувшись с упорным сопротивлением, пехота затребовала огневую поддержку и получила полк тяжелых 210-мм реактивных установок. Курт Гизелер вспоминал, что полк прибыл вечером накануне запланированной атаки и развернулся на открытой плоской местности. В час тридцать началась артиллерийская подготовка, и в течение часа три реактивные батареи вели огонь по позициям обороняющихся. По словам одного из пехотинцев, ожидавшего атаки, зрелище было впечатляющим, а звук бил по нервам. Он описывал этот звук как завывание низкого тона, которое быстро поднималось до пронзительного крика, сопровождавшего вылетающие из ствола миномета ракеты. Отдача залпа всех пяти стволов орудия была столь сильна, что вполне могла перевернуть установку. Отдача и огонь даже одиночных реактивных выстрелов были такими сильными, что расчетам, чтобы избежать смертельных ожогов, перед залпом приходилось укрываться в траншеях. Пламя с хвостами красного дыма отмечало направление полета ракет, которые стремительно проносились по небу, вспоминал позднее Гизелер. От взрывов

Солдаты горно-стрелкового подразделения обслуживают свое легкое горное орудие летом 1944 года. Некоторые особенности местности указывают на то, что фотография сделана в Италии.

мощных зарядов в радиусе нескольких миль тряслась земля. Тот же самый пехотинец вспоминал благоговейный страх, который вызывал у него этот огневой вал: после него земля напоминала охваченный пламенем лунный ландшафт. Залпы настолько деморализовали и запугивали противника, что советские войска были не в состоянии сопротивляться. Как только использовали запалы, последующий взрыв оказывал ужасающее, запугивающее воздействие, вспоминал пехотинец, а тяжелый огонь вызывал такие колебания воздушного давления, что это буквально высасывало воздух из легких, и люди смертельно задыхались. Некоторые, обезумев от ужаса, бежали в направлении немецких позиций, где попадали под пули немецких солдат. Устрашающая огневая мощь полка помогла сломать хребет советского сопротивления и способствовала конечному захвату Воронежа.

Несмотря на повышенное использование минометов и ракет, на последних этапах войны применение немецкой артиллерии на поле боя

уменьшилось. Воздушное мастерство союзников и недостаток боеприпасов все больше и больше снижали эффективность немецкой артиллерии, которая уже была не способна поддерживать оборонительные действия армии. Воздушная мощь союзных сил беспрецедентно осложняла действия немецкой артиллерии, поскольку постоянные налеты не только подавляли артиллерийский огонь, но и вынуждали артиллеристов часто менять позиции и много времени уделять маскировке и оборудованию укрытий.

Опасность воздушных налетов в сочетании с постоянной нехваткой боеприпасов вынудила немецкую армию отказаться от массированного артиллерийского огня и все чаще прибегать к тактике «выстрелил и удрал» (совершать удары накоротке с отходом) и к ведению из отдельных орудий огня наудачу «разбрызгивающим огнем». По тем же причинам немцы были вынуждены отказаться от сосредоточенного заградительного огня, столь необходимого для отражения атак противника. Массированное применение артиллерии становилось редкостью, а артиллерийские подразделения все чаще отказывались от контрбатареинного огня, считая это пустой тратой боеприпасов. Более того, плохая наземная корректировка, практически пол-

Артиллеристы дивизии СС «Мертвая голова» обстреливают советские позиции из своей 150-мм гаубицы sFH 18.

ное отсутствие воздушного наблюдения и фоторазведки, а также неудовлетворительная сигнальная связь — все это затрудняло действие немецкой артиллерии. В сравнительно редких случаях, когда немцам удавалось создать необходимый запас боеприпасов, они оказывали своим войскам массированную огневую поддержку — такой огонь усиливал их оборону. Но подобные действия немцы могли проводить все реже и реже.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ

Бой, произошедший в 1944 году на полуострове Котантен, в самом начале Нормандской кампании, стал ярким примером успеха немецкой оборонительной артиллерии. В день «Д» американские войска высадились на плацдарме Ютабич и быстро закрепились на нем. Затем они выдвинулись в направлении Шербура. Однако в середине июня немцам удалось на время остановить наступление американцев у Киневиль-Риджа и перед коммуникационным центром Монтебурга. Немецкое командование понима-

ло, что в случае сдачи этой последней перед Шербуром оборонительной позиции порт будет захвачен войсками союзников. Оборонительные позиции были максимально укреплены сосредоточенной артиллерийской группой из 19 орудий под командованием майора Фридриха Купперса.

Когда американские войска с 10 по 14 июня атаковали Киневиль-Ридж, обороняющиеся немцы, которых противник значительно превосходил по численности, обнаружили, что фланги их фронта оголены. В создавшемся критическом положении, вспоминал артиллерист Герхардт Бауэр, майор Купперс получил разрешение вести огонь, не экономя боеприпасы, — редкий приказ, который отразил серьезность положения немцев. 19 артиллерийских орудий обрушили на передовые силы американцев такой шквал хорошо нацеленного огня, что их атака дрогнула. Американские передовые части отошли назад и заняли оборонительные позиции. Орудия Купперса внесли существенный вклад в остановку американского наступления, пусть и временную. Сосредоточенный артиллерийский огонь помог обороняющимся немцам выиграть драгоценное время, чтобы подтянуть подкрепления, в частности 77-ю пехотную дивизию, и укрепить тонкую оборонительную линию, которая блокировала подходы к желанной добыче американцев — Шербуру.

Артиллерийская группа под командованием Купперса уже использовала дерзкое тактическое решение, которое сорвало попытку американцев захватить отдельную батарею Сент-Маркуф, которая являлась источником постоянного раздражения и мешала американским войскам прорваться в северном направлении. Американцы решительно настроились любой ценой уничтожить угрозу. Когда американские войска захватили позиции батареи, то ее командир, лейтенант ВМС Омсен, и орудийные расчеты оказались практически заперты в своих подземных бункерах. Американцы начали ликвидировать огневые позиции, забрасывая взрывчатку через смотровые отверстия и стрелковые амбразуры батарейных бункеров. В отчаянной попытке выправить ситуацию и чтобы не сгореть заживо, Омсен вызвал огонь купперсовских орудий на собственные позиции. Земля дрожала, когда снаряды немецких пушек рвались

на батарейной позиции, сметая американцев с поверхности бункеров, атака была сорвана, а уцелевшие ретировались.

Умелое и разумное использование артиллерийского огня в обороне, как усвоили немцы, могло принести значительный успех, несоизмеримый с затраченными ресурсами. Другой излюбленной артиллерийской тактикой немцев было направление ответного артиллерийского огня за огневой вал союзников, чтобы уничтожить идущую за заградительным огнем пехоту. Такая тактика деморализовала пехоту союзников, заставляя ее думать, что огонь их собственной артиллерии был недостаточным и малоэффективным. Эта тактика, вынуждавшая пехотинцев пробиваться сквозь заградительный огонь противника, приносила желаемый результат. Пехота неизменно отступала, так как солдатам казалось, что они попали под огонь собственных орудий. Таким образом, несколько удачно и своевременно выпущенных снарядов могли остановить целое наступление.

Именно такой случай имел место 4 июля 1944 года во время атаки канадских подразделений на аэродром Карпике к западу от Кана. Немцы удерживали эту позицию со времени дня «Д», предотвращая все англо-канадские попытки усилия обойти Кан с западного фланга. 3 июля оборонявшее аэродром небольшое подразделение из состава фанатичной 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» готовилось к очередной атаке канадцев. SS-Rottenführer (ротенфюрер СС, капрал) Фриц Экштайн, ведя огонь по заранее пристрелянным точкам, так сильно потрепал канадский батальон, что тот был вынужден отказаться от наступления. Когда второй батальон двинулся по направлению к деревне под прикрытием громящего заградительного огневой вала, немцы направили огонь своих орудий за огневой вал канадцев. Полагая, что они оказались под огнем собственных пушек, взбешенные солдаты подразделения в беспорядке отошли. И вновь хорошо нацеленный огонь спас положение и позволил выиграть чуть больше драгоценного времени. Но время в конце концов истекло. Все в большей степени испытывая недостаток боеприпасов и нехватку транспорта, немецкая артиллерия окончательно распалась в последних беспощадных битвах весной 1945 года.

Проходящие подготовку во время начального периода войны немецкие парашютисты выстроились, чтобы погрузиться на борт своего транспортного самолета перед тренировочным прыжком.

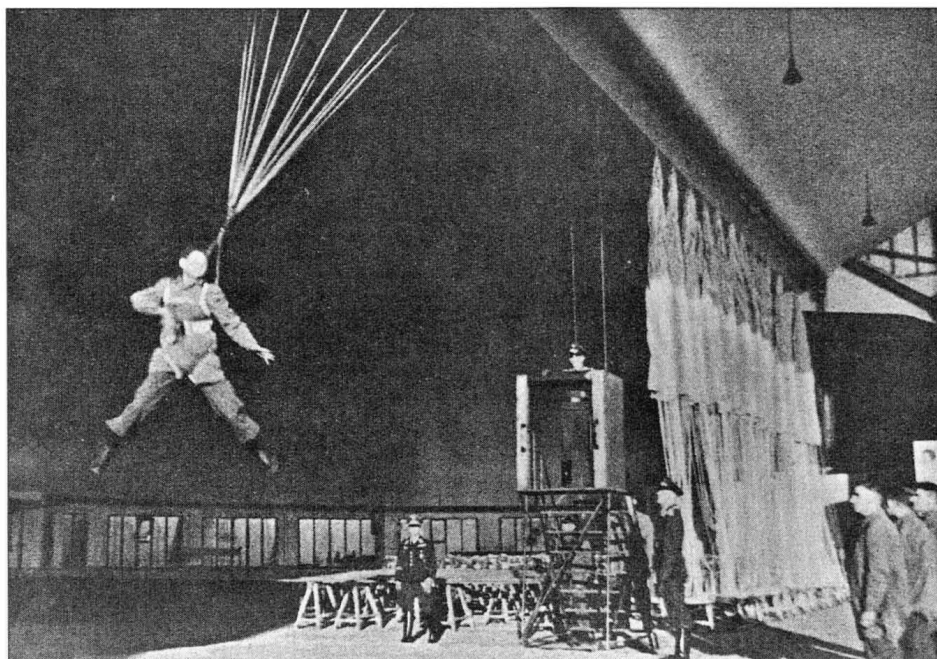
ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ СИЛЫ И СИЛЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Во время Второй мировой войны Германия сформировала большое разнообразие различных воздушно-десантных и специальных подразделений, включая военно-морские подразделения «К-мен», оснащенные управляемыми человеком торпедами, которые предполагалось использовать против кораблей союзных сил, стоящих на якоре, подразделение KG-200 из военно-воздушных сил, командос из диверсионного подразделения «Вервольф» (Werewolf) и специальные силы СС. В центре внимания этой главы будут немецкие парашютно-десантные войска и диверсионно-десантное подразделение «Бранденбург».

Возникновение ПАРАШЮТНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК

В 20-х годах в Советском Союзе проводились испытания с выброской солдат с парашютом из самолета. Во время этих экспериментов «воздушные десантники» располагались на крыльях самолета и соскальзывали на требуемой высоте. Вскоре была разработана более эффективная тактика, и соответствующие самолеты поднимали парашютистов, сидящих перед прыжком уже внутри самолета. Немецкие офицеры, прикомандированные к Красной Армии в 20-х годах, с интересом следили за этими испытаниями, и в 30-е годы, когда при Гитлере Германия осуществляла перевооружение, немецкие военно-воздушные силы (Luftwaffe) создали свои воздушно-десантные войска под командованием генерал-майора Курта Штудента. Эти части состояли почти исключительно из доброволь-

Проходящие подготовку парашютисты совершают свои первые тренировочные прыжки со специально сконструированных платформ внутри больших ангаров ВВС. Солдат обучали безопасному выходу из самолета и правильному положению во время спуска. Обучали также технике приземления, но, тем не менее, травмы все еще были обычными вследствие высокой скорости спуска немецкого парашютиста.

цев, которые проходили весьма интенсивную программу подготовки, завершавшуюся шестью прыжками с парашютом, только после этого испытания добровольца зачисляли в Fallschirmjäger — элитные парашютные подразделения германской армии. Процент неудач у потенциальных парашютистов был высоким, и несчастные случаи с серьезными травмами или смертельными исходами оставались распространенным явлением.

Такое реалистичное обучение и элитный статус немецких парашютистов делали их самыми крепкими и наиболее действенными солдатами.

Немецкие парашютисты обычно совершали десантирование с транспортного самолета «Юнкерс» Ju-52, который мог взять на борт 17 полностью экипированных парашютистов и доставить их на расстояние 1370 км (850 миль). Десантники были вооружены только тем оружием, которое могли взять с собой; как правило, в их вооружение входило личное стрелковое оружие, гранаты и пулеметы. Чтобы повысить огневую мощь десантных подразделений, Штудент для транспортировки дополнительных войск и более тяжелого вооружения использовал специально сконструированный планер DFS 230. Буксируемый порожним Ju-52, планер DFS 230 мог принять на борт до 1135 кг (2500 фунтов) груза или равное этому весу количество живой силы. Как покажет битва за Крит в 1941 году, нехватка

штатных огневых средств окажется самым большим недостатком парашютных войск.

В сентябре 1939 года, когда началась Вторая мировая война, немцы для штурмовых операций имели в своем распоряжении 7-ю воздушно-десантную дивизию. Кроме того, имелась 22-я воздушно-десантная дивизия, которая находилась, скорее, в армейском подчинении, а не в подчинении ВВС, но она могла использоваться для совместных воздушно-десантных операций. Хотя германская армия с 1938 по 1939 год разрабатывала планы оперативного использования парашютистов против Австрии и Чехословакии, впервые воздушно-десантные части были применены в сентябре 1939 года против Польши. Несмотря на то, что количество десантных операций во время Польской кампании было минимальным по сравнению с более поздними кампаниями, они все же внесли свой вклад в подрыв боевого духа поляков. Один военный историк позднее заметил, что для того, чтобы активизировать саботаж и предательство в тылу поляков, немцы осуществили ряд воздушно-десантных операций в непосредственной близости от штаба польской армии, в результате которых была разрушена система управления армией и практически остановлен процесс мобилизации.

После их ограниченного развертывания в Польше немцы затем использовали свои воздушно-десантные части в апреле 1940 года во

время вторжения в Данию и Норвегию, где парашютисты овладели аэродромом Соле (Sole) под Ставангером еще до подхода основных сил вторжения. В Норвегии воздушно-десантные операции сыграли существенную роль в захвате аэродромов, на которых смогло приземлиться доставленное самолетами подкрепление. Это была первая реальная и стратегически целесообразная операция парашютно-десантных подразделений, проведенная далеко за пределами Германии.

ПОБЕДА НА ЗАПАДЕ

Когда в мае 1940 года дело дошло до вторжения в страны Бенилюкс и Францию, для достижения максимального эффекта немецкое командование решило использовать все имеющиеся в его распоряжении парашютно-десантные силы. Специальные части и парашютно-десантные войска были развернуты для нападения и выполнения трех основных задач: во-первых, десантные подразделения должны были захватить ключевые транспортные узлы в глубоком тылу противника; во-вторых, другая часть специальных войск предназначалась для захвата пригра-

Немецкие парашютисты, на этот раз приземлившись с помощью планера, тренируются в отработке быстрого развертывания.

ничных бельгийских крепостей; и, в-третьих, воздушно-десантные силы должны были захватить и удерживать мосты и аэродромы Голландии до вторжения основных немецких наземных сил. В целом немцы имели 4500 обученных парашютистов, сформированных в пять батальонов. Оставшиеся воздушно-десантные войска, около 12 000 человек, транспортировали планерами или самолетами.

В мае 1940 года 4000 парашютистов атаковали три ключевых голландских аэродрома, кольцом расположившихся вокруг Гааги (Окенбург, Ипенбург и Валькенбург) и захватили близко расположенные мосты через реку Маас в Роттердаме, Дордрехте и Мурдейке. Остальные 500 десантников высаживались на и вокруг бельгийской приграничной крепости Эбен-Эмаэль. Атакующие голландские аэродромы и мосты части Штудента состояли из четырех парашютных батальонов и трех батальонов воздушно-транспортного пехотного полка.

Несмотря на то, что десантники понесли тяжелые потери, подразделения выполнили поставленные задачи. Штудент, сам во время наступления раненный в голову голландским снайпером, вспоминал, что его войска не имели прав на неудачу, потому что в этом случае провалилось бы все вторжение. Тем временем силами оставшегося парашютного батальона немцы

предприняли в Гааге весьма дерзкое предприятие, рассчитывая захватить правительство Голландии. Несмотря на то, что эта операция не имела успеха, налет вызвал большое смущение и показал готовность немцев заставлять свои военно-воздушные силы действовать на пределе возможностей.

ЭБЕН-ЭМАЗЛЬ

500 парашютистов из отряда Штудента предприняли еще более безрассудную атаку, решив захватить бельгийский форт Эбен-Эмаэль и два расположенных поблизости моста через Альберт-канал, что было жизненно важно для успе-

Немецкие парашютисты, участвовавшие в нападении на Эбен-Эмаэль, позируют военному корреспонденту. Немцы поспешно удалили планы, использованные в нападении на бельгийский форт, чтобы не навести на мысль о том, как эта теоретически неприступная крепость была взята так быстро. Во время штурма, также впервые во время войны, были использованы кумулятивные заряды, что позволило немецким парашютистам разрушить бельгийские огневые

ха немецкого наступления. Форт контролировал направления немецкого вторжения в Бельгию и во Францию, французское верховное командование полагало, что Эбен-Эмаэль может сдерживать немцев в течение пяти дней. Однако в течение всего нескольких часов укрепление было блокировано неожиданной атакой немецких десантников, и день спустя форт пал. Эбен-Эмаэль, строительство которого было завершено в 1935 году, охранял переправы через Альберт-канал и подступы к городу Льежу. Защищенный огромным на 36,5 м (120 футов) откосом, снижавшимся к Альберт-каналу, форт имел следующие размеры: 823м x 640м (900 ярдов

позиции с помощью относительно легкого оснащения. В целом в 1940 году немецкие воздушно-десантные силы действовали очень успешно, значительно ускорив немецкое наступление на страны Бенилюкс. Германия быстро развернула пропагандистскую кампанию, всячески превознося силу и возможности своих воздушно-десантных войск, и угроза возможных десантных операций нанесла серьезный удар по боевому духу противника.

х 700 ярдов). На системе одинарных и двойных башен форта бельгийцы установили артиллерийские орудия калибром от 75 мм до 120 мм. Помимо основного вооружения имелись многочисленные легкие пушки, пулеметы и целый батальон пехоты, надежно укрытый в подземных бункерах. Внешне Эбен-Эмаэль выглядел совершенно неодолимым опорным пунктом, но один недостаток у крепости все-таки был — форт не располагал системой противовоздушной обороны. Именно это упущение навело немцев на мысль об использовании для взятия форта воздушно-десантных частей.

С ноября 1939 года специальный отряд инженерно-саперных войск, набранный из добровольцев, в обстановке чрезвычайной секретности проходил подготовку к специальной десантной операции под общим командованием гауптмана Коха. Члены штурмового отряда Коха не имели увольнительных, им было запрещено общаться с другими подразделениями, и под страхом смерти они клялись соблюдать абсолютную секретность. Десантники тренировались, отрабатывая захват чешских судетских фортов. 10 мая 1940 года 78 человек на 11 планерах, буксируемых «Юнкерсами» Ju-52, отбыли из Кёльна. Планеры, пилотируемые опытными пилотами, преодолели в тишине 21 км (13 миль) от немецко-бельгийской границы до Эбен-Эмаэля и, оставшись незамеченными, приземлились на территории форта.

Отлично рассчитав время, отряд Коха десантировался на Эбен-Эмаэль всего за пять минут до того, как основные силы Вермахта пересекли границу. Бельгийские часовые ничего не заметили, пока планеры не сели на территории форта.

Командующий экспедицией лейтенант Рудольф Витциг растерялся, когда буксирный трос его планера оборвался над Кёльном. Однако Витциг и его люди с достойной похвалы энергией подготовили посадочную площадку, срубив ограду из ивняка, и вызвали другой Ju-52. К моменту появления Витцига в небе над Эбен-Эмаэлем, однако, остальная часть его отряда под командованием способного обер-фельдфебеля Венцеля уже начала крушить обороняющихся бельгийцев, впервые используя мощные кумулятивные заряды, чтобы пробиться через толстый стальной панцирь форта. Башни двояных 120-мм орудий оказались слишком прочными

даже для кумулятивных снарядов, и с ними расправились, просто протолкнув заряды в стволы орудий.

Тем временем другие планеры приземлились рядом с мостами через Альберт-канал, и, поскольку гарнизон Эбен-Эмаэля был скован атакой, немцы смогли захватить эти стратегически важные точки. В течение ночи с 10 на 11 мая немцы держались в форте Эбен-Эмаэль, пока наступающая пехота германской Шестой армии не вынудила форт на следующий день капитулировать. Ценой жизни шести бойцов десантный отряд Коха возглавил захват якобы неприступного форта и помог взять в плен свыше 1000 бельгийских солдат. Восторг Гитлера по поводу падения Эбен-Эмаэля был безмерным: это был смелый удар, который разрушил систему обороны Альберт-канала. Гитлер наградил двух солдат штурмового отряда Коха Рыцарскими крестами — высшей военной наградой Германии.

ДРУГИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ СИЛ

Захват форта Эбен-Эмаэль остается самой известной операцией воздушно-десантных сил Вермахта, но весной 1940 года германская армия провела с использованием десантных подразделений и ряд других операций. Например, когда первые немецкие части перешли границу Люксембурга, там, в тылу противника, уже были солдаты Вермахта. Некоторые перед вторжением приехали туда в качестве туристов, других доставили самолетами. Отряд из 125 добровольцев под командованием лейтенанта Геддериха на 25 легких самолетах «Шторх» фирмы «Физелер» приземлился на француско-люксембургской границе недалеко от Эш-сюр-Альзет, намереваясь захватить важный транспортный узел. Немцы перекрыли дорогу, не позволив проехать даже нескольким люксембургским рабочим, которые на велосипедах ехали за своей зарплатой. Не разобравшись в ситуации, местный полицейский приказал отряду Геддериха удалиться, но десантники арестовали полицейского, перерезали линии связи и стали ждать подхода основных немецких сил.

Специально обученные войска элитного пехотного полка «Гроссдойчланд» провели аналогичную операцию несколько севернее в Бельгии.

Во время операции, известной как операция «Ниви», самолеты «Шторх» («Аист») фирмы «Физелер» десантировали 400 солдат, которые должны были захватить коммуникации до главного наступления бронетанковых частей. Немцы высадились в бельгийских Арденнах недалеко от деревень Нивз и Витри (отсюда и кодовое название «Ниви»), чтобы взять под контроль проходящие через Арденны дороги, что было необходимо для стратегически важного форсированного броска на Седан. Если посадка в Витри проходила в соответствии с графиком, то отряд, высаживавшийся вблизи деревни Нивз, столкнулся с проблемами, которые показали, как легко воздушно-десантная операция может пойти не по плану. Унтер-офицер, находившийся с этим отрядом, вспоминал, что вско-

Немецкий парашютист с парашютными ремнями, стянутыми на груди, готовится к прыжку из транспортного самолета «Юнкерс» Ju 52.

ре после вылета три самолета потеряли из виду другие «Аисты», затем, в конце концов, сели не в том месте и вскоре вновь взлетели. Сбившиеся с курса самолеты вновь приземлились, но порядком удивленные местные жители сообщили пилотам, что они снова ошиблись. Немцы, в конце концов, нашли свою цель и после короткого боя с арденнскими стрелками захватили Витри. Позднее в подкрепление подошли немецкие бронетанковые войска.

Сильное воздействие воздушно-десантных войск

Заслуживает внимания тот факт, что на всем фронте немецкого вторжения обороняющиеся, в соответствии с планами обороны, взорвали все мосты, но там, где были использованы воздушно-десантные части, мосты не были взорваны. Эффект от десантных операций был не только материальным и военным, но и психологическим. Немцы постарались скрыть информацию о том, как кумулятивные заряды помогли захватить Эбен-Эмаэль, поэтому союзники опасались, что их противник использовал какое-то специальное оружие или нервно-паралитический газ. Делая основную ставку на линию Мажино, французы были особенно обеспокоены падением Эбен-Эмаэля. Если немцы смогли так быстро справиться с самым прочным фортом в мире, какова же будет судьба линии Мажино?

В целом использование воздушно-десантных сил в Бельгии и Голландии сеяло панику в рядах союзных войск, способствуя, таким образом, немецкому наступлению. Способность планеров и парашютистов приземляться в тылу противника, наряду с действиями подразделения «Бранденбург», диверсанты которого переодевались в голландскую форму (см. ниже), привела к навязчивой боязни «пятой колонны» — всяких лжемонахинь в солдатских ботинках и священников с автоматами под сутаной. Перед наступающими войсками Вермахта катилась волна паники, которая деморализовала и парализовала противника не хуже пикирующего бомбардировщика «Штука» или наступающего танка. Ограниченное применение воздушно-десантных войск резко контрастировало с докладами, в которых сильно преувеличивались действия и возможности немецких парашютистов. Частично страх перед воздушно-десантны-

ми силами Германии объясняется тем, что немцы широко применяли манекены, которые на парашютах сбрасывали в тылу противника (хитрость, которую союзники использовали в 1944 году в Нормандии). Эта уловка оказалась исключительно эффективной, особенно если учесть склонность разогретого воображения к преувеличению.

Как только Франция пала и британская армия была эвакуирована с Дюнкеркского плацдарма, страх перед воздушно-десантными силами докатился и до Великобритании. Британские солдаты рыли окопы на открытой местности и, чтобы препятствовать высадке десанта с планеров, оставляли на взлетно-посадочных полосах аэродромов машины. Впрочем страх перед массовой атакой воздушного десанта был вполне обоснованным: если бы началась операция, получившая кодовое название «Морской лев», то есть операция по вторжению германской армии в Великобританию, — то, в соответствии с планом, именно 7-я воздушно-десантная дивизия начала бы вторжение: дивизия должна была высадиться поблизости от городов Хит и Фолкстон и подготовить почву для десантирования основных сил вторжения, которые должны были прибыть в Кент морем. Решительный отпор, полученный Люфтваффе летом 1940 года, и заинтересованность Гитлера в нападении на Советский Союз привели к отмене вторжения. Немецким десантным соединениям, в задачу которых входило нападение на Британские острова, теперь поручили новое, весьма смелое задание — операцию «Меркурий» — вторжение на Крит.

Крит, 1941

Если говорить об операции, которая могла бы стать примером действий немецких десантников, то такой операцией была битва за Крит. В этом сражении приняли участие десантники 7-й воздушно-десантной дивизии, после первых высадок усиленные подразделениями 5-й и 6-й горно-стрелковых дивизий (один приданный полк). Вторжение на Крит последовало за успешной оккупацией Греции (где воздушно-десантные силы захватили Коринфский канал). План заключался в том, чтобы десантники Штудента высадились с помощью парашютов и планеров на трех основных аэродромах Крита —

После Крита воздушно-десантные подразделения использовались как наземные войска.

На фотографии — десантники воспользовались передышкой в бомбардировках, чтобы подправить траншеи.

Малеме, Гераклион и Ретимо, затем их должны были поддержать легкие горно-егерские войска (Gebirgsjäger), прибывшие морем, а после захвата аэродромов и на транспортных самолетах. Горные егеря приняли участие в операции, поскольку 22-я воздушно-десантная дивизия была задействована в Болгарии и не могла быть перебросена на Крит.

Это был дерзкий и потенциально гибельный для немецких воздушно-десантных войск план. На Крите им предстояло преодолеть сопротивление 35-тысячного гарнизона, состоящего из британских войск и войск стран Содружества, который благодаря службе разведки «Ультра» знал о готовящемся вторжении.

Более тяжело вооруженные защитники острова, поливая огнем медленнодвигающиеся Ju-52, с которых прыгали парашютисты, нанесли десанникам ужасающие потери. Самые тяжелые бои происходили на Малемском аэродроме, где на рассвете 20 мая 1941 года появился

Полковник Брауэр, безукоризненно выглядящий, с сигаретным мундштуком в руке, отдает приказы своим подчиненным во время битвы за Крит. Борьба за Крит дорого обошлась немецким воздушно-десантным силам, вследствие чего Гитлер принял решение никогда не использовать крупномасштабный парашютный десант в будущих кампаниях. Если бы командиры союзных войск в своих контратаках проявили большую напористость, десантники были бы уничтожены и вторжение потерпело провал. Репутация парашютистов-десантников как нестигаемых бойцов сослужила им службу при обороне монастыря Монте-Кассино в 1944 году. Им удалось значительно задержать наступление союзников на север Италии, хотя они вновь понесли тяжелые потери.

элитный воздушно-десантный штурмовой полк. Немецкие истребители и пикирующие бомбардировщики обеспечивали максимально возможную поддержку, но без тяжелых орудий сражающиеся десантники оказались в сложном положении. Воздушно-десантные подразделения высадились на планерах и парашютах и встретились с сильным заградительным огнем. Спускаясь, парашютисты, бешено строчили из своих «шмайссеров», но, как говорилось в одном из отчетов, «многие нашли могилы там, где нашли землю». Кох, герой Эбен-Эмаэля, десантировался с 3-й ротой, которая получила задачу уничтожить позиции вокруг Малеме.

Наибольших успехов достигли те десантные подразделения, которые высадились в стороне от сосредоточения войск Британии и стран Содружества и смогли добраться до своих контейнеров с оружием. Высокий боевой дух десантников, а также незначительное сопротивление противника на этих участках позволили немцам в конечном итоге захватить посадочные площадки для «Юнкерсов» Ju-52, на

которых прибывали горно-егерские части, приземляясь на охваченный пламенем аэродром (часть горно-стрелковых войск пыталась добраться морем на импровизированном флоте вторжения, но они были перехвачены ВМС Великобритании). В конечном итоге немцы вынудили союзников отойти в южный порт Сфакия (Sphakia), где большая часть войск была эвакуирована морем. Но цена немецкой победы была огромна.

В конце концов 7-я воздушно-десантная дивизия перестала существовать как боевое соединение. В целом потери немцев превысили 7000 человек, из них свыше 4000 погибло или пропало без вести. Основная часть этих потерь пришлось на парашютистов и десантников, которые высадились на остров в первые несколько дней. Крит, таким образом, стал «лебединой песней» парашютистов. 19 июля 1941 года, месяц спустя после начала операции «Барбаросса», парашютисты-десантники, награжденные Рыцарским крестом за героизм, проявленный на Крите, прошли парадом перед своим фюрером в его растенн-

бургском штабе. Гитлер заявил Штуденту: «Крит показал, что время парашютно-десантных войск прошло. Парашютисты-десантники — это оружие внезапности, а фактору внезапности придавалось слишком большое значение». После войны Штудент более подробно рассказал об этом разговоре, он также отметил, что «в течение нескольких месяцев, когда воздушно-десантные войска были призваны сражаться как наземные войска, ему пришлось осознать значение слов фюрера».

Как наземные войска парашютисты-десантники отлично сражались на всех крупных театрах войны: в русских степях, в каменистых горах Туниса, на холмах Италии и на полях, окаймленных лесными полосами, в Нормандии. Но захват Крита стал последней десантной операцией Fallschirmjäger (парашютно-десантных войск), в которой приняла участие целая дивизия десантных войск. В 1943 году 7-я парашютная дивизия была переименована в 1-ю парашютную дивизию, кроме того было сформировано еще девять парашютных дивизий, которые

действовали в качестве наземных войск. Объединенные в Первую парашютную армию, эти подразделения отлично сражались в Италии и северо-западной Европе. Однако время от времени небольшие подразделения парашютно-десантных войск все еще использовались в воздушно-десантных операциях, наиболее известной из которых была Арденнская операция середины декабря 1944 года.

АРДЕННСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В декабре 1944 года немцы начали свое последнее крупное наступление в ходе войны на Западе, удар был нацелен на Антверпен. После некоторого успеха немецкие войска были сначала остановлены, а затем отброшены американцами, немцы понесли тяжелые и невозместимые потери. В ходе Арденнского наступления, или «битвы за выступ», немцы использовали не только парашютно-десантные, но и специальные войска. Специальное соединение — 150-я танковая бригада штандартенфюрера СС Отто Скорцени — имело задачу просочиться в американской форме в тыл противника для проведения диверсионных операций. Во время этого наступления была проведена и парашютно-десантная операция «Штоссер», в ходе которой батальон воздушно-десантных войск под командованием ветерана-десантника участника Критской операции Oberst (полковника) барона фон дер Хейдте был десантирован для захвата транспортного узла в Мальмеде, который необходимо было осуществить до подхода шестой танковой армии генерал-полковника Зеппа Дитриха. Но это был лишь отголосок успешных десантов 1940 года. На этот раз инициатива была в руках союзников, а недавно сформированный воздушно-десантный батальон выбросили на покрытой густыми лесами местности.

День «Д» — день начала операции был назначен на 16 декабря 1944 года. Начало операции было задержано из-за нехватки топлива, когда самолеты все же поднялись в воздух, из-за сильного ветра пилоты ошиблись и выбросили парашютистов фон дер Хейдте не в том районе: часть отряда десантировалась в Германии, а некоторые в Голландии. В конечном итоге в распоряжении фон дер Хейдте оказалось лишь 125 парашютистов, которые приземлились вблизи Мальмеда. Фон дер Хейдте сам испытывал сильную боль в руке, пов-

режденной во время тренировочного упражнения, его люди не имели какого-либо тяжелого вооружения, а радиопередатчики оказались разбиты. В результате, не имея возможности связаться с частями шестой армии, парашютисты-десантники не смогли овладеть транспортным узлом Мальмеди. Все произошедшее очень отличалось от головокругительных дней 1940 и 1941 годов.

Тем временем американцы, решившие, что была высажена целая воздушно-десантная дивизия, бросили в этот район мощную войсковую группировку. Самолеты Luftwaffe не смогли доставить запасы окруженным десантникам, и поэтому 21 декабря фон дер Хейдте отдал своим людям приказ попытаться небольшими группами прорываться через американские позиции. Однако и сам фон дер Хейдте и большинство его солдат были взяты в плен. Таким образом, последняя воздушно-десантная операция Германии смогла лишь посеять некоторую мимолетную панику в тылу противника, и это было единственное, чего удалось добиться с ее помощью. Эта операция ясно показала, что для успешной высадки десанта необходимы хорошая подготовка, внезапность и всеобъемлющее стратегическое планирование. Когда Германия отступала на всех фронтах в конце 1944 года, сбрасывание десанта при битве за клин было обречено на провал.

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЕ «БРАНДЕНБУРГ»

Бранденбургские силы специального назначения возникли из подразделения с кодовым названием Bau- und Lehrkompanie Brandenburg (строительная учебная рота Бранденбург), которая была создана во время чешского кризиса 1938 года капитаном Теодором фон Хиппелем. Во время Первой мировой войны в германской Восточной Африке этот офицер воевал против британцев, участвуя в партизанской кампании Леттова-Форбека. В 1938 году он выступил с предложением отправить войска за линию чешского фронта для объединения с судетскими немцами. Мюнхенское соглашение вынудило немцев отложить реализацию этой идеи, но германская служба разведки Abwehr, возглавляемая адмиралом Вильгельмом Канарисом, во время вторжения в Данию, Норвегию, страны Бенилюкса и Францию в 1940 году снова обратилась к использованию Бранденбургского батальона.

В задачу подразделения «Бранденбург» входил захват важных стратегических объектов еще до вторжения основных сил. Для того чтобы обеспечить полную внезапность, бойцы спецподразделения использовали форму противника и говорили на языке той страны, в которой предстояло действовать. В апреле 1940 солдаты «Бранденбурга» в первый раз приняли участие в боевых действиях, захватив мост Датского пояса (Датского Бельта). Последующие действия имели смешанный результат. Попытка захватить мосты через реку Маас обернулась бедствием: в неожиданно возникшей перестрелке был убит командир лжеголландских солдат лейтенант Хоке. Так как оказалось невозможным снять взрывчатку, установленную голландцами, три важных моста были разрушены еще до подхода бронетанковых частей. В результате немцам пришлось возводить понтонный мост через реку Маас, что привело к возникновению длинной очереди ожидающих переправы танков и, как следствие, к задержке германского наступления. Стало очевидно, что действия «Бранденбурга» в тылу противника могут обеспечить как успех, так и провал операции. В Голландии возле Арнема спецподразделение вновь ожидал провал, так как солдаты «Бранденбурга», чтобы компенсировать нехватку голландской униформы, изготовили нелепые якобы «голландские» каски из картона. Псевдомаскировка была сразу же разоблачена и диверсантов заставили отступить.

В голландском Геннепе «Бранденбург» действовал более успешно. Лейтенант Вальтер и три сопровождавших его бранденбуржца переоделись в форму офицеров полиции, якобы конвоирующих группу немецких военнопленных. Под одеждой «военнопленные» прятали стрелковое вооружение, с помощью которого они смогли отбить мост у ошарашенных обороняющихся. Эта удачная операция продемонстрировала, чего может добиться спецподразделение, так как чуть позже через мост прошли танки 9-й бронетанковой дивизии, которые отрезали голландскую армию от французской седьмой армии, двигавшейся на восток. Подобным образом бранденбуржцы действовали в Бельгии, где еще до подхода танков смогли захватить около 24 важных объектов. За бельгийские операции, в которых в течение этих нескольких важных дней батальон «Бранденбург» действовал в

основном успешно, солдаты 3-й роты подразделения получили не менее 92 Железных крестов.

После падения Франции численность «Бранденбурга» превысила численность строевого батальона, и его бойцы принимали участие в Балканской кампании, захватывая в Румынии нефтяные месторождения Плоешти, а в Югославии переправу через реку Вардар. В конце 1941 года в состав «Бранденбурга» были включены другие специализированные части, такие, как батальон морской пехоты и парашютно-десантный батальон. Бранденбуржцев использовали для разнообразных специальных задач на Восточном фронте (таких, как захват Львова в 1941 году) и в Северной Африке. Парашютисты из отряда «Бранденбург» также были задействованы в операции по возвращению островов Кос и Лерос в 1943 году, где они понесли тяжелые потери.

К концу 1942 года немецкие командос были переформированы в *Sonderverband 800* (Специальное формирование), в состав которого были включены еще пять полков. Затем соединение было развернуто до размеров полноценной дивизии. Но контроль над дивизией «Бранденбург» осуществлялся напрямую из Берлина, а действовала она специальными группами на

Командос подразделения «Бранденбург», одетые в форму солдат Красной Армии, на советском грузовике готовятся осуществить секретную операцию осенью 1941 года.

всех участках военных действий. Сомнительные методы, которыми пользовались бойцы этого спецотряда, часто делали их непопулярными среди остальных немцев, особенно когда успехи первых лет войны были сведены на нет более поздними неудачами.

После «бомбового заговора» против Гитлера 20 июля 1944 года СС взяли под контроль Абвер, и подразделение было реорганизовано в мотопехотную дивизию. До конца войны она сражалась на Восточном фронте. Только полк «Курфюрст» сохранил свой статус спецподразделения. Однако некоторые опытные солдаты «Бранденбурга» предпочли вступить в диверсионные формирования СС (*Jagdverbände*).

АНГЛИЙСКИЙ ПАЦИЕНТ

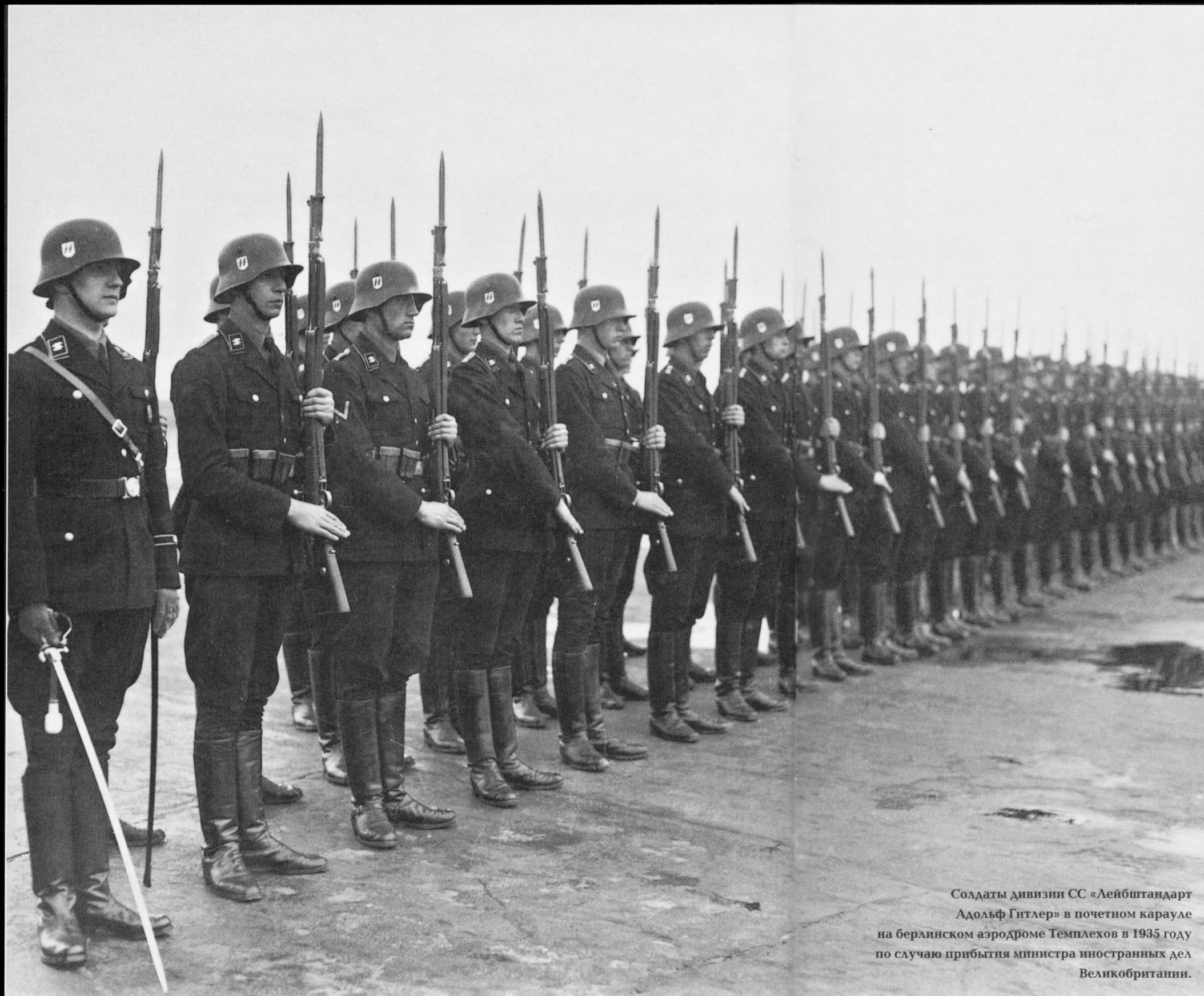
Как уже было отмечено, диверсанты «Бранденбурга» сражались на всех участках этой войны. В Северной Африке они пытались перерезать линии снабжения союзников, которые шли из Нигерии в Египет через пустыню Сахара. Кроме этого, бранденбуржцы сопровождали двух агентов Абвера в Египет, вместе с ними был и капитан граф Алмейзи (*Almasy*), человек, ставший прообразом героя фильма «Английский пациент». Граф помог направить бранденбуржцев и двух агентов в Асьют в Египте. Агенты успешно сели на каирский поезд, но позднее были арестованы британцами. Алмейзи и диверсанты вернулись на немецкую линию фронта.

ВОЙСКА СС

СС (Schutzstaffel) составляли передовую часть политического движения германской нацистской партии, члены этой организации, вступившие в нее добровольно, яростно поддерживали расистскую идеологию нацистов. После прихода Гитлера к власти в 1933 году нацисты решительно пытались изменить соотношение сил в Европе в целях создания «нового порядка», который был бы очищен от еврейского влияния и в котором господствовал бы 1000-летний Третий рейх. Военное крыло СС — Waffen-SS (вооруженные силы СС) было создано в марте 1940 года в результате слияния существующих полувоенных организаций СС: охраны Гитлера («Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»), дивизии СС специального назначения (Verfügungs) и охраны концентрационных лагерей «Мертвая голова» (Totenkopf). В течение войны 1939 — 45 годов вооруженные силы СС отличались двумя основными характеристиками: во-первых, многие формирования Waffen-SS производили глубокое впечатление своими боевыми действиями, потому что их солдаты проявляли огромную решимость, храбрость, тактическое умение и сплоченность; во-вторых, Waffen-SS представляли собой фанатическую, высоко политизированную силу, решительно настроенную достичь жестоких амбициозных устремлений нацистского режима и безжалостно сокрушить его врагов.

В течение Второй мировой войны войска СС переродились в силу, которая имела мало общего с первоначальной организацией 1939 года. Войска СС 1945 года насчитывали более миллиона человек и представляли собой разнородное объединение представителей разных наций и различных формирований. Подюжины «классических» арийских отрядов Waffen-SS — таких, как дивизии СС «Лейбштандарт», «Дас Рейх», «Мертвая голова» и «Викинг», — обычно на поле боя действовали впечатляюще. На Востоке с 1941 по 1942 год в ужасных условиях эти дивизии высоко подняли военную репутацию Waffen-SS, и поэтому Гитлер отдал приказ о дальнейшем расширении и механизации этой организации.

Солдаты дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в почетном карауле на берлинском аэродроме Темпелхов в 1935 году по случаю прибытия министра иностранных дел Великобритании.

С 1942 года честолюбивые планы Гиммлера относительно увеличения его империи СС привели к созданию новых, хотя и не столь хорошо оснащенных «дивизий», сформированных из этнических немцев Центральной Европы, из «расово приемлемых» добровольцев (таких, как валлоны и прибалты) и из «низших в расовом отношении» славян (таких, как албанцы, русские и узбеки). Несмотря на то, что эти подразделения зачастую довольно плохо действовали в бою, они оказались надежными помощниками в той расовой войне на истребление, которую нацисты развязали на оккупированных силами «оси» территориях Советского Союза.

Солдаты таких формирований, как дивизия СС «Флориан Гейер», убивали захваченных партизан и сотрудничали с осуществлявшими политику геноцида истребительными отрядами Einsatzgruppen. Четыре таких отряда специального назначения, в состав которых входили вой-

ска СС, с 1941 по 1943 год расстреляли на Востоке около полутора миллионов евреев и коммунистов. В течение всего этого времени вплоть до 1945 года Гиммлер продолжал создавать разношерстную коллекцию новых «дивизий» СС, которые все в большей мере формировались из волонтеров более низкого качества: на службу в эти некогда элитные войска принимались и плохо обученные новобранцы, и отставшие от своих частей солдаты, и бывшие заключенные. Худшие из этих соединений — бригады «Каминский» и «Дирлевангер» — годились только для жестоких антипартизанских зачисток, во время которых они действовали с такой отвратительной жестокостью, что даже фанатичные бойцы основных сил Waffen-SS хотели дистанцироваться от них! Понятно, что разношерстные эсэсовские войска 1945 года мало напоминали арийские, чистые в расовом отношении, элитные войска 1939 года.

В то время как наиболее важные воинские единицы Waffen-SS составляли боевую военную элиту, в целом эта организация представляла собой бифункциональное политико-военное образование, активно ведущее кровопролитную нацистскую внутреннюю и внешнюю борьбу. Служба в вооруженных силах СС предоставляла определенные служебные перспективы, пусть и временные, в других эсэсовских частях. Например, выздоравливающие после ранений солдаты Waffen-SS направлялись в качестве охранников в отвратительные лагеря смерти, такие, как Аушвиц, участвуя таким образом в нацистском Холокосте.

ПОДГОТОВКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА

Многие солдаты войск СС, как, например, 20-летний SS-Schütze (рядовой СС) Эрих Хольцер из дивизии «Мертвая голова», неистово верили в расистские, экспансионистские, антисемитские и антикоммунистические идеи, которые господствовали в нацистском мировоззрении. До 1942 года вступление в войска СС в качестве новобранца или офицера-слушателя военного учебного заведения было совсем не легким делом: имелись определенные требования к росту волонтера, требовались благоприятные результаты собеседования и рекомендации наряду с документально подтвержденной арий-

Берлин, 1939 год. Солдаты полка

«Лейбштандарт» выстроились перед своими казармами в Лихтерфельде.

ской родословной. Изначально, например, в Leibstandarte принимали только солдат, которые имели рост не менее 1,87 м. С 1942 года эти требования становились все менее жесткими, поскольку Гиммлер подключал новые источники новобранцев из числа этнических немцев и добровольцев неарийского происхождения, чтобы избежать открытой конкуренции с Вермахтом за скудные ресурсы живой силы.

Зачастую из-за чувства абсолютного превосходства многие солдаты войск СС, такие, как стрелок-радист SS-Panzerschütze (рядовой танковых войск) Фридрих Вернер из дивизии «Лейбштандарт», считали себя воинами передового отряда великого и в расовом отношении более высокого арийского германского народа, вынужденного отчаянно бороться за свое выживание. Свою историческую миссию они видели в том, чтобы стать передовым отрядом нацистов в борьбе по созданию нового нацистского европейского порядка; если же враги Германии будут оказывать сопротивление, солдаты войск СС безжалостно сокрушат их. Для выполнения своей миссии войска СС должны были обладать высочайшей решимостью и полным отсутствием жалости к врагу. Заряжающий танка SS-Sturmtapp (штурманн СС, младший капрал) Эвальд Граф вспоминал, что жесточайший режим подготовки, которую проходили все солдаты Waffen-SS, несомненно, помогал привить эти качества. В специальных школах СС в Бад-Тельце и Брунсвике, где подготовкой слушателей еще до 1939 года начали заниматься такие офицеры, как Феликс Штейнер, в основу обучения были положены принципы железной дисциплины, внушение кастового духа и идеологическая обработка.

Боевая подготовка эсэсовцев проходила в условиях, настолько приближенных к боевым, что, принимая во внимание использование на учениях боевых патронов, 10-процентные потери личного состава воспринимались командирами-эсэсовцами как нечто само собой разумеющееся. Заряжающий танка SS-Rottenführer (ротенфюрер СС, старший капрал) Пауль Ролведер живо описывал, как он, подобно многим другим новобранцам Waffen-SS, познакомился с ужасами поля боя задолго до того, как оказался на фронте. Железная решимость сделать из своих солдат настоящих бойцов часто приводила к

Офицеры-слушатели СС посещают лекцию в военном училище (Junkerschule) в Бад-Тельце под Мюнхеном.

тому, что командиры поднимали солдат в атаку довольно рискованными способами. Один солдат из дивизии СС «Лейбштандарт» вспоминал, что во время немецкого вторжения в Грецию в апреле 1940 года SS-Sturmabannführer (штурмбаннфюрер СС, майор) Курт Мейер подгонял своих солдат в наступление, бросив взведенную гранату позади последнего солдата.

Продолжительная подготовка личного состава, как, например, та, которую проходили танкисты 2-й танковой дивизии СС «Дас Рейх» зимой 1943/44 года, была нацелена на привитие максимальной сплоченности небольших подразделений и общевойсковой эсэсовского духа кастовости. Для дивизии «Дас Рейх», вспоминал артиллерийский командир SS-Standartenführer (штандартенфюрер СС, полковник) Карл Кройц, это было особенно необходимо, поскольку из многих ее последних новобранцев — к примеру этнических немцев, насильно мобилизованных из стран Восточной Европы, едва ли, даже в перспективе, можно было получить отличных солдат.

Как будет видно, успех в достижении сплоченности этих подразделений, состоящих из мало мотивированных новобранцев дивизии «Дас Рейх», будет продемонстрирован той ролью, которую они сыграют во время репрессий, развязанных дивизией в отношении французских граждан во время своего выдвижения на Нормандский фронт в середине июня 1944 года.

Идеологическая обработка в эсэсовских войсках, которую хорошо помнил водитель танка из состава дивизии «Лейбштандарт» штурманн СС Франц Элмер, проходила чаще не в виде формального обучения, а с помощью специальных инструкторов и офицеров-командиров, которые использовали каждый удобный момент для начала идеологической дискуссии в неформальной обстановке. Официальные директивы требовали, чтобы командиры использовали личные беседы с подчиненными и неформальные обсуждения в часы досуга в качестве средства политического образования личного состава своих подразделений. В общем, отношения между офицерами и солдатами в войсках СС

Гауптштурмфюрер СС допрашивает военнопленного красноармейца на Восточном фронте летом 1944 года.

были более тесными, чем это было принято в остальных германских вооруженных силах. Капеллан капитан Карл Оссенкоп отмечал в 1944 году, что особенно неформальные и тесные отношения между офицерами и их этнически смешанными скандинавскими, голландскими и валлонскими солдатами существовали в 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Некое подобие исторического образования, как вспоминал один из солдат 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг», в период с 1943 по 1944 год сводилось к нескольким примитивным историческим примерам, которые служили тому, чтобы привить гордость за германский народ и веру в то, что фюрер приведет страну к победе. Помимо всего прочего, вспоминал этот солдат, такие политзанятия использовались для того, чтобы привить солдатам глубокую ненависть ко всем врагам Германии — не только к славянам, но также к британцам и американцам. Эта враж-

дебность постоянно проявлялась на поле боя, когда солдаты СС совершали злодеяния в отношении военнопленных или гражданских лиц.

Однако другие аспекты системы подготовки Waffen-SS скорее подрывали, чем укрепляли и без того слабые боевые характеристики «расово отсталых» формирований, таких, как албанская горно-стрелковая дивизия «Скандерберг». Ожесточенный расизм и грубое обращение арийских инструкторов войск СС с новобранцами неарийского происхождения мало способствовали сплоченности этих изначально не имевших боевого потенциала соединений. Вследствие этого некоторые формирования испытывали значительные трудности, связанные с низким боевым духом солдат и высокой степенью дезертирства. В отдельных частях Восточного турецкого добровольческого соединения СС даже был поднят мятеж. Более того, даже теоретически «равные в расовом отношении» добровольческие соединения СС, такие, как Финский добровольческий батальон и скандинавская дивизия «Викинг», испытывали определенные сложности со своими добровольцами после того, как те на себе ощутили всю злобу фанатичных эсэсовских инструкторов. SS-Sturmabführer (штурмбаннфюрер СС, майор) Георг Эберхардт был непосредственным свидетелем того, как многие из новобранцев «Викинга» отказывались продлевать свои служебные контракты после неоднократных словесных оскорблений, наносимых нетерпимыми инструкторами-эсэсовцами, и налагаемых ими неоправданных взысканий.

Злодеяния

Создание высоко политизированного и прошедшего жестокую подготовку военного отряда, который учреждался на основе безусловного повиновения приказам командиров, фанатической преданности фюреру и беспощадности к врагам Рейха, привело к тому, что действия войск СС во время войны оказались запятнаны многочисленными злодеяниями. На каждом отдельном театре военных действий, где служили подразделения Waffen-SS, их солдаты совершали военные преступления против партизан, военнопленных и гражданских лиц — в нарушение как международного закона, так и существующих военных норм. Еще во время Поль-

ской кампании в сентябре 1939 года дивизия СС специального назначения (Verfügungs), «Лейбштандарт» и части охраны концентрационных лагерей «Мертвая голова» следовали за фронтовыми частями, реализуя нацистскую политику уничтожения тысяч евреев, польской интеллигенции, бизнесменов и других «руководящих кадров». Во время одного инцидента солдаты «Лейбштандарта» согнали в синагогу 50 польских евреев и убили их. Во Франции в мае 1940 года солдаты дивизии СС «Мертвая голова», возглавляемые Фрицем Кнохляйном, на ферме Ле-Парадис убили не менее 100 британских военнопленных из 2-го Королевского Норфолкского полка. Подобный инцидент произошел и в Вормхудте, где солдаты дивизии «Лейбштандарт» загнали 80 пленных из 2-го Варвикского полка в амбар и убили их с помощью гранат и стрелкового оружия.

В ходе операции «Барбаросса» в июне 1941 года — во время нападения стран «оси» на Советский Союз — фронтовые части войск СС казнили политических работников и комиссаров большевистской партии, которые служили в подразделениях Красной Армии, часто казнили и простых советских военнопленных. Более того, именно из эсэсовцев были сформированы четыре айнзатцгруппы, которые осуществляли политику геноцида на оккупированных территориях, следуя за наступающими германскими войсками. Уничтожение 1,5 миллиона советских евреев и других «расово неподходящих» лиц в период с 1941 по 1943 год лежит на совести этих отрядов.

На Западе злодеяния эсэсовцев были не столь часты, как в Советском Союзе, но несколько отвратительных и неоправданно жестоких преступлений против невинных гражданских лиц все же имели место. Возможно, наихудшее такое преступление было совершено солдатами 2-й танковой дивизии СС «Дас Рейх». Соединение после продолжительного марша с юга Франции достигло нормандской линии фронта, где и сблизилось с противником в конце июня 1944 года. Во время этой передислокации, мстя за нападения бойцов Сопротивления, во время которых были убиты несколько эсэсовцев, солдаты дивизии совершили несколько отвратительных злодеяний против ни в чем не повинных французских гражданских лиц. Самый

страшный эксцесс произошел 10 июня 1944 года в населенном пункте Орадур-сюр-Глен, где эсэсовцы, возглавляемые штурмбаннфюрером СС Отто Дикманном, в течение четырех часов кровавой бойни расстреляли или сожгли 642 невооруженных человека из числа гражданского населения. Около 15 главных участников этого массового убийства, в том числе SS-Unterscharführer (унтершарфюрер СС, сержант) Боос, были из числа эльзасских немцев, которых в 1943 году мобилизовали против их воли. Но к 1944 году эти недавние эльзасские новобранцы полностью прижились в своих подразделениях, более того, стремясь доказать командованию свою преданность, они с особой жестокостью относились к врагам Рейха, превосходя в этом даже своих идеологически мотивированных сослуживцев.

ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Политическая обработка заставляла эсэсовцев драться с фанатичным упорством и решимостью; примером такого фанатизма может служить эпизод, произошедший с рядовым 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» Эмилем Дюррем. В конце июня 1944 года во время британской наступательной операции «Эпсом» к западу от Кана Дюрр находился в засаде, поджидая со стороны идущей по низине дороги приближающуюся колонну танков «Шерман». Дюрр своим фауст-патроном вывел из строя идущий вторым «Шерман», затем выскочил из своего укрытия, намереваясь уничтожить бронированную машину, прикрепив к ее борту магнитную мину — «клеякую бомбу». Однако взрывное устройство не удержалось на броне, и эсэсовец, схватив его, прижал к борту танка, мина взорвалась, уничтожив «Шерман», но и убив самого Дюрра. Подобное самопожертвование могло замедлить наступление союзных сил в Нормандии, но не могло изменить реальной военной ситуации, которая заключалась в том, что подавляющее численное превосходство союзников в конце концов принесет им решающий успех.

Возможно, наиболее известным примером выдающихся боевых действий эсэсовских войск был кровопролитный отпор, который обрушили в Вилье-Бокаж 13 июля 1944 года на 7-ю бронетанковую дивизию — знаменитых «Крыс пус-

тыни» — «Тигры» Михаэля Виттмана. В это время SS-Obersturmführer (оберштурмфюрер СС, обер-лейтенант) Михаэль Виттман командовал 14-ю «Тиграми» 2-й роты 101-го тяжелого танкового батальона. К моменту своей гибели 8 августа 1944 года Виттман стал ведущим танковым «асом» Германии и за 139 пораженных бронированных машин противника получил желанный Рыцарский крест с мечами и дубовыми ветвями. 13 июня 1944 года Виттман, ехавший на командном «Тигре», заметил в утренней дымке танковую роту 22-й британской бронетанковой бригады, которая двигалась на восток мимо Вилье-Бокаж в глубокий тыл немцев. Наводчик Виттмана SS-Oberscharführer (обершарфюрер СС, старший сержант) Бальтазар Волль, сам настоящий ветеран Восточного фронта, выругался, видя ту самоуверенность, с которой английские танки двигались по дороге. Виттман и сопровождающие его четыре «Тигра» двинулись вниз по холму в сторону Вилье-Бокаж, чтобы с тыла обойти британскую роту. В городке в результате отличной стрельбы Волль быстро уничтожил три из четырех танков «Черчилль», которые открыли огонь по немецким машинам. Затем командирский «Тигр» направился на восток вверх по холму, чтобы вступить в бой с остальными танками передовой роты, экипажи которых не подозревали о присутствии немцев в этом районе. Виттман подошел к британской роте с тыла и, двигаясь вдоль бронетанковой колонны, в течение двух минут уничтожил 13 британских танков. Вскоре еще четыре «Тигра» вступили в бой, и к моменту отхода немецких тяжелых танков 28 британских машин горели на поле боя.

Танк Виттмана, два других «Тигра» и подошедший танк Panzer IV затем направились обратно в Вилье-Бокаж. Тем временем американский 76,2-мм танк «Шерман Файерфлай» и еще три «Черчилля», усиленные 57-мм противотанковым орудием, устроили засаду в переулках того района, в который должен был вернуться Виттман. Когда командирский «Тигр» Виттмана громыхал по улице, британское противотанковое орудие открыло огонь по танку и вывело его из строя, заставив танкового «аса» Бальтазара Волля и остальных членов экипажа спастись бегством под прикрытие немецких позиций.

В целом, потеряв всего четыре из тринадцати задействованных «Тигров», танки Виттмана

В Советском Союзе за линией фронта немецкие солдаты из частей охраны часто без промедления казнили любых встреченных «подозреваемых».

буквально разметали большую часть британской бригады, уничтожив в ходе боевых действий 40 машин противника.

Трудные миссии

Учитывая элитный статус, идеологическую мотивацию и суровую подготовку войск СС, Верховное командование часто поручало солдатам Waffen-SS самые трудные военные задачи. Солдатам дивизии СС «Мертвая голова», в частности, пришлось на себе испытать весь кошмар мучительной зимы 1941/42 года. В декабре 1941 года советское контрнаступление под Москвой отбросило немецкие позиции по обеим сторонам города Демянска, в конце концов город оказался соединенным с основным немецким

фронтом лишь тонким, 19,3-км (12-мильным), но глубоким выступом. В течение большей части 1942 года Советы вновь и вновь бросали свои силы на шаткие оборонительные позиции, которые занимала дивизия «Мертвая голова». Этот кошмар, казалось, продолжался целую вечность, и, как вспоминал SS-Sturmabführer (штурмбаннфюрер СС) Карл Ульрих, дивизия несла ужасающие потери, а ее изнуренные, обмороженные, зараженные вшами, пораженные болезнями солдаты переживали невыносимые страдания, поскольку германское Верховное командование отказывалось разрешить соединению отойти в тыл на отдых и восстановление.

Условия существования других эсэсовских частей на Восточном фронте часто были в такой же степени отвратительными. Оберштурмфюрер СС Ганс Вернер Вольтерсдорф из дивизии СС «Дас Рейх» вспоминал, что в течение

1942 года буквально все сослуживцы в его взводе были заражены вшами. Каждые несколько месяцев во время коротких передышек в тылу измученные и грязные эсэсовцы получали новое обмундирование, но вскоре солдаты поняли, что вши предпочитают грязному и старому нижнему белью новое и чистое. Пытаясь хоть как-то бороться с насекомыми, вспоминал Вольтерсдорф, его сослуживцы, за несколько дней до получения чистого обмундирования, обматывали шеи свежими бинтами.

Несметные полчища вшей переползали на эти повязки, которые затем просто сжигались. Только таким образом можно было ненадолго уменьшить количество одолевающих солдат насекомых. Антисанитарные условия, в которых зачастую приходилось воевать эсэсовцам на Востоке, создавали весьма реальную опасность распространения опасных заболеваний. Во время пасхи 1944 года, отдыхая в Одессе, Вольтерсдорф заразился холерой и провел две недели в бреду с мучительно высокой температурой, прежде чем лекарства победили болезнь.

БРОНИРОВАННОЕ ОСТРИЕ

Начиная с 1943 года Гитлер все чаще и чаще стал возлагать надежду на ударную мощь сформированных по классическому образцу бронетанковых дивизий СС, которые могли стать передовой силой наступления германской армии; именно так было под Харьковом (весна 1943), под Курском (июль 1943) и в Венгрии (март 1945). В начале 1943 года 1, 2-я и 3-я SS-Panzergrnadier (мотопехотные) дивизии СС вернулись на Восточный фронт в составе недавно созданного танкового корпуса СС. Они возглавили весьма успешный контрудар фельдмаршала Эриха фон Манштейна под Харьковом, который остановил советское наступление на Украине. Этот впечатляющий успех еще больше укрепил военную репутацию войск СС, которая была, к сожалению, абсолютно испорчена целым рядом отвратительных преступлений, совершенных эсэсовцами против мирных советских граждан и военнопленных.

Варшавское восстание 1944 года было подавлено войсками СС и одним из самых одиозных эсэсовских подразделений — бригадой Каминского.

Несколько позже Гитлер направил тот же танковый корпус СС возглавить неудавшееся немецкое наступление под Курском в июле 1943 года. Однако даже умелые действия отдельных солдат СС, таких, как унтершарфюрер СС Франц Штаудеггер из дивизии «Лейбштандарт», не могли спасти плохо продуманное наступление от жалкого провала. Нечто подобное произошло в декабре 1944 года, когда шестая танковая армия, в которой преобладали части СС, возглавила злополучное немецкое контрнаступление в Арденнах, после чего Гитлер перевел соединение на восток, чтобы оно стало ударной силой операции «Весеннее пробуждение» — последнего крупного германского наступления в этой войне, которое было предпринято в Венгрии в марте 1945 года. А когда даже эсэсовские фанатики не смогли оказать сопротивление форсированному броску советских войск в Австрии, разгневанный Гитлер, в качестве наказания за этот провал, приказал некогда элитным эсэсовским дивизиям сдать отличительные нашивные повязки.

Попытка превратить мощные эсэсовские соединения в некие «пожарные бригады», которыми пытались заткнуть постоянно возникающие бреши, привело лишь к окончательному истощению материальных и моральных ресурсов и резкому увеличению числа потерь.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Двойственная военно-политическая природа Waffen-SS приводила к тому, что помимо фронтовых задач ударного характера Гитлер часто поручал этим войскам специальные, скорее, политические операции, направленные на укрепление внутренней безопасности Рейха. Несколько подразделений, такие, как SS Jagdverband Mitte (Центр диверсионных соединений), были задуманы как ополченческие отряды быстрого реагирования для операций внутреннего полицейского патрулирования. Один такой эпизод произошел 20 сентября 1944 года, когда фюрер приказал штандартенфюреру СС (полковнику) Отто Скорцени, своему специалисту по диверсионным операциям, на случай непредвиденных обстоятельств разработать план, который помог бы удержать колеблющуюся Венгрию — союзника Германии по «оси» в войне против Советов. Опасения Гитлера подтверди-

лись, когда в середине октября 1944 года венгерский режим объявил о предстоящем перемирии с Советами и приказал своим войскам защищать Будапешт от возможной немецкой интервенции.

Тогда эсэсовцы под командованием Скорцени провели молниеносную операцию под кодовым названием «Панцерфауст» и захватили в Будапеште Бургбергскую крепость — резиденцию венгерского правительства. Отряд Скорцени был сформирован из подразделений элитного 600-го парашютно-десантного батальона СС и Центра диверсионных соединений СС, кроме того, отряд поддерживали 35 «Королевских тигров» Вермахта. Один из солдат Скорцени хорошо запомнил сильное психологическое воздействие, которое оказало на венгров присутствие этих поддерживающих немцев «Королевских тигров», когда эсэсовские командос бесстрашно штурмовали Бургберг. В течение 30 минут, вспоминал солдат, его товарищи установили контроль над резиденцией венгерского правительства. Затем немцы сформировали новое марионеточное венгерское правительство, во главе которого был поставлен Ференц Салаши,

Франция, Лизьё, июнь 1944 года. Крупный план танка Panzer IV «Пантера» из состава 9-й танковой дивизии «Гогенштауфен».

председатель фашистской партии «Скрещенные стрелы», чтобы Венгрия продолжила борьбу против наступающей Красной Армии.

Воздаяние

Неудивительно, что жестокость, которую проявляли войска СС с 1939 по 1945 год, неизбежно привела к тому, что отношение к попадавшим в руки противника эсэсовцам было более суровое, чем к солдатам Вермахта. Это особенно касалось Красной Армии и различных партизанских отрядов, действующих на Балканах: и те и другие, как правило, казнили попавших в плен эсэсовцев. Учитывая эту опасность, эсэсовские подразделения забирали своих раненых с поля боя, как бы опасно это ни было. SS-Obersturmführer (оберштурмфюрер СС, оберлейтенант) Вольтерсдорф из дивизии «Дас Рейх» вспоминал об одном таком эпизоде, произошедшем на Восточном фронте, в лесу под Житомиром в рождественский день 1943 года.

В результате советской атаки Вольтерсдорф, Вахтер — командир роты и четыре солдата оказались отрезанными в тылу противника. Пытавшуюся спастись группу заметили находящиеся неподалеку советские солдаты, которые открыли огонь. Вахтер был ранен в лодыжку, он мог двигаться, только мучительно прихрамывая, и очень медленно. Но пятеро сослуживцев, рискуя собственными жизнями, не оставили раненого и, вступив в бой с численно превосходящей группой русских пехотинцев, помогли Вахтеру укрыться в лесу. Вновь и вновь раненый офицер убеждал своих товарищей оставить его,

но они не допустили, чтобы их командир попал в плен.

Солдат, посланный вперед, сумел перехватить немецкую штабную машину, которая подъехала по ближайшей дороге, чтобы спасти от преследующих советских солдат оставшихся пятерых, включая Вахтера. На следующий день в прифронтовом полевом госпитале немецкие врачи ампутировали Вахтеру ногу.

Страх перед советским пленом вынуждал многих эсэсовцев совершать самоубийство. 12 февраля 1945 года, когда сопротивление состоящего преимущественно из эсэсовских подразделений Будапештского гарнизона было сломлено, SS-Oberführer (оберфюрер СС, полковник) Йоахим Румор, командующий 8-й кавалерийской дивизией СС «Флориан Гейер»,

Франция. Солдаты 2-й танковой дивизии СС

«Дас рейх» во время затишья у типично нормандского каменного забора.

будучи раненным, чтобы не позволить красноармейцам захватить его живым, совершил самоубийство, застрелившись из своего пистолета, — пример, которому последовали десятки его солдат. SS-Rottenführer (ротенфюрер СС) Франц Йозеф Дрейке из дивизии «Дас Рейх» вспоминал, что для солдат СС стало обычным делом договариваться, что если кто-то из них будет тяжело ранен и спасение окажется невозможным, то товарищи, скорее, пристрелят раненого, чем позволят ему попасть в плен к Советам.

Такие опасения приняли угрожающие размеры в первые дни мая 1945 года, когда нацистский Рейх оказался на грани краха. В последние часы войны, перед капитуляцией Германии 8 мая 1945 года, большое количество офицеров и солдат СС переодевались в форму Вермахта, стараясь избежать вероятного возмездия. В этой ситуации серьезную проблему представляла татуировка, которую на внутренней стороне левого плеча имел каждый солдат войск СС. Некоторые эсэсовцы выжигали или вырезали метку, но тогда оставался шрам, свидетельствующий о попытке скрыть принадлежность к частям СС. В начале мая 1945 года, SS-Obersturmführer (оберштурмфюрер СС) Вольтерсдорф, выписавшийся после лечения из госпиталя, узнал о еще более изощренных способах маскировки этой татуировки. Вольтерсдорф закончил войну в госпитале для выздоравливающих в Бенешове в Чехословакии, там он встречал своих сослуживцев-эсэсовцев, вытравливавших татуировки с помощью паров азотной кислоты, которые обесцвечивали метку, некоторые из них неоднократно наклеивали на татуировку мозольный пластырь, снимая таким образом верхние слои кожи, шрам после такой «процедуры» оставался гораздо меньший.

Татуировка с указанием группы крови оказалась проклятием для каждого солдата эсэсовских войск, который пытался выдать себя за солдата Вермахта. В американском лагере для военнопленных Вольтерсдорф услышал об офицере «германской армии», у которого не было ног и

только одна рука и которого отправили в Маутхаузен, в лагерь для интернированных эсэсовцев. К несчастью, на его единственной уцелевшей руке остался шрам от выжженной метки с группой его крови.

В последние дни войны 3-я танковая дивизия «Мертвая голова», как и многие подобные ей формирования, бежала на запад, чтобы сдаться американцам, а не Советам. Но уловка проходила далеко не всегда, и многих офицеров и солдат вместо того чтобы оставить в американских лагерях для военнопленных, отправляли назад, Советам. За многочисленные военные преступления, которые подразделения «Мертвой головы» совершили на Востоке, Советы приговорили многих солдат этой дивизии к длительным срокам заключения в трудовых лагерях, а старшие офицеры, в том числе SS-Brigadeführer (бригадефюрер СС, генерал-майор) Хельмут Бекер, были казнены. Аналогичная жестокая кара ожидала солдат 7-й горно-стрелковой дивизии СС «Принц Евгений», которые в конце войны сдались в Словении войскам Югославской национально-освободительной армии. Эта дивизия во время кровавой войны против партизан, которую немцы вели на Балканах, заслужила репутацию отвратительно жестокого соединения: фирменным клеймом дивизии стали массовые казни через повешение и сжигание целых деревень. Однако, как только немцы капитулировали, партизаны потребовали немедленного возмездия, казнив после скорых судов десятки пленных.

Во время Второй мировой войны солдаты Waffen-SS принимали непосредственное участие почти во всех действиях германских вооруженных сил, будь то упорное сопротивление на холодных советских просторах, массовые убийства, совершаемые айнзатцгруппами в тылу Восточного фронта, поспешные казни партизан на Балканах или участие в контрнаступлении на силы союзников в Нормандии. Лейтмотивом этих разнообразных действий эсэсовских войск, этих фанатично преданных Третьему рейху ударных частей, являлись страдания — страдания, которые сами солдаты испытывали на поле боя, но самое главное — жесточайшие страдания, которые они так безжалостно причиняли противникам нацистской Германии.

Михаэль Виттман, танковый «ас» СС, сидит на стволе 88-мм орудия своего танка «Тигр». Фотография является постановочной и выполнена в пропагандистских целях.

Лето 1944 года. Немецкие пленные, которые изъявили желание работать в американском полевом госпитале, стоят в очереди в столовой.

ВОЕННЫЕ ПОТЕРИ

Среди наиболее ценных и уважаемых служащих германской армии были «Sanis» — медицинские работники, преданность которых солдаты прославили в шутильной песенке о Sanitätsgefreiter (ефрейторе медико-санитарной службы) Нойманне, якобы обладавшем волшебной целебной мазью, которая могла залечить любую рану.

Медперсонал отличали по их синим наплечным нашивкам, обозначавшим род войск, и нарукавным повязкам с красным крестом. В соответствии с международными правовыми нормами, медицинские работники квалифицировались как лица, не принимающие непосредственного участия в боевых действиях, и, следовательно, предполагалось, что служащие медицинских подразделений не вооружены. Однако, особенно в ужасной войне на Восточном фронте, где ни одна из воюющих сторон не соблюдала установленные военные законы, немецкие медики часто носили личное оружие.

Именно так обстояло дело с сержантом медицинской службы Вальтером Хоффманом (Hoffmann), который был прикреплен к американским парашютистам-десантникам, захваченным утром 6 июня 1944 года возле опорного пункта W5 на юго-восточной оконечности полуострова Котантен в Нормандии. Хоффман, ветеран Восточного фронта, постоянно имел при себе пистолет «вальтер Р008» — «люгер», который являлся самым популярным, если не лучшим, личным оружием немецкого арсенала. Старший капитан американских десантников пожаловался командиру опорного пункта лейтенанту Артуру Янке об этом нарушении международного закона, и лейтенант заставил недовольного врача снять свой пистолет. Хоффман пробурчал, что надеется, что противник признает в нем лицо, не участвующее в боевых действиях. Однако его надежды были напрасны, поскольку несколько часов спустя Хоффман был убит во время обстрела, предваряющего высадку десанта на Юта-бич.

Медицинские работники осуществляли исполинскую задачу военного времени, помогая лечить как военных, так и гражданских раненых. Масштаб этих усилий был огромен: медицинский персонал вооруженных сил обслужил во время войны почти 53 миллиона раненых. Несмотря на огромное напряжение, которое испытывали медики, качество немецкой медицинской помощи — даже в самых примитивных условиях — оставалось высоким. Раненый солдат, попадавший в полевой госпиталь, выживал в 98 случаях из 100, что свидетельствовало о высоком профессионализме немецких докторов и медсестер.

БОЕВЫЕ РАНЕНИЯ

Любой раненый солдат должен был сразу отправиться — или его должны были отправить, если он сам был не в состоянии сделать это, — в пункт

Нормандия, 1944 год. Санитары делают укол раненому пехотинцу СС, лежащему на носилках.

первой помощи своей части, где врачи оценивали тяжесть его ранения и назначали соответствующее лечение.

Те, кого признавали лишь легко раненными, получали немедленную помощь и затем возвращались в свою часть. По возможности в подразделениях стремились оставлять своих раненых, поскольку, как только солдат покидал часть для прохождения курса лечения, возникала вероятность, что после выписки его отправят служить в другое подразделение. Таким образом, в некоторых частях предпочитали лечить своих бойцов «на дому». Эту практику иллюстрирует пример эсэсовских пехотинцев, Курта Брейтмозера и Лео Фройнда, которые 8 августа 1944 года без подготовки превратились в артиллеристов, став к станку 75-мм тяжелого противотанкового орудия Рак 40 в бою у Шато-де-Фосс под Сен-Сильвеном в Нормандии. Когда расчет этого противотанкового орудия был убит шрапнелью, Брейтмозер и Фройнд, проявив инициативу, открыли огонь из неповрежденного орудия. Новичкам везет, и два новоиспеченных артиллериста подбили польский танк «Шерман» с первого же выстрела. Однако после второго выстрела огонь противника накрыл их позицию; Брейтмозер был контужен, а Фройнд ранен. Фройнд, не теряя времени, добрался до ближайшего пункта первой помощи, где его легкие шрапнельные раны обработали и забинтовали. Учитывая легкость ранений, не было необходимости отправлять раненого в тыловой госпиталь. И к тому времени, когда Фройнд, сопровождаемый двумя санитарями-носильщиками, вернулся, чтобы помочь своему лежащему без сознания товарищу, Брейтмозер пришел в себя, и солдаты вновь встали к орудью.

В случае более серьезных ранений солдат эвакуировали в полковые или дивизионные пункты медицинской помощи. Тяжелораненых обычно отправляли в тыловой армейский госпиталь. После оказания медицинской помощи тех, кому требовался более продолжительный период специализированной реабилитации, как правило, переводили в госпитали, расположенные в их военном округе. Около 86 процентов раненых возвращались на службу в течение трех месяцев, и 99 процентов — в течение шести месяцев. Менее одного процента имели такие тяжелые увечья, что их приходилось списывать

Санитары несут носилки с раненым к ожидающему санитарному самолету «Юнкерс» Ju 52, на котором ясно различима эмблема Красного Креста.

как негодных к воинской службе. Большое количество получивших ранения признавались ограниченно годными и направлялись на службу в тыловые части или на административно-хозяйственные должности. В среднем раненый солдат проводил в госпитале девять дней.

Как только солдат заканчивал курс лечения в госпитале, его обычно направляли в подразделение для выздоравливающих, где он выполнял легкие военные служебные обязанности до окончательной поправки. Если солдаты возвращались в Германию для госпитализации, после выписки из госпиталя их переводили в приписанный к их соединению учебный батальон, где они определялись в роту выздоравливающих. Дождаясь окончательного выздоровления, эти солдаты помогали инструкторам учебных рот обучать новобранцев. После полного выздоровления солдаты возвращались на фронт вместе с новобранцами в составе так называемых «маршевых» батальонов.

С другой стороны, солдаты, получившие менее серьезные ранения и оставшиеся на теат-

ре военных действий, на некоторое время направлялись в ближний тыл, в роты для выздоравливающих, где они несли необременительную охранную службу до тех пор, пока вновь не были готовы встать в строй. Поскольку после окончания службы в роте для выздоравливающих всегда существовал некоторый риск оказаться приписанным к другому подразделению, солдаты зачастую стремились вернуться в свою часть, как только появлялась такая возможность, даже в том случае, если раны еще не были окончательно залечены, и командование старалось не препятствовать этой практике.

Действенность мероприятий по медицинской эвакуации хорошо иллюстрируется на примере обер-лейтенанта Зигфрида Кнаппе из 24-го артиллерийского полка. 14 июня 1940 года в ходе германского вторжения на Запад, Кнаппе возле Трембле на канале Орк был ранен пулеметной пулей в запястье. Санитары перевязали рану и ввели раненому прямо на поле боя морфий. Признав ранение достаточно серьезным, они отдали приказ о немедленной эвакуации Кнаппе. Санитарная машина перевезла Кнаппе в полковой пункт медицинской помощи, который находился в нескольких милях от линии

фронта. Там доктор, определив тяжесть ранения Кнаппе, назначил противостолбнячные уколы и инъекции антибиотиков, чтобы предотвратить инфекционное заражение. Затем Кнаппе перевели в армейский полевой госпиталь в Нойене, где он в полном покое провел ночь. На следующее утро его отправили в боннский госпиталь, где доктора вновь оценили его состояние. После того как три недели спустя опухоль уменьшилась, Кнаппе наложили гипс и перевели в госпиталь его родного города Лейпцига, который находился рядом с его полковой учебной частью. После того как гипс сняли, Кнаппе прошел курс физиотерапии, чтобы восстановилась подвижность, утраченная вследствие раздробления костей и повреждения нервов. И только в сентябре 1940 года армейские доктора признали его достаточно выздоровевшим, чтобы вернуться в свою часть, находящуюся в захваченной Франции.

Одним солдатом, который отказался покинуть свою «родную» часть даже для того, чтобы получить соответствующее лечение, был молодой фламандский доброволец, рядовой Реми Шрийнен. 3 марта 1944 года Шрийнен был ранен в седьмой раз и, как и раньше, ответил отказом на все уговоры медперсонала отправиться в полевой госпиталь для необходимого лечения. Вместо этого Шрийнен настоял на том, чтобы

его «заштопали» на передовом медицинском посту, и остался в своей части. Ему назначили некие легкие служебные обязанности и до полного выздоровления запретили приближаться к линии фронта. Но когда три дня спустя весь расчет его орудия погиб, Реми отправился на передовую и открыл огонь из своего неповрежденного орудия. Он вел явно безнадежный бой против целого батальона советской бронетехники. Шрийнен лично уничтожил 11 танков противника, прежде чем его серьезно ранили. На следующий день, когда подошло подкрепление и в результате контратаки батарейная позиция была вновь занята, его обнаружили без сознания, на грани смерти. На этот раз у Шрийнена не было выбора, и ему пришлось согласиться на эвакуацию в тыловой госпиталь, где его «залатали» в восьмой раз и где он прошел длительный курс реабилитации. Во время пребывания в госпитале Гитлер лично наградил Шрийнена Рыцарским крестом — он стал одним из немногих рядовых, удостоившимся за свою храбрость этой высочайшей награды.

Плавучие госпитали

Как и все воюющие стороны, немцы в качестве плавучих госпиталей использовали самые разнообразные плавсредства. Заметные издали символы Красного Креста не всегда были доста-

Товарищи на носилках несут раненого солдата к ближайшему полевому перевязочному пункту. Другие раненые немецкие солдаты, способные самостоятельно передвигаться, следуют за ними. Качество медицинской помощи, оказываемой раненым немецким солдатам на поле боя, в целом было очень высоким. Это было важно для поддержания хорошего боевого духа в войсках Вермахта.

Немецкие солдаты дружески общаются с группой поразительно веселых голландских пленных во время майской кампании 1940 года.

точной защитой корабля от нападения. Советское правительство отказывалось признавать какие-либо немецкие корабли плавучими госпиталями, ссылаясь, — и не безосновательно — на явное нарушение Германией существующих военных законов. Британское правительство также отказывалось признавать в качестве госпитальных небольшие малотоннажные немецкие суда, поэтому англичане тоже нападали на них. Подобные действия являлись нарушением Гаагской конвенции, но позиция британского правительства заключалась в том, что основной задачей таких малых плавучих госпиталей в действительности являлось спасение пилотов сбитых немецких самолетов — функция, выполняемая прославленными морскими спасательными катерами, которые не были защищены существующими военными законами.

Небольшой пароход «Росток», который курсировал между западными Атлантическими портами Франции и Германией, оказался тем самым плавучим госпиталем, который попал в эту категорию. Полковник Кауманн, комендант

окруженной крепости Лорьян, раненный в конце августа 1944 года, в начале сентября был эвакуирован на «Ростоке». Несмотря на отчетливо различимый знак Красного Креста, британские миноносцы перехватили судно недалеко от Лорьяна и угрожали потопить его, если корабль откажется идти в британский порт. Оказавшись в безвыходном положении, капитан судна подчинился, и миноносцы сопроводили корабль в британский порт, где полковник Кауманн и свыше 300 находившихся на борту человек были интернированы. После этого судно получило разрешение проследовать в Германию. Это «незаконное» задержание вызвало яростный протест германского правительства, который оно направило в Женеву, в нейтральную Швейцарию.

ПСИХИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

В одной области медицины немцы явно отставали от остального мира — это сфера диагностики и лечения психических и небоевых заболеваний. «Боевая усталость» официально не диагностировалась в германской армии. Солдаты с симптомами нервного расстройства квалифицировались как психически нездоровые или имеющие нервные заболевания. Первая катего-

рия встречалась гораздо реже; только примерно один из 500 солдат, служивших в военное время, признавался психически больным. Жалобы на нервные заболевания были гораздо более распространены — во время войны такой диагноз ставили каждому двадцатому. Больные с нервными заболеваниями далее подразделялись на больных с истерией и больных, страдающих от шока.

Неофициально многие командиры делали все возможное, чтобы помочь солдатам и защитить их от боевой усталости, предоставляя им специальный отпуск, назначая их на службу в тыл, где они могли немного отдохнуть и восстановиться. В пределах собственного отделения, в котором служил солдат, — в его боевой семье — командиры отделения старались помочь тем, кто испытывал подобное напряжение, по возможности поручая им наименее опасные задания, например доставку боеприпасов. Помимо этих мер командир мало что мог сделать для солдат, находящихся на грани нервного срыва. Однако немцы сохраняли чисто мужской — и весьма ненаучный — подход к проявлениям боевой усталости, поэтому многие солдаты,

которые просто дошли до предела, были обвинены в трусости и казнены.

Урок, усвоенный из опыта Первой мировой войны, заключался в том, чтобы не посылать тех, кто страдал от боевой усталости, на лечение домой, поскольку присутствие таких солдат оказывало деморализующее воздействие на гражданских лиц. В действительности травмы психического и психологического порядка начали впервые проявляться в массовом масштабе во время кампании на Восточном фронте. Некоторые пациенты с нервными расстройствами нуждались в психиатрической помощи, которая в основном заключалась в применении электрошока и гипноза. Такое лечение было на удивление успешным: из одного госпиталя, документация которого сохранилась, на боевую службу вернулось приблизительно 85 процентов заболевших.

ДЕЗЕРТИРСТВО

Иногда психологическое напряжение боя оказывалось для отдельных солдат настолько сильным, что приводило к дезертирству. При этом в целом для немецких вооруженных сил уровень дезертирства был очень низким. Военная культура и престиж военной профессии в огромной степени препятствовали дезертирству, которое рассматривалось как самое отвратительное пре-

Молодой советский солдат с автоматом ППШ-41 конвоирует большую группу немецких военнопленных.

ступление. И военные, и государственные службы прилагали самые серьезные усилия для задержания и наказания дезертиров. Вследствие этого солдат, задумавший дезертировать, должен был быть готовым к самой отрицательной реакции со стороны семьи, друзей и знакомых, каждый из которых мог донести на него. В самом деле, одним из главных препятствий дезертирству был тот факт, что дезертир имел мало шансов избежать столкновения с властями в течение долгого времени. В конце 1944 года, например, остались необнаруженными только пять офицеров германской армии.

Увидеть возможные подводные камни и риск дезертирства можно на примере группенфюрера СС Германа Фегеляйна, высокопоставленного нацистского офицера, женитьба которого на сестре Евы Браун ввела его в ближайшее окружение Гитлера. Когда 20 апреля 1945 года Гитлер решил остаться в Берлине и умереть, у Фегеляйна были другие планы. Понимая, что война проиграна, он тайно выносил довольно плохо продуманный план — затаиться, пока Берлин не падет и не окажется в руках Советов. Гитлер с его подозрительностью и умением замечать мелочи тотчас приметил отсутствие Фегеляйна и послал эсэсовцев на поиски генерала. Группенфюрера нашли, но в гражданской одежде, а паспорт и иностранная валюта, которые были при нем, стали обличительными свидетельствами готовящегося бегства. Фегеляйн был без промедления приговорен к смерти и казнен расстрельной командой.

Самым легким способом «дезертировать» всегда была сдача в плен непосредственно на поле боя. Конечно, в таком случае дезертир подвергался смертельному риску, поскольку на какое-то время он оказывался в буквальном смысле слова между двух огней. Действительно, немецкие солдаты часто стреляли по своим товарищам, которые пытались сдаться в плен, и подобные действия всячески поощрялись командованием немецких частей. Судьба пожилых резервистов крепостного батальона форта Вестек во время обороны нормандского порта Шербур в конце июня 1944 года дает представление о подобной опасности. Когда американские войска 24 июня попытались штурмовать форт, расчет бункерного 75-мм орудия в западной части форта подвергся давлению более

Чернокожего британского солдата обыскивают после пленения. Нацисты считали негров, славян, евреев, цыган и другие этнические группы недочеловеками.

сильному, чем могли вынести резервисты. Их бомбили с воздуха, обстреливала тяжелая артиллерия, бетон бункеров крошился под ударами снарядов, осколками ранив оглохших от взрывов пожилых солдат, которые не брали в руки оружия со времен Первой мировой войны. Но артиллеристы держались, и, только когда подошли американские саперы со своими огнеметами, в рядах артиллеристов возникла паника. Боясь сгореть заживо, расчет привязал к винтовке белую простыню, вывесив ее через оружейную амбразуру. В подземном командном бункере форта лейтенант, дежуривший на перископе, кратко доложил коменданту форта: «Белый флаг над оружейной амбразурой «Запад». Комендант тотчас приказал орудью восточного бункера открыть огонь и уничтожить белый флаг. Несколько выстрелов смели знак капитуляции. Впрочем, вывешенная простыня не возымела действия: через несколько минут американские солдаты бросили подрывные заряды в амбразуру бункера. После этого задние двери укрепления распахнулись, и из бункера шата-

ясы вышли полдюжины оглушенных и раненых резервистов. Внутри осталась лежать дюжина их погибших товарищей. Дезертирство никогда не было легким, свободным от риска выбором.

Мятежи

Мятежи, то есть коллективное неповиновение приказам или командирам, были еще более редким явлением, чем дезертирство. Во время Второй мировой войны только горстка немецких солдат была казнена по обвинению в мятеже. Большинство немногих случавшихся бунтов происходили в рядах иностранных добровольческих войск. Такие мятежи обычно возникали вследствие нацистского расизма и неуважения культурных и религиозных потребностей немецких солдат. Типичным примером такого мятежа стал бунт в Словакии, вспыхнувший среди солдат Восточно-тюркского добровольческого соединения в рождественские дни 1944 года. Осенью 1944 года в рядах соединения, состоявшего преимущественно из тюркомусульман, пронесли слухи о том, что немцы намереваются включить их в состав Русской освободительной армии генерала Власова, чему турки яростно противились. 24 декабря 1944 года личный состав эсэсовского подразделения заставил мусульманских добровольцев присутствовать на вечере в канун Рождества. Это вынужденное участие в христианском празднике некоторые мусульмане переносили с большим трудом. Когда офицеры-немцы и остальные участники вечеринки опьянели, оберштурмфюрер войск СС Гулям Алимов (Алим) и четыре тюркских унтер-офицера возглавили мятеж. Когда командир немецкой роты принес им в подарок коньяк и сигареты и заставил мусульман пить алкоголь, удержать солдат стало невозможно. Немецкий офицер и его ординарец были убиты, после чего последовало общее сведение счетов, во время которого было убито несколько десятков пьяных немцев. В конце концов, около 500 мусульманских солдат дезертировали. Впоследствии около 300 из них вернулись сами или были возвращены командованием, но 200 человек все же смогли скрыться и позднее присоединились к словацкому движению Сопротивления. Этот мятеж привел к «реорганизации» — так нацисты эвфемистически обозначили чистку соединения, но оно

продолжало считаться настолько ненадежным, что никогда не привлекалось к участию в боевых действиях.

Военнопленные и военные преступления

Самым позорным пятном на репутацию германской армии Второй мировой войны легло отношение к военнопленным, которое напрямую зависело от их национальной и расовой принадлежности. С британцами и американцами обращались по большей части достаточно корректно, в соответствии с положениями Женевской конвенции, но чем ниже располагался военнопленный в соответствии с иерархией нацистской расовой лестницы, тем хуже с ним обращались. В частности, отношение к пленным славянам было отвратительным. А в той бесчеловечной войне, которую нацисты, опираясь на свою идеологию, вели в России, — в войне на полное истребление, подобной которой не было в истории войн, в ней зверства стали обычными, поскольку целью Гитлера был не только военный разгром СССР, но и полное искоренение коммунизма, а также порабощение и эксплуатация славянских народов.

С первых дней Восточной кампании большинство немецких частей скрупулезно выполняли печально известный гитлеровский «Приказ о комиссарах», по которому следовало без промедления казнить захваченных советских политработников. За линией фронта карательные отряды — айнзатцгруппы, — часто действуя совместно с частями регулярной армии, только за первый год войны уничтожили полмиллиона «нежелательных в расовом отношении» советских людей — евреев, цыган, представителей интеллигенции и председателей колхозов. В течение этого же времени германская армия захватила почти четыре миллиона пленных, и уже в течение года три четверти из них погибли в результате болезней, жестокого обращения и плохих условий. Поскольку СССР отказался подписать Женевскую конвенцию, немцы заявили, что у них нет правовых обязательств придерживаться норм и правил войны. Освобожденные от этих ограничений, одурманенные нацистским расизмом, немецкие солдаты совершали страшные злодеяния в отношении советских людей.

Большая группа немецких солдат конвоирует моряков Королевских ВМС, захваченных после британского рейда на Сен-Назер.

Учитывая все это, можно понять, почему солдаты Вермахта боялись плохого обращения в случае пленения. Этот страх превратился в мощную движущую силу, которую немецкое командование использовало, чтобы заставить солдат сражаться, даже в безнадежных ситуациях. Нацистская пропаганда постоянно делала упор на тот «факт», что противники будут калечить, пытать, даже «расово заражать» их. Подобный страх «расового заражения» иногда становился оружием в руках союзников. Так, 17 августа 1944 года канадские войска захватили в плен раненого бойца 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд». Дивизия оставила 50 солдат удерживать Фалезскую школу, чтобы прикрыть отступление основных сил. Арьергард действовал в соответствии с поставленной задачей: держался в течение целых двух дней, пока не был практически полностью уничтожен, лишь горстку уцелевших, но раненых сол-

дат удалось взять в плен. Во время допроса один из бойцов «Гитлерюгенда» дерзко отказывался отвечать на какие-либо вопросы до тех пор, пока канадцы не пригрозили пленному сделать переливание еврейской крови, чтобы «помочь» ему оправиться от ран. Молодой нацист тотчас заговорил, ответив на все заданные ему вопросы. Даже у грозного «Гитлерюгенда» имелась своя ахиллесова пята.

На Востоке опасения немцев относительно жестокого обращения в случае пленения стали реальностью, когда зверства нацистов создали порочный круг возмездия и жестокости, в котором врагу не обещали и не давали пощады. Когда в начале февраля 1943 года 91 000 немецких солдат капитулировали под Сталинградом, они были готовы к той печальной участи, которая их ожидала. В течение нескольких дней тысячи погибли в результате казней и жестоких побоев, многие умерли из-за быстрого распространения болезней вследствие антисанитарных условий содержания в лагерях для военнопленных. Тем, кому удалось выжить, предстояли годы мучений и тяжелого труда в лагерях совет-

ского Гулага. Когда в 1955 году Советы, наконец, освободили уцелевших, их осталось менее 5000.

Многие из тех, кто избежал скорой казни и не умер от ран, оказавшись без медицинской помощи в течение нескольких недель, погибли от жестокого холода, поскольку температура зимой часто достигала 25 градусов ниже нуля, а на первых этапах пленным приходилось ночевать в степи под открытым небом. Сотни человек замерзли насмерть в результате этих ночевок. В течение последующих месяцев тиф и дизентерия косили ряды плененных солдат. Выжившие работали на шахтах в Сибири, где умирали уже от болезней, связанных с добычей опасных минералов. Йоханн Радль, артиллерист пехотной дивизии, выжил в Сталинграде. Радлю повезло: он остался жив и после форсированного пешего перехода до колхоза на Волге в середине зимы. На его счастье, отец Радля был членом нелегальной Коммунистической партии Австрии, которого нацисты посадили в тюрьму за прослушивание иностранных радиопередач. Рассказ Радля проверили и убедились в его достоверности. Учитывая добросовестные намерения Радля, его «перевоспитали», обратив в коммунистическую веру, и поручили ему «перевоспитание» своих товарищей — немецких солдат. Радль настолько усердно выполнял порученное задание, что в январе 1945 года еще до окончания войны был освобожден, что стало свидетельством его преданности новой идеологии.

Более скверная участь ожидала тех, кто не хотел или не способен был «исправиться». Немецкий пехотинец вспоминал о своем пленении под Сталинградом. Прежде всего у него отобрали все личные вещи, в том числе ботинки и награды, потом он в колонне пленных шел по глубокому снегу. Он хорошо запомнил, как пытался уснуть на пронизывающем холоде в покрытой снегом степи, видя, как повсюду вокруг него умирают товарищи. Пленных кормили сырой соленой рыбой и «поили» кусочками раскрошенного льда. Очень скоро тиф, холера, дизентерия и голод буквально выкосили ряды пленных. Через 12 дней от 19 000 немецких солдат в живых осталось не более 2000. Впоследствии, когда их колонна проходила по разрушенному Сталинграду, упавших и отставших от колонны конвоиры красноармейцы закалывали штыками. Несколько дней спустя выжившие добрались до лагеря

для военнопленных, где условия, хотя и были ужасными, но все же гораздо лучше тех, в которых они до этого находились.

Немецкие военные выражали Международному Красному Кресту резкие протесты в связи с нарушением Женевской конвенции, совершенно не принимая во внимание очевидную связь, которая существовала между советскими нарушениями закона и подпитывавшими их зверствами нацистов. Хотя советское обращение действительно было суровым и жестоким, немцы отделялись легко, учитывая их ужасное обращение с советскими военнопленными. Возник горький и мучительный круг злодеяний и возмездия, который характеризовал большую часть войны на Восточном фронте. Только в 1942—1943 гг. начало улучшаться обращение немцев с советскими военнопленными, когда немцы отчаянно пытались использовать антикоммунистические и антирусские настроения, чтобы хоть как-то содействовать своим военным усилиям. Тот факт, что более одного миллиона советских граждан записались на службу в германские вооруженные силы, свидетельствует не только о глу-

Группа подавленных немецких солдат, захваченных американцами во время взятия Бреста, — порта на полуострове Бретань, после прорыва союзников в конце лета 1944 года с Нормандского плацдарма. Этих военнопленных перед отправкой в Англию перевозят в зону временного заключения. Обращение с пленными обеих сторон на Западе было в целом хорошим, что резко контрастировало с тем, что происходило на Восточном фронте. В ходе войны условия содержания солдат, попавших в плен к союзникам, ухудшились, поскольку стало не хватать продовольствия и других запасов. Посылки с продовольствием и сигаретами, которые присылал пленным Красный Крест, встречались с большой радостью.

бине антикоммунистических и антирусских настроений, но и очень многое говорит об ужасах немецкого плена, страх перед ним заставлял людей соглашаться на любую альтернативу.

В последний год войны, когда Красная Армия вошла в Восточную Германию и покарала немцев той же жестокостью, которой немцы подвергали советских людей, немцы пожалели то, что посеяли. Насилие распространилось в беспрецедентных масштабах, солдаты Красной Армии тысячами убивали гражданских лиц и насиловали немецких женщин. И хотя полностью остановить его было невозможно, в конце концов советское командование начало пресекать этот произвол, поскольку распространившиеся жестокость и насилие подрывали армейскую дисциплину и ожесточали немецкое сопротивление.

Весной 1945 года большинству даже самых близоруких нацистских фанатиков стало очевидно, что война проиграна. Осознание неминуемого краха вызвало еще один разгул нигилистического насилия, когда нацистский режим и его вооруженные силы предприняли последнее большое сведение счетов. Тысячи тех, кого признали вра-

гом государства, были уничтожены, включая и оставшихся в живых участников заговора 20 июля 1944 года. Также были предприняты попытки уничтожить оставшихся в живых заключенных концентрационных лагерей и тюрем.

При этом разгуле насилия Берлинский гарнизон капитулировал 2 мая 1945 года с огромной тревогой. Однако радость, охватившая солдат Красной Армии в связи с окончанием войны, сделала их довольно снисходительными. Майор Зигфрид Кнаппе был среди тех, кто сдался в этот день. Когда он шел в колонне военнопленных, советский солдат вытащил его из строя и потребовал отдать теплые ботинки. Понимая, что в форсированном марше ему без ботинок не выжить, Кнаппе пошел на риск. Он начал кричать на красноармейца, словно задавая головоломку непослушному рядовому, и это сработало. Оказавшийся в центре внимания русский замер в недоумении, и это позволило Кнаппе раствориться в колонне, прежде чем солдат пришел в себя. В отличие от многих своих товарищей, Кнаппе выжил и впоследствии написал воспоминания.

Генерал-майор Эрвин Роммель наблюдает за солдатами 7-й танковой дивизии, которые осваивают навыки переправы на реке Мозель незадолго до вторжения.

ФРАНЦИЯ, 1940

Первый опыт многие немецкие солдаты приобрели 1 сентября 1939 года, когда Гитлер послал свои армии в Польшу. Во время молниеносной четырехнедельной кампании польская армия храбро сражалась с численно превосходившим ее противником, но не могла противостоять силе немецкого блицкрига. Еще до того как последнее польское сопротивление было подавлено, Гитлер обратился к рассмотрению планов нападения на Францию. К изумлению генералов, уже 27 сентября он приказал им использовать ближайшую возможность для нападения на Францию. Конечно, для простых немецких солдат, все еще воодушевленных своей первой победой, возможность еще одной кампании на Западе казалась достаточно отдаленной. Но в течение зимы 1939 и весны 1940 года германская армия усиленно готовилась к следующей кампании, которая становилась все более и более вероятной. К апрелю 1940 года тренировки усилились, немецкая пехота устраивала длинные марш-броски, форсировала реки и обучалась проведению ночных атак, танкисты практиковались в построении боевых порядков и развивали умение двигаться при передислокации.

Первоначальный немецкий план нападения на Францию — «Гельб» («Желтый») — был лишен воображения и предусматривал удар через Голландию и центральную Бельгию, чтобы обойти мощные французские оборонительные сооружения линии Мажино. Однако генерал-лейтенант Эрих фон Манштейн сумел убедить Гитлера осуществить гораздо более смелый план. По этому плану, отвлекая внимание союзных сил, группа армий «Б» должна была вторгнуться в Голландию и в центральную Бельгию; тем временем группа армий «А» с семью из десяти имевшихся танковых дивизий прошла бы через густо поросший лесом участок Арденн и нанесла удар, который был призван разрезать армии союзников надвое и привести к решительной победе.

Тем не менее большинство немецких солдат не знали точного времени или направления следующего наступления до кануна нападения 9 мая 1940-го. Приказ выступать стал полной неожиданностью для радиста унтер-офицера Вернера Флака, участника войны в Польше. В тот день он надеялся получить увольнительную, чтобы отправиться в Бинген на Рейне и насладиться прекрасной весенней погодой. Неожиданно его фельдфебель приказал ему быть готовым к выступлению: рота должна была быть на марше через четыре часа. Сначала Флак подумал, что приказ означает начало еще одних учений, но как только он прибыл к месту своей службы на пункт радиосвязи и услышал на частоте своей части специальное уведомление, он понял, что это приказ к настоящему выступлению. Флак забыл о прекрасной погоде и приготовился к войне. Капитан граф фон Килманзегге, штабной офицер 1-й танковой дивизии, заметил удивленные взгляды офицеров соединения, получивших известие о наступлении в полдень 9 мая. Многие офицеры еще находились в отпуске, и дивизия выступила в поход, не дожидаясь отсутствующих. Передвигались ночью, без огней, по темным извилистым дорогам, которые были запружены двигающимися солдатами, повозками и грузовиками; в полной темноте водителям приходилось изо всех сил напрягать глаза, чтобы не врезаться в колонну солдат или не заехать в придорожную канаву.

На следующий день, 10 мая, рано утром 1-я танковая дивизия из XIX танкового корпуса Гудериана подошла к Люксембургу. Фельдфебель Шваппахер из полка «Гроссдойчланд», также входившего в состав корпуса Гудериана, видел, как последние дома на немецкой границе исчезают в раннем утреннем тумане. Полиция Люксембурга попыталась взорвать мост через Зауэр, но немецкие саперы смогли быстро восстановить мост, и наступление продолжилось. Проезжая по Люксембургу, Шваппахер с изумлением смотрел на вспахивающих свои поля фермеров, которые едва удосуживались взглянуть на огромную колонну немецких танков и машин, с ревом пронесшихся мимо. Появление немецких войск стало полной неожиданностью. В то время как союзники направили лучшие силы своих армий в центральную Бельгию, чтобы противостоять тому, что они воспри-

няли как основное наступление, смертельный рывок немецких танков через Арденны прошел незамеченным.

Продвигаясь через покрытые лесом Арденнские горы, немецкие войска встречали лишь слабое сопротивление, хотя и французам, и бельгийцам удалось весьма квалифицированно разрушить на пути немецкого наступления большую часть мостов. Лейтенант инженерных войск Карл Хайнц Менде поражался той скорости и легкости, с которой проходило наступление. У него создалось впечатление, что немецкое наступление просто затапливает бельгийское сопротивление и что вся кампания больше похожа на учения на плацу, чем на войну. К вечеру 12 мая, ровно два дня спустя после начала кампании, передовые части 1-й танковой дивизии достигли реки Маас у Седана. Севернее XLI корпус Рейнхардта также приближался к Маасу. Унтер-офицер Зиверт, член штурмового отряда из состава 6-й танковой дивизии, был встревожен молчанием и бездеятельностью на французском берегу. Казалось, что французы, потерпев поражение, не имеют ни малейшего представления о том, что немецкие войска вышли к Маасу, или же наоборот — они затаились, готовя захватчикам адский прием.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ МААС

В Динане, к северу от Монтерме, 7-я танковая дивизия Роммеля обнаружила, насколько же в действительности оказались не подготовлены французы. Пеший разведывательный отряд дивизионного мотоциклетного батальона обнаружил неповрежденной старую плотину, которая перегораживала реку. Как только стемнело, полковник Фурст приказал своим солдатам, воспользовавшись плотиной, быстро перебраться на другую сторону и закрепиться на французском берегу. Он наблюдал, как его солдаты бросились из-за деревьев по направлению к дамбе. Когда французские осветительные ракеты освещали место действия, солдаты замирали, но как только вновь наступала темнота, они снова двигались к реке. Под прикрытием огня пулеметных отделений первая группа солдат, балансируя, словно канатоходцы, пересекла полуразвалившуюся дамбу.

Хотя перебравшиеся на противоположный берег солдаты были скованы пулеметным огнем

Франция, 1940 год. Солдаты немецкого пехотного отделения ведут огонь из пулемета MG 34 с верхней площадки лестничного марша.

французов, группа постепенно была усилена, — несколькими ротам также удалось переправиться на другой берег; и не было предпринято ни одной попытки выбить их с занятой позиции. Дерзкое решение Фурста и храбрость его солдат были вознаграждены.

Следующий день, 13 мая 1940 года, стал решающим моментом всей кампании. В то время как немецкие передовые части готовились к переправе через реку Маас, французское командование на противоположном берегу все еще не было уверено, является ли этот удар наступлением основных сил. Ровно в 3 часа утра Роммель направился к Динану, чтобы выяснить сложившуюся обстановку. На месте он обнаружил, что солдаты 6-го стрелкового полка готовятся переправляться через реку на резиновых лодках, чтобы помочь осажденному мотоциклетному батальону. Но французы, осознав надвигающуюся опасность, начали поливать этот участок артиллерийским и пулеметным огнем.

Первая попытка переправы провалилась с тяжелыми потерями. Капитан Кёниг из 25-го танкового полка получил приказ выдвинуть свои танки на берег реки и огнем поддержать переправляющуюся пехоту. Когда сам Кёниг подошел к Маасу, то обнаружил, что его подразделение попало в тяжелейшее положение. Половина танков не смогла добраться до Мааса, поскольку у них были порваны гусеницы или они сломались, а те, которым удалось достичь реки, оказались прямо перед многочисленными французскими бункерами. Многие дома на другом берегу были подготовлены к решительной обороне. Французы обрушили шквал огня на немецкие позиции, и на реке постоянно поднимались артиллерийские и минометные разрывы. Медленно двигаясь вдоль берега реки, экипажи развернули башни своих танков и открыли огонь по позициям французов из 75-мм и 20-мм орудий. Эта поддержка начала подавлять огонь французских защитников, но, несмотря на это, многие немецкие суда были в клочья разбиты огнем французов. Один из участников этого наступления вспоминал, что во время атаки Роммель все время находился на переднем крае, подбадривая своих нервничающих пехотинцев и сам не раз переправляясь через Маас, чтобы руководить войсками на французском берегу. Под вдохновляющим руководством Роммеля его солдаты переправились через Маас и, приложив немало усилий, создали, несмотря на ожесточенное сопротивление французов, хорошо укрепленный плацдарм.

12 мая недалеко от Седана унтер-офицер Прюмерс из батальона связи 1-й танковой дивизии во время ночного марша немецких войск к Маасу попал в сложное положение. В условиях строгого радиомолчания его грузовик, двигавшийся по дороге, заполненной машинами, потерял связь с остальной колонной. Проблуждав в темноте остаток ночи, Прюмерс утром в конце концов обнаружил штаб своей стрелковой бригады. Пока унтер-офицер ожидал приказа, французская артиллерия открыла огонь; казалось, что орудия целились в каждую отдельную машину и даже мотоциклы. Но несмотря на то, что огонь французских артиллеристов иногда становился просто ужасающим, чуть позже, в небе над Седаном, когда пикирующие бомбардировщики начали бомбить город, Прюмерс смог наблюдать уст-

Экипаж бронемашин из разведывательного батальона танковой дивизии сосредоточенно изучает карту во время Французской кампании. Броневики использовались в качестве «глаз и ушей» танковой дивизии, они шли далеко впереди главного соединения, выискивая слабые места в оборонительных сооружениях противника. Береты, которые надеты на этих солдатах и которые носили все танковые экипажи, имели специальную мягкую набивку, которая защищала голову танкиста во время скоростного движения машины или движения по пересеченной местности.

рашающую мощь Люфтваффе. Он наблюдал, как эскадрилья за эскадрилей появлялись в воздухе, затем первый самолет почти вертикально падал к земле, а за ним следовали остальные. Один за другим пикирующие бомбардировщики сбрасывали бомбы на французские бункеры, и солдат видел, как бомбы попадают в цель. Однако Прюмерс был не в состоянии различить отдельные звуки: вой пикирующих бомбардировщиков, свист бомб в полете, оглушительные разрывы — все слилось в оглушительное крещендо всепоглощающего грохота. Словно загипнотизированный, Прюмерс наблюдал за заходящими на цель волнами бомбардировщиков, и только когда он заметил, что французская артиллерия прекратила огонь, уверенность и самообладание вернулись к нему. После бомбардировки весь западный берег Мааса был окутан клубами дыма, и казалось невероятным, что кто-либо из защитников мог уцелеть в этом аду.

Расчеты противотанковых и зенитных орудий, экипажи танков и пехота — все, кто мог, спустились в три часа дня к самой воде и поливали огнем французские бункеры. Тем не менее, когда пришло время пехоты и саперных подразделений забираться в резиновые и моторные лодки и снова атаковать противника, французское сопротивление, казалось, вновь ожило.

Унтер-офицер Шульце из 69-го стрелкового полка 10-й танковой дивизии обнаружил, что

многие французские орудия, расположившиеся на пути его подразделения, остались целы. Чтобы подойти к реке, отряду нужно было пройти через большой луг. Когда солдаты пересекали луг, французы открыли пулеметный и артиллерийский огонь, который помешал Шульце и его солдатам продвигаться вперед. Любое движение вызывало мощный огонь французов. Прикованный к месту, он мог только наблюдать, как другая немецкая группа бросилась вперед и солдаты прыгнули в свое плавсредство. Затем отошли еще две лодки, но последняя была уничтожена артиллерийским огнем. Тем временем группа из 12 пехотинцев сумела добраться до французского бункера и взять в плен засевших там солдат. В течение нескольких часов Шульце находился под плотным огнем и был, по сути, прикован к земле; в это время небольшая группа немецких саперов, которой удалось переправиться, подняла белые полотна, чтобы их не обстреливали свои же орудия. В конечном итоге Шульце и его товарищи вынуждены были той ночью отойти в район сосредоточения, так и не переправившись через Маас.

Однако фельдфебель Рубарт и его группа, в которую входили 16 штурмовых саперов, приданных 10-й танковой дивизии, все-таки сумели переправиться. Рубарту и его небольшому отряду под градом французского пулеметного огня удалось форсировать Маас на двух резиновых

лодках, в каждой из которых разместилось по восемь человек. Так как саперы грузились со всем своим оборудованием и оружием, лодки осели в воду опасно низко, тогда солдаты выбросили все лишнее и смогли быстро перебраться на противоположный берег. Они моментально разделались с ближней стеной укрепления и, чтобы покончить с обороняющимися, бросили внутрь ручные гранаты. Когда Рубарт поднял над бункером флаг со свастики, его приветствовали громкие радостные крики с немецкого берега. Но отряд не остановился и перешел к двум другим бункерам, находящимся на расстоянии 100 м. В то время как он и его солдаты атаковали один бункер, обер-ефрейтор Бройтигам в одиночку занялся другим бункером. Саперы Рубарта фактически раскололи линию французских дотов.

Когда Рубарт вернулся на переправу за укреплением и боеприпасами, то увидел, что

пытающихся переправиться солдат расстреливает французская артиллерия, вдребезги разнося лодки. Командир его роты переформировал экипажи лодок и предпринял еще одну попытку переправиться через реку. В это время Рубарт и солдаты его небольшого отряда, закрепившись в одном из бункеров, решили утолить мучавшую их жажду, выпив бутылку вина. Французы предприняли контратаку на их укрепление, но группе Рубарта удалось отбросить противника, потеряв ранеными несколько бойцов. Прибывали свежие силы, и солдаты Рубарта выдвинулись ко второй линии французских бункеров, куда им также удалось проникнуть. К вечеру этого дня тяжелых боев команда Рубарта потеряла шесть человек из 16, а из десяти оставших-

Немецкие артиллеристы в камуфляжных плащ-палатках, защищающих от сильного дождя, готовят к стрельбе снаряды в плетеных футлярах.

ся в живых восемь были ранены, но в бою под Ваделинкуром отряд все-таки смог выполнить поставленную перед ним задачу. За столь выдающиеся действия Рубарта немедленно наградили Рыцарским крестом и присвоили звание лейтенанта. Только благодаря умелому руководству и смелости солдат его отряда, 10-я танковая дивизия закрепилась на Маасе. Самым важным моментом наступления через Маас стало форсирование реки у самого Седана подразделениями 1-й танковой дивизии, которое возглавил элитный полк «Гроссдойчланд». Зловещая тишина, воцарившаяся перед началом операции во Флоинге, к северу от Седана, произвела на обер-лейтенанта фон Курбьера гнетущее впечатление. Полное отсутствие обитателей навело его на мысль, что французы, возможно, просто ждут, пока его рота не начнет переправляться через реку. Но несмотря на то, что во время переправы французы действительно открыли огонь, солдаты фон Курбьера смогли переправиться, не испытав на себе того шквала огня, который приветствовал солдат, возглавляемых Рубартом или Шульце. Вскоре фон Курбьер и его солдаты продвинулись на 3,2 км в направлении Марфейских высот, где пикирующие бомбардировщики продолжали бомбить оборонявшихся французов. После короткого, но ожесточенного боя его солдаты достигли своей цели вблизи высоты 247 и с радостью обнаружили в ближнем амбаре несколько бутылок с содовой, которые они с удовольствием выпили в разгар полуденной жары.

Когда немецкая пехота переправилась через Маас, следующий этап операции зависел от саперов. Лейтенант Грубнау командовал специальной ротой инженерных войск, в задачу которой входило строительство танкового моста через Маас. Когда пехота еще только переправлялась через реку, шириной 64 м, Грубнау и его солдаты начали работы по возведению первого понтонного моста. Даже несмотря на то, что их рабочую площадку бомбили и обстреливали, немецкие саперы, обнаженные по пояс, без касок яростно трудились над возведением моста. Им потребовалось 38 минут, чтобы начал

Немецкие солдаты укрываются в каменном дворе от мощного артиллерийского огня во время сражения за Турне.

Мотоциклисты на мотоциклах с колясками из разведывательного батальона танковой дивизии проезжают по французскому городу Труа.

действовать легкий паром, переправлявший танки, а к полуночи был готов 16-тонный понтонный мост, и танки грохотали через переправу, чтобы соединиться с пехотой.

Следующий день был решающим для успеха немецкого наступления. Солдатам, которые захватили плацдармы в Динане и Седане, пришлось отражать все большее количество контратак французов, которые не потеряли надежду отбросить противника за реку. Британская и французская авиация также атаковала понтонные мосты Грубнау в отчаянной попытке отрезать немецкие плацдармы. Капитан Килманзегге наблюдал великолепное зрелище — Маас, объятый пламенем разрывов этих атак. В течение часа он следил, как артиллеристы зенитных орудий беспрерывно вели огонь по самолетам противника, которые с ревом проносились над самыми головами, в то время как танки продолжали катить по мостам. Подбитые французские самолеты падали, оставляя в небе клубы черного дыма, в течение этого времени Килманзегге насчитал 11 сбитых самолетов. В небе над Седаном

союзники потеряли более 90 самолетов, и все их попытки уничтожить немецкую переправу потерпели провал. После тяжелого сражения, которое длилось целый день, немцы не только отразили атаки французов, но и расширили свои плацдармы, опасно вклинившись во французские позиции. Штабной офицер майор Венк стал свидетелем важного разговора между Гудерианом и Кирхнером, командиром 1-й танковой дивизии. Гудериан спросил Кирхнера, может ли вся его элитная дивизия прорваться на запад или лучше оставить фланговое прикрытие со стороны Арденнского канала. Венк вставил фразу: «Klotzen, nicht Kleckern» (нем.: «Не бейте их, а разбейте их») — что, как он знал, было любимой присказкой Гудериана, — и генерал тут же отдал приказ о наступлении всех войск на запад.

Тем временем колонны немецкой пехоты продолжали поход через Арденны, чтобы соединиться с танковыми дивизиями у переправ через Маас. Лейтенанту Акселю фон дем Буше этот переход через Арденны показался более похожим на пикник, чем на настоящую войну, особенно если учесть, что уставшие солдаты во время марша везли свое оружие на реквизированных колясках. Все изменилось, как только войска подошли к Маасу. В первом же бою на берегу, когда фон дем Буше бросал гранату, ему оторвало большой палец. Это ранение положило конец короткой кампании лейтенанта.

БРОСОК НА ПОБЕРЕЖЬЕ

15 мая 1940 года танковые части вырвались со своих плацдармов и начали продвигаться по равнинам Северной Франции. Солдаты Рейнхардта в Монтерме, которым не удалось переправиться 13 мая, теперь перебрались через Маас и стремительно двигались вперед, компенсируя потерянное время. Карл фон Штакельберг, двигаясь вслед за 6-й танковой дивизией, прошел через опустевший Шарлевиль, в котором все дома были заперты, а магазины пусты. Фон Штакельберг увидел покинутые дома, оставленные французские грузовики и фургоны, стальные каски, винтовки и снаряжение — все это было просто брошено и валялось вдоль всего пути 6-й танковой дивизии. Он был поражен, когда колонна французских солдат промаршировала мимо — идеальным строем,

но без оружия. Они шли в плен безо всякой охраны.

Наблюдаемая фон Штакельбергом полная деморализация французских солдат повергла его в полное недоумение. Подобно большинству немецких солдат, он ожидал, что французы будут сражаться, как и в 1914 году, но скорость и успех переправ через Маас, казалось, сломили их боевой дух.

Однако французская армия не развалилась полностью. К югу от Седана полку «Гроссдойчланд» пришлось отражать решительные атаки французских войск вокруг деревни Стони в самом тяжелом сражении всей кампании. Лейтенант Бек-Бройхситтер в полдень получил приказ двинуть свою 14-ю противотанковую роту к населенному пункту для поддержки находящейся в затруднении пехоты. Когда они пробивались в деревню, его солдаты обнаружили брошенные дома и отдельных немецких солдат, которые беспорядочно бегали вокруг. Бек-Бройхситтер начал осознавать опасность положения, когда

увидел подбитый немецкий танк, рядом с которым лежали погибшие члены экипажа. Французский танк с ревом пронесся мимо его позиции, и ему пришлось поторопиться, чтобы подвезти три своих 37-мм противотанковых орудия. В ожесточенной схватке солдаты его роты подбили несколько танков, но все новые французские машины продолжали подходить, к тому же французская пехота поддержала атаку бронетехники. Бек-Бройхситтер не знал, сколько еще смогут продержаться его солдаты, поскольку огонь французов становился все сильнее, многих раненых отправляли в тыл, и численность его роты уменьшалась. В конце концов, на помощь прибыли штурмовые орудия, но тут появились французские тяжелые танки В-1, броню которых не пробивали легкие противотанковые орудия немцев. Бек-Бройхситтер уже

Немецкие мотоциклисты со своими винтовками Каг 98 в руках сидят на краю снарядной воронки во время заслуженной передышки.

думал, что ему придется дать приказ к отступлению, поскольку танковый огонь буквально косил его артиллеристов. Но когда один из французских танков громохоча развернулся к позиции бортом, обер-ефрейтор Гиземан навел орудие прямо на решетку радиатора на правом борту танка, и машина взорвалась в языках пламени. Бек-Бройхситтер приказал своим артиллеристам сосредоточить огонь на этом уязвимом месте французских тяжелых танков, и вскоре все три танка В-1 были выведены из строя. Рота Бек-Бройхситтера потеряла 12 человек убитыми и 16 ранеными, но подбила 33 французских танка. Так или иначе, полк «Гроссдойчланд» спас закрепившиеся на плацдарме немецкие части.

На следующий день, 16 мая, танки Гудериана вышли на открытую местность и быстро двинулись в глубокий тыл французской армии. Капитан Килманзегге на своем танке ехал по практически выжженной местности, воздух которой был наполнен запахом горящих развалин. И хотя немецким солдатам даже разрешили доить

уже несколько дней не доенных коров, скорость, с которой развивалось наступление, вскоре сделала невозможными даже такие короткие остановки. Но 17 мая Гитлер и Рундштедт приказали Гудериану остановиться, и, хотя генерал был взбешен навязанным решением, солдаты были рады получить хотя бы один день отдыха. У измученных солдат появилась, по сути, первая возможность поспать, а у танковых экипажей — привести в порядок свои машины.

20 мая войска Гудериана со своим великолепным командующим вошли в Амьен, овладев этим историческим городом. 2-я танковая дивизия после пополнения запасов топлива двинулась дальше, по направлению к Абвилю. Таким образом, немцы достигли побережья, отрезав северные армии союзников. Той ночью Гудериан направил своим войскам обращение: «Нынешние сражения принесли нам полный успех. По всему фронту враг отступает столь поспешно, что временами это напоминает беспорядочное бегство». Но на следующий день в Аррасе 7-й танковой дивизии под командованием Роммеля пришлось очень нелегко. Соединение атаковали 58 танков «Матильда» Британских экспедиционных сил. Артиллеристы прибывшей в подкрепление дивизии СС «Мертвая

Конец июня 1940 года. Торжествующая немецкая кавалерия во время парада победы на площади Согласия в Париже.

голова» вдруг обнаружили, что снаряды их противотанковых орудий не могут пробить броню британских танков, и в полном потрясении, близком к панике, покинули свои первые оборонительные позиции. Сам Роммель признал сложившееся положение «чрезвычайно затруднительным». Как вспоминал один из участников боя, когда британские танки громохвая двинулись в атаку и вступили в бой с легкими немецкими танками, пехота в полном беспорядке начала отступать, за ней последовали расчеты противотанковых орудий и некоторые зенитчики. В конечном итоге, перебегая от орудия к орудию, Роммель вновь ввел в бой свою противотанковую артиллерию, приказав и 88-мм зенитным орудиям открыть огонь по британским танкам, которые после того, как несколько машин были подбиты, начали отступать. Эта небольшая контратака ограниченных сил британских войск и у Роммеля, и у германского Верховного командования вызвала больше беспокойства, чем какие-либо другие действия союзников, но она была слишком локальной, чтобы повернуть ход военных действий в пользу союзников.

Несмотря на то, что в течение 22–24 мая ожесточенные бои шли уже вблизи Булони и Кале, Гитлер 24 мая приказал своим танкам остановиться. Хотя этот приказ предоставил войскам столь необходимый отдых, это также дало Британским экспедиционным силам время организовать оборонительный периметр вокруг Дюнкерка и подготовиться к эвакуации в Великобританию. Когда приказ фюрера об остановке был отменен, немецкие солдаты ворвались в разрушенный Дюнкерк, но основная часть Британских экспедиционных сил уже эвакуировалась. Северные армии союзников были разбиты, теперь Гитлер и его генералы обратили свое внимание на остальную часть Франции.

5 июня 1940 года немцы атаковали линию Вейгана — французские оборонительные позиции, наспех оборудованные к югу от Соммы. Французская пехота и артиллеристы, при подавляющем численном преимуществе противника, на всем участке развернулись в прочных, защищенных «ежами» позициях и сражались с отчаянной храбростью. Фон Штакельберг отмечал, что посреди разрушенных деревень вдоль Сом-

мы французы сражались до последнего солдата, а некоторые позиции, защищенные проволочными заграждениями, продолжали сражаться даже тогда, когда немцы обошли их уже на более чем 30 км. Даже при таком отчаянном сопротивлении после двух дней тяжелых боев германские танки вырвались на открытую местность и веером развернулись на французской территории. 11 июня французские власти провозгласили Париж открытым городом, что нанесло смертельный удар по остаткам боевого духа французов. 14 июня подполковник д-р Ганс Шпидель встретился с двумя французскими офицерами, которые сдали ему город. Небо было покрыто тучами, и лил дождь, когда усталые, но ликующие солдаты 87-й пехотной дивизии без единого выстрела вступили в Париж. Несмотря на то, что французские части все еще оказывали рассеянное сопротивление, стало ясно, что Франция не может продолжать войну. 22 июня 1940 года французское правительство подписало договор о перемирии с Германией — в том же самом железнодорожном вагоне, где 20 годами ранее немцы вынуждены были признать свое поражение в Первой мировой войне. Фон Штакельберг был поражен, как быстро, после того как перемирие довершило унижение Франции, французы вернулись к своей обычной жизни. Он стал свидетелем того, как некое лионское семейство полчаса решало, что заказать на обед, а затем во время самого обеда обсуждало местные сплетни — и все это происходило всего лишь день спустя после подписания договора о перемирии. В Париже немецкие солдаты начали пожирать плоды победы: они посещали Мулен-Руж, покупали сувениры, непристойные открытки и обустривались в качестве оккупационных сил. Официальное сообщение Вермахта об итогах этой кампании было передано по радио 25 июня 1940 года: «Союзников больше не существует. Остался только один противник: Англия». Немецкие солдаты, пребывая в эйфории своей поразительной победы, были уверены, что война скоро закончится. Но в течение следующих девяти месяцев эти ликующие пехотинцы и танковые экипажи узнали, что фюрер уготовил им иную судьбу: теперь он желал, чтобы солдаты сражались не только с британцами в Северной Африке, но и с большевиками на Востоке.

Северная Африка. Расчет тяжелого зенитного орудия, выполняющего функции противотанкового, ведет огонь по британским танкам.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА, 1941–1943

Африканский корпус Роммеля был уникальным соединением в составе Вермахта. Ни у германского Верховного командования, ни у Гитлера до 1940 года не имелось никаких планов относительно формирования каких-либо соединений для действий в Северной Африке. И только провал «параллельной войны» Муссолини и угроза захвата итальянской колонии в Ливии заставили Гитлера направить небольшую войсковую группировку под командованием генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля в Триполи, чтобы поддержать слабого итальянского союзника. Африканский корпус возник неожиданно, но стал одним из самых знаменитых соединений германской армии. В момент формирования Германский Африканский корпус состоял из 5-й легкой и 15-й танковой дивизий. 1 октября 1941 года 5-я легкая дивизия была усилена и переименована в 21-ю танковую дивизию. К этим двум дивизиям в августе 1941 года присоединилась 90-я легкая дивизия, известная как Африканская дивизия. Несмотря на то, что в январе 1942 года войска «оси» в Северной Африке стали танковой армией «Африка», эти три дивизии Африканского корпуса оставались ядром и ударной силой соединения. Отношения между Африканским корпусом и союзными итальянскими войсками в пустыне складывались непросто. Немцам свойственна была естественная самонадеянность, которая приходит с победой, в то время как итальянцы пытались преодолеть комплекс неполноценности, развившийся после их разгрома в феврале 1941 года.

Немецких солдат удивляла система взаимоотношений в итальянской армии. Один солдат вспоминал, что жизнь итальянских офицеров была просто роскошной, они были обеспечены отличной едой, и к их услугам имелся даже передвижной публичный дом, двигавшийся по пус-

тыне большим караваном. А итальянские солдаты питались тем, что оставалось после офицеров, и отпускаемые им продовольственные нормы были гораздо ниже. Немецкие солдаты привыкли к тому, что офицеры ведут их в атаку, а итальянские офицеры, как правило, не покидали своих бункеров, и солдатам приходилось сражаться, по сути, без командиров. Таким образом, между союзниками существовало непонимание, которое так и не было преодолено полностью. Обер-ефрейтор Ганс Шиллинг отмечал, что в основном немецкие солдаты считали итальянцев слабыми и плохо дисциплинированными солдатами, то есть совсем не такими, какими были они сами, но они также считали, что в этом не было вины итальянских солдат, поскольку офицеры совершенно не заботились о благополучии своих бойцов.

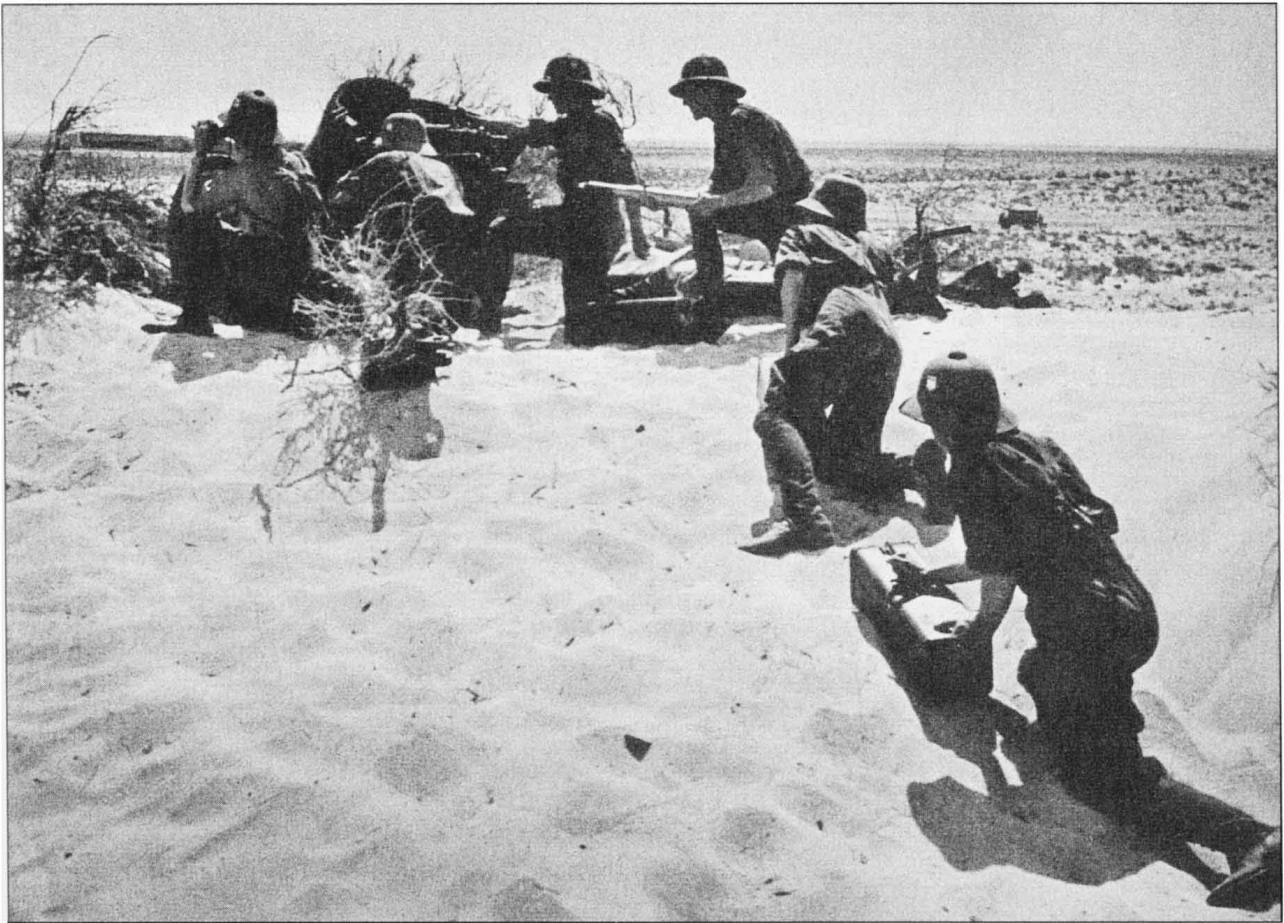
Благодаря тому, что их служба солдат Африканского корпуса проходила вдали от Германии и в сложных условиях пустыни, в соединении сложились особые товарищеские отношения, которые объединяли бойцов, помогая им чувствовать принадлежность к настоящему братству. Лейтенант Ральф Ринглер вспоминал, что, когда пришло известие, что его приняли в Африканский корпус, он прыгал как сумасшедший, крепко обнимая других «счастливчиков». Он долго не мог поверить, что действительно отправляется в Африку, но заметил, что в своей казарме он тотчас стал частью отдельной касты. Он стал одним из «африканцев».

Даже путешествие из учебных центров Германии в Северную Африку больше напоминало приключение, чем обычную железнодорожную транспортировку солдат, например, на Восточный фронт. Довольно типичным стал переезд из Германии в Северную Африку наводчика орудия Вернера Зусека из 190-го артиллерийского полка. 27 апреля 1941 года артиллерист выехал из городка Ван, под Кёльном, и в течение нескольких недель ожидал отправки в Баньоли, под Неаполем. В конце концов его полк погрузился на два транспортных судна, которые отплыли в Бенгази, но через два дня пути корабли были атакованы британскими бомбардировщиками. Налет не причинил судам особого ущерба, но на одном из транспортников возникли неполадки с двигателем, и ему пришлось остановиться на Крите для ремонта. В конечном

итоге, после долгого путешествия, Зусек высадился в Триполи и в пустыне присоединился к своему подразделению. Почти все немецкие и итальянские транспортные и грузовые суда, плывущие в Триполи или Бенгази, должны были «пройти сквозь строй» британских самолетов и подводных лодок, базировавшихся на Мальте. Только в начале 1942 года, когда Кессельринг попытался нейтрализовать мальтийские базы воздушными налетами, корабли стран «оси» получили свободу передвижения. Английские базы на Мальте, постоянно держа в напряжении линии снабжения Роммеля, в конечном итоге задушили Африканский корпус.

Был еще один способ попасть в Африку. Некоторые подразделения немецких войск перевозили в Триполи или Бенгази самолетами Люфтваффе. В апреле 1942 года ефрейтор Карл Зусенбергер в составе подкрепления 104-го моторизованного полка вылетел из солнечного итальянского городка Бриндизи. Солдат разделили на группы по 18 человек, затем вручили спасательные жилеты и погрузили в ожидавшие транспортные «Юнкерсы» Ju-52. Сидя у иллюминатора, Зусенбергер наблюдал, как 35 самолетов Ju-52 вырулили на взлетно-посадочную полосу и, к общему восторгу, поднялись в воздух. Самолеты приземлились на Крите, еще четыре дня Зусенбергеру и остальным солдатам пришлось ждать, прежде чем в сопровождении небольшого эскорта из двух истребителей Me-110 конвой отправился в Африку. Когда самолеты уже подлетали к африканскому побережью, их неожиданно атаковали британские истребители и сбили три Ju-52, набитые немецкими солдатами. Воздушная транспортировка в Африку была делом опасным.

Роммель появился в Триполи 12 февраля 1941 года, за два дня до прибытия передовой группы из состава 5-й легкой дивизии. Он имел четкий и ясный приказ: своим заградительным отрядом он должен был поддерживать итальянские войска, и помешать британцам захватить Ливию. Однако у Роммеля были другие планы, а его свежие подразделения рвались в наступление. В ходе одной из их самых первых разведывательных операций обер-лейтенант Вольфганг Эверт командовал ротой бронеавтомобилей 5-го легкого танкового разведывательного батальона. Ранним утром 28 февраля 1941 года Эверт

Солдаты Африканского корпуса тащат по песку коробки с боеприпасами на позицию 50-мм противотанкового орудия Pak 38.

заметил два приближающихся британских броневых автомобиля. Они двигались медленно и часто останавливались, явно ведя наблюдение. Когда машины приблизились на расстояние 600 м, два британских солдата вышли из броневиков и медленно двинулись вперед. Когда броневые автомобили появились прямо перед позициями солдат обер-лейтенанта, он приказал открыть огонь, и, хотя несколько снарядов его 20-мм пушек попали во второй броневик, орудиям не удалось поразить цель, так как огонь велся новыми «тропическими боеприпасами», пристрелять которые у солдат Эверта не было возможности.

Британские броневые автомобили умчались прочь, преследуемые четырехосными броневыми автомобилями Эверта, но после скоростного преследования на расстояние в 6 км британским машинам удалось ускользнуть. Позднее солдаты Эверта захватили британского лейтенанта и сержанта,

которые удирали пешком. После этой богатой событиями стычки с британцами Эверт и его солдаты, проехав 150 км, вернулись в расположение батальона, где немецкая группа пропаганды сняла их на киноплёнку.

Эти первые столкновения проверили отвагу вновь прибывших немецких солдат и дали им ценный опыт боевых действий в условиях пустыни. В действительности большинство солдат, которые входили в состав первых подразделений Африканского корпуса, были совершенно неподготовлены к условиям пустыни. Ефрейтор Ганс Шиллинг вспоминал, что в его 1-й роте 200-го пехотного полка имелось несколько солдат из бывшего Французского иностранного легиона. Самым упрямым был Отто Киндерайт, который на приказ всегда отвечал: «Oui, mon capitaine» (Да, мой капитан. — Фр.). И несмотря на то, что офицер приказывал ему отвечать, как положено, ответ всегда был один: «Oui, mon capitaine». Хотя ветераны Иностранного легиона знали пустыню, большинство немецких солдат находили, что Северная Африка очень отличается от

той, которая представлялась в мечтаниях о тропических ночах, пальмах, оазисах и морском бризе, которые многих и заставили поступить добровольцами.

АДАПТАЦИЯ К УСЛОВИЯМ ПУСТЫНИ

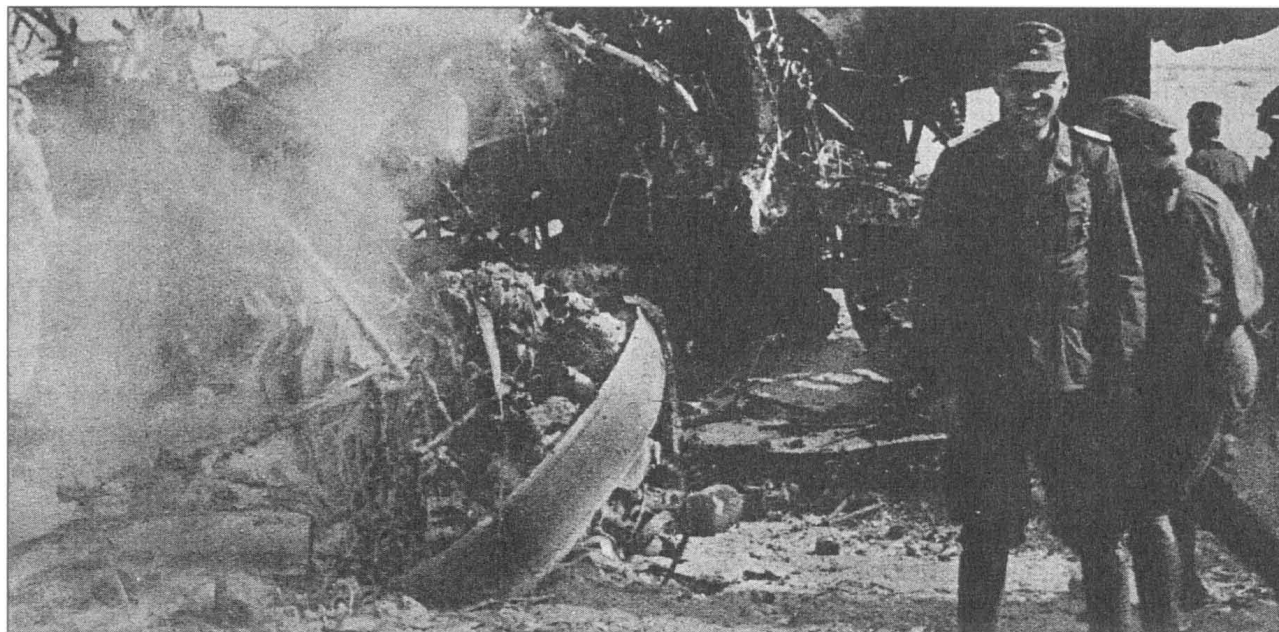
В спешном порядке пришлось создавать снаряжение и униформу солдат Африканского корпуса, поскольку многое из того, что им выдавалось, мало подходило для службы в условиях пустыни. Рядовой Карл Хинтце вспоминал, что большинство африканских ветеранов вскоре отказались от казенной «тропической» формы, состоявшей из высоких шнурованных брезентовых ботинок, бриджей, кителя оливкового цвета и пробкового шлема, и заменили эту форму на мягкие туфли, короткие носки, шорты, рубашку и мягкое полевое кепи с длинным козырьком. Эта удобная и практичная униформа стала отличительной маркой Африканского корпуса. Их вооружение, конечно же, было стандартного образца, хотя танки должны были быть оснащены «тропическими» фильтрами, чтобы справляться с условиями пустыни. Другой проблемой была маскировка и подходящая раскраска их машин. Первые машины были окрашены в традиционный полевой серый цвет,

Немецкие солдаты осматривают обломки британского бомбардировщика «Веллингтон», сбитого огнем зенитного орудия.

поскольку в отделе хозяйственного снабжения не оказалось подходящей краски. Вначале экипажи танков были вынуждены красить свои машины и еще не высохшую краску посыпать песком. Однако вскоре машины стали красить в более подходящий для пустыни желтый цвет.

Тем не менее, ефрейтор Дитер Хельригель, как и многие немецкие водители, предпочитал итальянские или трофейные британские грузовики, поскольку они были более подходящими для условий пустыни. Немецкие грузовики «Опель» или «Мерседес» имели двойные задние колеса, и камни, застревая между скатами, довольно часто прокалывали их. Хельригель постоянно выпрашивал британские грузовики, которые имели соответствующие «песчаные шины». Кроме того, вначале возникла еще одна проблема: оказалось, что типовые полевые кухни и пекарни германской армии, которые работали на дровах, почти бесполезны в условиях Северной Африки, так как в пустыне фактически нет деревьев! Все дрова нужно было привозить из Италии.

Точно так же, как солдаты должны были приспособлять свою форму и снаряжение к пустыне, они и сами должны были приспособляться к суровым условиям. В течение дня сильная жара и дымка — в сочетании с большим количеством пыли, поднимаемой машинами, — делали жизнь невыносимой, но с заходом солнца температура быстро понижалась, и тогда солдатам требовались шинели. Ober-лейтенант

Вольфганг Эверт быстро понял, что пустыня — это не всегда пекло. В январе 1942 года он жаловался, что, для того чтобы справиться с ночным холодом, ему нужно было три одеяла, но даже они не могли спасти его от холода и он чувствовал себя, словно лыжник на снегу.

ПЕСЧАНЫЕ БУРИ

Песчаная буря (самум) могла сделать жизнь невыносимой. Горячий ветер проносился по пустыне с огромной скоростью, поднимая в воздух большое количество песка и снижая видимость до нуля. Во время песчаной бури на открытой местности находиться было невозможно, а некоторые бури продолжались по несколько дней, останавливая всякое движение. Но вероятно, хуже всего были тучи насекомых, которые повсюду следовали за войсками. Ели солдаты или пили — мухи вокруг были всегда.

Солдатам также пришлось привыкать к очень скудной норме водоснабжения. Воду трудно было найти в пустыне, и большая часть воды, которую использовали солдаты Африканского корпуса, была опресненной или с большим добавлением химикатов. Солоноватая на вкус вода стала отличительной чертой жизни солдат корпуса. Требовалось настоящее искусство, чтобы есть, пить и умываться, располагая столь ограниченным запасом воды. Лейтенант Ральф Ринглер хорошо помнил, с какой радостью все встречали грузовик, доставивший в расположение его части воду, тем более что это была первая вода за несколько дней. Каждый солдат получил четыре литра солоноватой, ржавой, пахнувшей бензином воды, но даже это количество воды посреди пустыни казалось неслыханной щедростью. Прежде всего, Ринглер сделал большой глоток, потом умыл лицо, оставил пол-литра, чтобы побриться, а затем вымылся полностью, не пролив ни капли. Потом в оставшейся мутной и грязной жидкости он постирал одежду, рубашки и носки. Не пропало ни капли. Солдаты британской 8-й армии стирали свою одежду в бензине, но такое расточительство в армии Роммеля было немыслимо.

Продовольственные нормы, определенные солдатам Африканского корпуса, были еще одной проблемой. В то время как британцы могли пополнять свои рационы за счет ресурсов своей египетской базы, все продовольствие для Африканс-

кого корпуса необходимо было доставлять из Италии или Германии. Настоящая проблема заключалась в том, что немецкие продовольственные пайки не предназначались для пустыни. Картошку — главный продукт питания немецкого солдата — и свежий хлеб не привозили, поскольку считалось, что они заплесневеют в климате пустыни. Это означало, что Африканский корпус питался черным хлебом, упакованным в картонную коробку, небольшим количеством оливкового масла и итальянскими мясными консервами. Это консервированное мясо, на котором стоял штампель AM — *Amministrazione Militaire*, — получило новое название, данное самим Роммелем. Инспектируя позиции около перевала Хальфайя, он наткнулся на солдата, который выковыривал своим штыком маленькие кусочки мяса из банки, одновременно отгоняя тучи мух. Роммель спросил солдата: «Каков на вкус этот старик?» И солдат ответил: «Спасибо, господин генерал, но я думал, что ем старого мула!» После этого обмена репликами итальянские мясные консервы получили прозвище «Alter Mann» (старик) или «Alter Maulesel» (старый мул). В течение первых четырех месяцев в Африке Африканский корпус вообще не получал свежих фруктов или овощей. Единственными овощами, которые появлялись в рационе солдат, были сушеные. Столь однообразная диета при почти полном отсутствии свежих фруктов и овощей, которые являются источником витамина С, приводила к тому, что многие солдаты заболели желтухой и дизентерией. Любая возможность отведать трофейные британские пайки встречалась с восторгом. Немецкие солдаты, такие, как рядовой Ганс фон Эзебек, стремились захватить британские полевые пекарни, чтобы поесть свежеспеченного белого хлеба, который сами солдаты тут же и пекли. После взятия Тобрука в 1942 году весь Африканский корпус в течение нескольких дней наслаждался консервированными персиками, свежим белым хлебом и британским пивом.

Почувствовав готовность своих войск, Роммель решил обойти полученный приказ и разработал план наступления. 31 марта 1941 года Африканский корпус атаковал 2-ю британскую бронетанковую дивизию, дислоцированную в Эль-Агейле. Эта атака стала совершенно неожиданной для британского соединения, которое не было готово к подобному развитию событий.

Ошарашенные стремительностью и свирепостью немецкого наступления, британцы вскоре отступили по всему фронту.

Солдаты с обеих сторон довольно часто попадали в плен, на бескрайних просторах пустыни путая технику противника со своими машинами, но 6 апреля 1941 года фельдфебель Борхардт «Куттель», командир 1-й роты 8-го пулеметного батальона, оказался в уникальном положении. Когда его мотоциклетный патруль прочесывал территорию к югу от Дерны, группа натолкнулась на британскую штабную машину, которая без сопровождения двигалась по пустыне. Британский водитель открыл огонь, убив одного из солдат Борхардта, но был убит ответным пулеметным огнем, и два штабных офицера, сидевшие на заднем сиденье, подняли руки. Так фельдфебель Борхардт взял в плен генерал-лейтенантов Нима и О'Коннора, принадлежавших к числу лучших британских командующих. О'Коннор, победитель в сражении, в котором всего двумя месяцами ранее была разбита итальянская 10-я армия (операция «Компас»), ехал на линию фронта, чтобы лично ознакомиться с ситуацией. Когда его уводили, О'Коннор назвал Борхардта «храбрым солдатом» и подарил ему дорогой фотоаппарат. Борхардт недолго смог наслаждаться обретенной славой и камерой: две недели спустя во время штурма Тобрука он был убит.

Во время войны в пустыне обе стороны обращались со своими пленными в соответствии с положениями Женевской конвенции, и часто с большой обходительностью. Однако бывали случаи, когда сама природа войны в песках могла привести пленных к серьезным неудобствам. Солдат 361-го полка 90-й легкой африканской дивизии вспоминал, как 24 ноября 1941 года его роту, расположившуюся у высоты 175, захватили в плен новозеландцы. Пленных немцев погрузили в грузовики и вывезли из зоны боевых действий. Однако прежде чем им позволено было расположиться биваком, у солдат отобрали обувь, чтобы ночью никто не сбежал. На следующее утро вдали была замечена движущаяся немецкая колонна, в возникшей суматохе, когда новозеландцы спешно готовили свои машины к отправке, все ботинки вывалились. Солдат хорошо запомнил, с какими муками он и его товарищи в течение нескольких часов маршировали босиком по каменистой земле, в кровь и синяки сбивая

ноги. Но благодаря тому резкому контрасту, который отличал обращение с военнопленными в пустыне от жестокости и зверств Восточного фронта, солдаты Африканского корпуса смогли назвать свою войну «войной без ненависти».

В течение нескольких недель с начала первого наступления солдаты Роммеля выгнали британцев из Киренаики, восточной провинции Ливии, и теперь стояли на границе с Египтом. 20 апреля 1941 года, в день рождения фюрера, артиллерист Пауль Шлафер прибыл в Триполи, вскоре, в июне 1941 года, он принял участие в Соллумской битве, недалеко от форта Капуццо, где и получил жестокое крещение огнем. Это произошло в ходе предпринятой британцами операции «Бревити», когда они попытались снять осаду Тобрука. Батарея Шлафера из 33-го танкового артиллерийского полка, состоявшая из двух трофейных британских 25-фунтовых орудий и четырех легких гаубиц, вскоре после начала операции была атакована британскими танками. Его орудийный расчет подбил два танка, и хотя другие расчеты подбили еще больше, этого оказалось недостаточно, и британские танки продолжали наступать. Когда танки были на расстоянии всего лишь 50 метров, батарея Шлафера начала отход, но была смята наступающим противником. Командир батареи обер-лейтенант Вильд потерял ногу, когда его переехал британский танк. На следующее утро Роммель решил вернуть позицию, послав на помощь артиллеристам три танка Pz IV. Шлафер был немало удивлен, узнав, что британцы разгромлены.

ТОБРУК

Тем временем Тобрук, гарнизон которого состоял из 9-й австралийской дивизии, держался в тылу у немцев и был источником постоянного раздражения для Африканского корпуса. Лейтенант 5-го танкового полка Йоахим Шорм участвовал 14 апреля 1941 года в первом штурме Тобрука. Роммель был полон решимости захватить важный порт и город Тобрук, поэтому он приказал 5-му танковому полку, 8-му пулеметному батальону и небольшой группе саперов пробиться через мощные оборонительные укрепления. В 7 часов 15 минут Шорм и его солдаты,

Пехотинец уточняет время, находясь вместе со своими товарищами в укрытии, ожидая начала очередного штурма Тобрука.

испытывая ужасный холод, отправились на штурм. Их нервы были на пределе. Пройдя 10 км, машины достигли первой линии противотанковых рвов вокруг Тобрука. Танк лейтенанта «спикировал» в ров, но затем, ревя двигателем, машина начала выбираться из ловушки, в этот момент через смотровые щели своего люка Шорм увидел звезды. Когда начало светать, британские артиллеристы открыли сильный заградительный огонь, который скосил многих солдат 8-го пулеметного батальона.

Продвигаясь вперед, Шорм оказался в середине «ведьминого котла» — хорошо укрытые противотанковые орудия стреляли с обоих флангов. Вокруг него горело много танков, все же Шорм упорно двигался вперед, и ему удалось подбить несколько противотанковых орудий, но, поскольку его радиостанция была разбита, а двигатель танка начал барахлить, он решил отойти. Когда умолкли многие поддерживающие атаку итальянские пушки и немецкие 88-мм орудия, британские танки и противотанковые орудия усилили огонь, и танк Шорма получил повторное повреждение. В конце концов, на последних каплях бензина ему удалось вернуться в лагерь и осмотреть повреждение. Выстрел противотанкового орудия прошил один из катков и пробил дополнительный бак с горючим, но, к счастью, несмотря на то что топливо протекло, оно не воспламенилось. Удача улыбнулась эки-

1942 год. Фельдмаршал Эрвин Роммель, командующий Африканским корпусом, выходит из своего полевого штаба под Бенгази.

пажу танка Шорма в тот день, но не так обстояло дело у солдат 8-го пулеметного батальона: из 500 солдат, участвовавших в первом штурме, только 100 удалось избежать смерти или плена.

Последовавшая 1 мая атака также была отбита с тяжелыми потерями. Роммель и его солдаты не ожидали такого яростного сопротивления, но стойкая оборона, которую держали в Тобруке австралийцы, даже у них вызвала восхищение. Солдатам Африканского корпуса пришлось держаться в условиях максимального напряжения и сложности осадных боевых действий, которые продолжались несколько месяцев. Лейтенант Ганс Шмидт отмечал, что, как только войска отошли с линии фронта у Тобрука, на солдат обрушились болезни, с которыми во время боев им удавалось справляться, и во всех подразделениях количество заболевших опасно возросло.

Изнурительная патовая ситуация продолжалась до ноября 1941 года, когда 8-я британская армия начала операцию «Крусейдер» («Крестonosец»), призванную деблокировать Тобрук. Наступление британцев захватило солдат Роммеля врасплох, и уже Африканскому корпусу в целом ряде серьезных сражений, которые в конечном итоге истощили его, пришлось сра-

жаться не на жизнь, а на смерть. Самые жестокие бои шли поблизости от Сиди-Резега — полоски пустыни, примечательной только тем, что там был захоронен мусульманский святой. Ожесточенное танковое сражение велось в районе Сиди-Резега в течение нескольких дней, но день 23 ноября 1941 года остался в памяти ветеранов Африканского корпуса как Тотензоннтаг (воскресный день поминовения). В то утро генерал-лейтенант Крювель выстроил танки Африканского корпуса в огромную фалангу и направил их прямо на британские позиции у Сиди-Резега. Итальянская танковая дивизия «Ариете» занимала левый фланг боевого порядка, 120 машин 8-го танкового полка расположились в центре, а 40 танков 5-го танкового полка находились справа. Это огромное соединение танков, полугусеничных машин и грузовиков в 15.00 вкатилось в бурю огня. Лейтенант Хайнц Шмидт вспоминал, что колонна направилась прямо на британские танки. Веер бронированных машин всех типов развернулся настолько широко, что заполнил все окружающее пространство. Полковник Цинтель двигался в своей машине во главе 115-го моторизованного полка, стоя в полный рост в люке, и был сражен пулеметной очередью. Один солдат вспоминал, что британцы вели огонь из всех имеющихся полевых и противотанковых орудий, и воздух, казалось, стал густым от летящих снарядов. Ожесточенное сражение длилось весь день, битва продолжалась даже в наступивших сумерках. Тут и

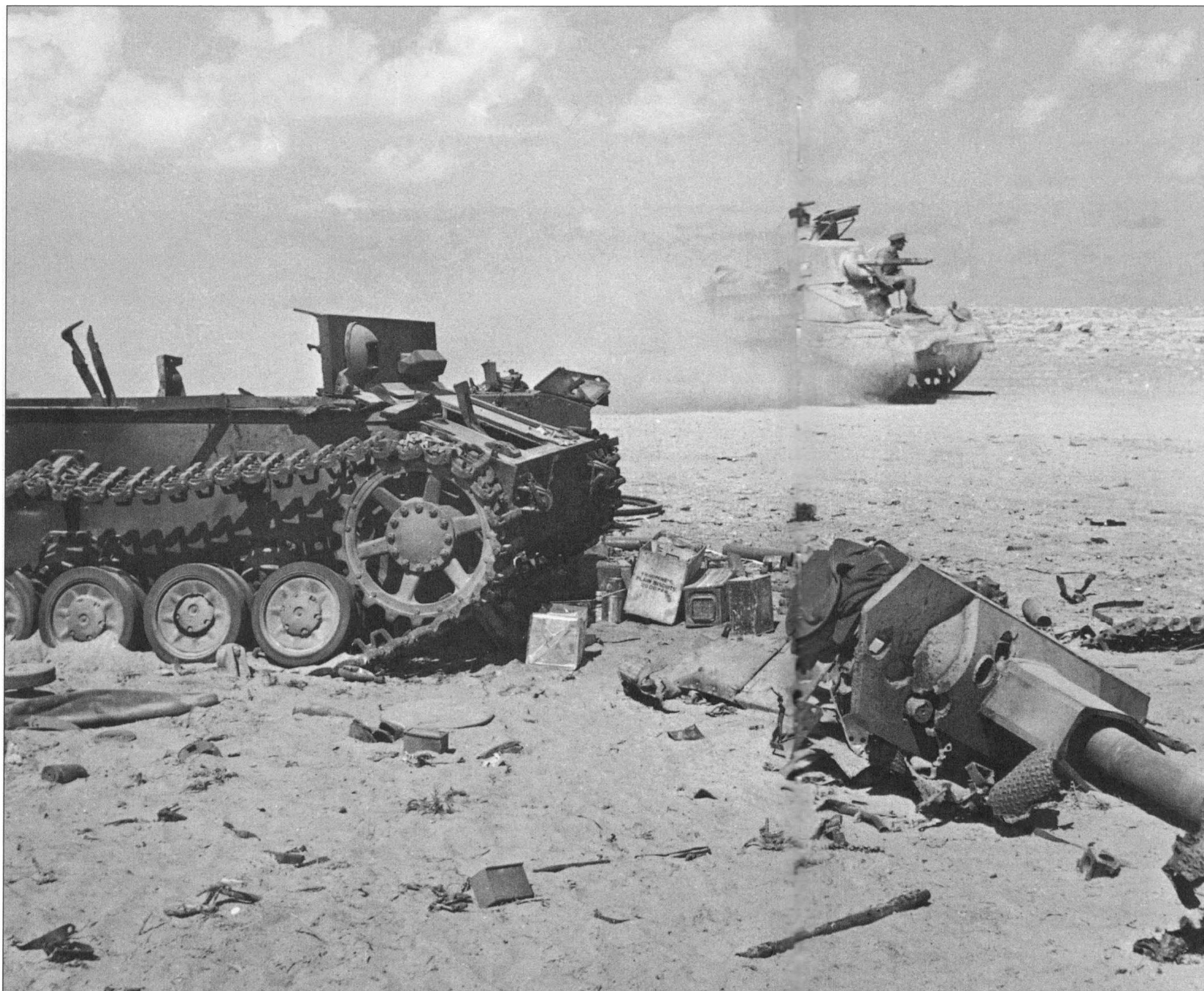
там полыхали обломки сотен танков, орудий и машин, освещая поле. И хотя Роммель пытался обратить британцев в паническое бегство своим «броском на проволоку» — рейдом на египетскую границу — в конечном итоге стойкое сопротивление британцев и все возрастающие потери вынудили его признать поражение. Измотанный и понесший огромные потери Африканский корпус, сохранив боевые порядки, в декабре 1941 года отступил до самой Эль-Агейлы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОММЕЛЯ

Точно так же, как и их командующий, солдаты, проявив замечательную стойкость, пришли в полную норму, и в феврале 1942 года изгнали британцев из Киренаики. Обе армии взяли паузу на линии Газала, но в мае 1942 года Африканский корпус достиг зенита своего военного мастерства. В сражениях за Газалу и Тобрук корпус полностью превзошел в сражении «храбрую, но сломленную» британскую 8-ю армию, преследуя затем британцев «в гонке по Египту». Измученные, но мечтающие об удовольствиях Александрии и Каира, солдаты Корпуса преследовали британцев на всем пути до Эль-Аламейна, который находился всего в 100 км от Александрии, но именно там в июле 1942 года 8-я армия, под командованием Окинлека в конце концов остановила Роммеля. После тяжелого, но незавершенного июльского сражения Роммель в конце августа начал свою финальную, отчаянную попытку достичь дельты Нила. Известная

Войска Африканского корпуса готовятся открыть огонь из своей гаубицы leFH 18 по позициям противника. Обратите внимание на открытый характер местности, типичный для Африканской кампании. Все снабжение для войск Роммеля приходилось доставлять самолетами или кораблями в Ливию, затем подвозить на фронт. Вследствие этого даже основные предметы снабжения, такие, как вода и топливо, имелись обычно в недостаточном количестве, и обе стороны использовали трофейное снаряжение.

среди немцев как «шестидневная гонка», битва при Алам-Хальфе в конечном счете лишила войска Роммеля всех надежд оказаться в Александрии. В октябре 1942 года в битве при Эль-Аламейне 8-я армия Монтгомери разбила танковую армию «Африка». Но и отступая до Триполи и дальше, солдаты Африканского корпуса сражались с большим мастерством. Когда союзники в ходе операции «Торч» («Факел») осуществили высадки десанта в Марокко и Алжире, африканские войска стран «оси» уже не могли более держать оборону. Африканский корпус отступил из Ливии далее в Тунис, где объединился с мощной группировкой 5-й танковой армии под командованием генерала фон Арнима. Огромную горечь испытали солдаты Африканского корпуса при виде оружия, амуниции и различных материалов, с помощью которых они могли бы повернуть сражение у Аламейна в свою пользу. Теперь солдаты корпуса уже не были бойцами уникального соединения, в Африке появились и другие немцы, которые не имели с ними общих воспоминаний о трудных сражениях в пустыне. Однако в ожесточенных сражениях у Вади-Акарит и на линии Марет они сражались с настоящей стойкостью и профессионализмом. Но локальный успех на перевале Кассерин в феврале 1942 года был последней победой, снискавшей лавры Германскому Африканскому корпусу, поскольку уже начала сказываться мощь союзных армий. В конечном итоге 13 мая солдаты соединения наряду с другими войсками «оси» в Африке, были вынуждены капитулировать. Сигнал, переданный в Германию 12 мая 1943 года, почти в полночь, накануне капитуляции, продемонстрировал последнюю гордую дерзость Африканского корпуса: «Боеприпасы расстреляны. Вооружение и оборудование уничтожено. В соответствии с полученным приказом, Африканский корпус сражался до последнего. Немецкий Африканский корпус должен подняться снова. Хейя сафари!» Военное приключение простого немецкого солдата в Африке закончилось.

Британский легкий танк «Хани» следует мимо обломков танка Pz IV F2, оснащенного мощным длинноствольным 75-мм орудием. («Хани» — английское сленговое название американского легкого танка «Стюарт». — Прим. пер.)

Немецкое разведывательное подразделение готовится возобновить свое продвижение. Солдат справа держит ручной пулемет MG 34.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, 1941–1943

В этой главе на примере пяти различных этапов будет рассмотрен опыт немецких солдат на Восточном фронте с момента вторжения в Советский Союз в июне 1941 года до битвы под Харьковом весной 1943 года. Каждый из этих пяти обзоров дает возможность представить ту огромную и многоликую войну, которая велась в Советском Союзе: во-первых, это действия немецкого солдата у ворот Москвы зимой 1941 года, когда температура опускалась ниже минус 40 градусов по Цельсию и советские войска, прибывшие с Дальнего Востока, контратаковали в разгаре зимы; во-вторых, война 1942 года в горах Кавказа, в которой приняли участие элитные части немецких горных егерей; в-третьих, вновь в 1942 году, городские военные действия и уличные бои в руинах Сталинграда; в-четвертых, операции против партизан в тылу немецких армий на оккупированной территории СССР; и, наконец, «варваризация» войны на Восточном фронте и участие немецких солдат в массовых убийствах советских граждан.

Битва за Москву

Сразу после нападения на Советский Союз в июне 1941 года, имевшего кодовое название «Операция Барбаросса», немецкая группа армий «Центр» двинулась к Москве. 1 октября 1941 года, когда немецкие солдаты находились примерно в 80 км от Москвы, немцы начали операцию «Тайфун» — удар, благодаря которому они рассчитывали в течение ограниченного периода времени, оставшегося до наступления зимы, овладеть советской столицей.

Немецкому солдату приходилось бороться сразу с двумя противниками — с советским сопротивлением и с погодой. Что касается погоды, то когда немцы наступали по территории СССР, они подозревали, что именно может созреть над Арктическим океаном и вскоре про-

нестись над полями сражений. Когда лето сменилось осенью, один ветеран вспоминал: «Нерезкие уже лучи солнца, низко висящего над горизонтом и широкими равнинами, сбивали нас с толку. Но каждый вечер... зловещие черные тучи собирались вдали, поднимаясь высоко над степью. Эти темные массы несли из стратосферы дождь, лед и снег наступающей зимы». Именно погода, а снег выпал необычно рано — 8 октября, — впервые задержала немецкое наступление и превратила жизнь немецкого солдата в жуткое существование. Снег вскоре растаял, и осенние дожди превратили всю землю в грязь.

В ноябре, когда температура понизилась, грязь замерзла, и выпал снег. Солдаты группы армий «Центр» были абсолютно не подготовлены к наступлению русской зимы, поскольку Верховное командование рассчитывало, что война будет выиграна к октябрю. Зимнее снаряжение для немецких солдат в России все еще находилось в Польше и не было отправлено вперед из-за боязни загружать линии снабжения как раз тогда, когда шло наступление. В результате поверх стандартной формы немецкий солдат мог надеть только комбинезон из грубой хлопчатобумажной ткани, под который бойцы подкладывали газеты, чтобы хоть как-то защититься от холода. Эффект холодов усиливало и отсутствие укрытий у немецкой пехоты. Земля замерзла, и копать ее было невозможно (разве что взрывать динамитом), а местные здания были разрушены во время боев или сожжены отступающими советскими войсками. Немецкая 112-я пехотная дивизия, обеспечивая правый фланг наступления, к 17 ноября потеряла из-за обморожений свыше 50 процентов личного состава. Когда русские 18 ноября атаковали позиции дивизии, соединение оказалось не только обескровлено в результате обморожений солдат, но еще и смазка автоматического оружия замерзла настолько, что вести огонь можно было только одиночными выстрелами. Нечто подобное произошло и со снарядами для 37-мм противотанковых орудий: артиллеристы 112-й дивизии обнаружили, что упаковочное смазочное вещество на снарядах замерзло, и его нужно было счищать ножом, прежде чем загружать снаряд в казенник. Тем временем советская пехота, привычная к холоду и одетая в ватники, атаковала немцев при поддержке все уве-

личивающегося количества танков Т-34, против которых 37-мм орудие было бесполезным, за исключением выстрелов в упор.

Генерал Хайнц Гудериан, командующий 2-й танковой армией, 28 ноября писал домой жене: «Только тот, кто видел бесконечные просторы русского снега во время зимы нашего несчастья и чувствовал ледяной ветер, который хоронил под снегом все на своем пути, только тот, кто двигался час за часом через эту совершенно безлюдную землю и находил в конце концов лишь слабое укрытие вместе с плохо одетыми, полуголодными солдатами, и тот, кто видел хорошо накормленных, тепло одетых и полных сил сибиряков, полностью экипированных для зимних сражений, только тот, кто знал все это, может истинно судить о произошедших сейчас событиях». Тем не менее, операция «Тайфун» продолжалась, танки и пехота все еще пытались взять Москву.

2 декабря 1941 года подразделения 258-й пехотной дивизии осуществили глубокий прорыв к окраинам Москвы, сообщалось, что немецкие солдаты уже могут видеть башни Кремля. Этот удар был наибольшим приближением немцев к Москве. Между тем погода оказывала на немецких солдат негативное действие и замедляла их наступление. На некоторых участках фронта в конце ноября и начале декабря температура опускалась до минус 40 градусов по Цельсию — затворы винтовок прочно замерзали, масло в маслосборниках имело консистенцию густого дегтя, замерзшие генераторы не позволяли запустить двигатели машин, аккумуляторные пластины деформировались, блоки цилиндров двигателей раскалывались подобно скорлупе ореха, и шпиндели никак не поворачивались. Учтя слишком растянутые боевые порядки немцев, советские войска начали контрнаступление, которое возглавил генерал Георгий Жуков, бросивший в бой сибирские дивизии, переброшенные с советского Дальнего Востока.

В ночь с 5 на 6 декабря Жуков начал свое наступление, в котором было задействовано 17 свежих армий. Немцы оказались к нему абсолютно не подготовлены. Только ручные гранаты должным образом функционировали в условиях русских морозов. В добавление к страданиям от холода и обморожений, многие солдаты забо-

лели дизентерией. Солдаты, страдающие дизентерией и вынужденные справлять нужду на открытой местности, рисковали умереть в результате замораживания заднего прохода. Тем временем те, кто еще мог принимать пищу, наблюдали, как масло отпиливают пилой, а топор мясника отскакивает от замерзшей конины, словно от камня. Становилось невозможно выполнять повседневную обыденную работу. Если солдат, получивший свою порцию супа на полевой кухне, не мог найти свою ложку, через 30 секунд суп становился тепловатым. Через короткое время еда окончательно остывала, а потом замерзала.

По мере того как немцы под натиском войск Жукова отходили назад, некоторые стали прибегать к нанесению себе телесных повреждений, чтобы избежать отправки на фронт. Но в связи с нарушением коммуникаций и практически полным отсутствием сообщения с тыловыми районами эти солдаты рисковали зарабо-

тать гангрену, а если подобный самострел раскрывался, то это означало смертную казнь по приговору суда, так как нанесение себе увечий являлось очень серьезным правонарушением. Чтобы избежать ужасов поля боя, некоторые солдаты даже совершали самоубийство, прижимая к груди ручную гранату. Из-за холода, который пережили немецкие солдаты, они назвали медаль, отчеканенную за первую зимнюю кампанию, «Мороженое мясо».

Под натиском советского контрнаступления танковые экипажи вынуждены были оставить свои машины и сражаться в рядах пехотинцев, поскольку мороз обездвижил их танки. Немногие дороги, ведущие на запад, были запружены колоннами отступающих немецких войск. К Рождеству 1941 года Гудериан в своей армии имел менее 40 боеспособных танков. В пехотных частях из-за обморожений было проведено 14 357 ампутаций, что равняется численному составу целой дивизии. Тем временем «умеренные» обморожения вывели из строя еще 62 тысячи солдат, а по причине легких обморожений многих солдат для восстановления пришлось на несколько дней вывести с фронта. Зима 1941/42 года была худшей для немецкого

Солдаты немецкого противотанкового расчета стреляют из винтовок по отступающим советским войскам, в то время как наводчик занят своим 50-мм орудием Pak 38.

солдата, поскольку Верховное командование германской армии не подготовилось к войне в условиях русской зимы. Впоследствии войска получили зимнее обмундирование. Но даже одетых в зимнюю одежду солдат морозы сильно щипали в течение всей войны. После провала плана захвата Москвы фронт стабилизировался. Теперь Германия готовилась к своей летней кампании 1942 года: наступлению группы армий «Юг» на Кавказ, нефтяные месторождения Баку и город Сталинград на реке Волге.

КАВКАЗ

В ходе наступления на Кавказ летом 1942 года немцы, чтобы пробиться через Большой Кавказский хребет, задействовали элитные горные части. Эти горно-стрелковые подразделения (Gebirgsjäger) отлично проявили себя в битве за Крит в 1941 году. Теперь перед ними стояла задача взять самую высокую вершину Кавказа — гору Эльбрус высотой 5630 м. Битва за Кавказ отражала исключительное разнообразие природных условий, в которых немецкий солдат сражался в ходе Второй мировой войны, — от пустынь Северной Африки и тундры Лапландии до роц Нормандии и высоких вершин Кавказа.

В ходе операции «Барбаросса» немецкие автомашины используют импровизированные деревянные настилы для проезда через болотистую местность.

Недавно сформированная группа армий «А» возглавила наступление немецких войск на Кавказ. Целью наступления был захват кавказских нефтяных месторождений, сосредоточенных вокруг Баку. Передовыми частями наступления были егеря XXXIX горного корпуса. Когда войска продвинулись к предгорьям Кавказа, горную пехоту по-разному встречало местное население. Некоторые народы, враждебно настроенные по отношению к советскому правительству, приветствовали захватчиков; другие, как вспоминал генерал Эвальд фон Кляйст, командующий 1-й танковой армией, были не столь гостеприимны: «На ранних этапах... я мало сталкивался с организованным сопротивлением. Как только мы обошли русские войска, большинство солдат, казалось, больше стремились вернуться в свои дома, чем продолжать сражаться. Это в корне отличалось от того, что происходило в 1941 году. Но когда мы продвинулись на Кавказ, там мы столкнулись с местными войсками, которые сражались более упорно, потому что они сражались, защищая свои дома.

Их упорное сопротивление было еще более эффективным, так как этому способствовал сложный рельеф местности».

Кляйст был прав, подчеркивая сложный характер местности, который особенно затруднял эвакуацию раненых солдат. Легкораненые всеми силами старались остаться на линии фронта, поскольку в случае эвакуации их шансы выжить снижались почти до нуля. Эвакуация означала поэтапный спуск по горным тропинкам на носилках, которые несла поочередно по четверо команда из восьми солдат. Один солдат вспоминал, что тяжелораненые часто падали с носилок, когда носильщики спотыкались на каменистых тропах; солдаты, уже имевшие переломы и инфицированные раны, получали еще большие повреждения. Когда раненого доставляли на эвакуационный пункт, часто было уже слишком поздно: начиналась гангрена и заражение крови, и раненому еще везло, если он отделялся лишь ампутацией.

В горах горно-стрелковые войска сражались, не имея четко очерченных линий фронта. Оборонительные позиции на высоких вершинах были достаточно редкими, и разведывательные отряды глубоко проникали в тылы противника. В этой суровой местности, продвигаясь все даль-

ше на Кавказ, немцы далеко позади оставляли свои и без того тонкие линии снабжения. Горно-стрелковые части также принимали участие в наступлении на порт Туапсе, который никак не удавалось захватить из-за того, что труднопроходимая местность и противник блокировали продвижение немецких войск. К тому же дождь и снег задерживали атаки немцев. В то же самое время разгром румынской горной дивизии под Моздок в результате советского контрудара лишил Кляйста последней возможности прорваться через Кавказские горы в конце октября 1942 года. В конечном итоге разгром немецких войск под Сталинградом в начале февраля 1943 года сделал немецкие позиции на Кавказе непригодными для обороны, и горно-стрелковые дивизии отошли.

Но все же во время этого наступления штурмовая группа горных стрелков покорила двойную вершину Эльбруса. Подъем начался 17 августа, а на рассвете 21 августа отборная группа скалолазов начала восхождение на вершину. К 11 часам в ухудшающихся погодных условиях

Тяжело груженная и хорошо замаскированная немецкая гаубица на конной тяге пересекает равнины Советского Союза.

вершина была покорена, на ней был поднят германский флаг. К флагштоку была прикреплена эмблема горно-стрелковой дивизии. Триумф, однако, был кратковременным: когда русские вернулись в этот район в конце 1942 года, перед группой опытных альпинистов в первую очередь была поставлена задача снять нацистский стяг и таким образом уничтожить все следы немецкого присутствия на высочайшей вершине Евразии. В начале 1943 года горные егеря, еще остававшиеся на Кавказе, вынуждены были поспешно трубить отход, чтобы не попасть в плен, который стал возможен после триумфального завершения операции «Уран» — окружения под Сталинградом советскими войсками германской 6-й армии, что угрожало отрезать все немецкие войска на Кавказе. Битва за Сталинград вызвала появление нового типа боевых действий: уличных боев буквально за каждый дом, что совсем не походило на массовые сражения на открытых пространствах степей или на горных высотах Кавказа.

Немецкие штурмовые войска пересекают Днепр на резиновой лодке в июле 1941 года; такие переправы были обычными в первые годы войны.

СТАЛИНГРАД

Наступление группы армий «А» на Кавказ сопровождалось выдвижением группы армий «Б», возглавляемым 6-й армией, которая, в свою очередь, наступала на Сталинград. Штурм города начался 12 сентября 1942 года. Перед штурмом немецкая артиллерия и авиация подвергли город массовой бомбардировке, превратив застроенные районы в руины. Эти развалины были превращены советской пехотой, защищавшей город, в идеальные оборонительные позиции. Вскоре немецкая пехота увязла в сражении, пытаясь захватить ключевые заводы на севере Сталинграда, господствующую высоту Мамаев курган (102 м) в центре и большой зерновой элеваторный комплекс на юге. В сражении, вначале представлявшемся второстепенным, теперь оказались задействованы более 20 дивизий, включая несколько танковых. Кроме того, эта масштабная битва плохо увязывалась с основным тактическим постулатом немецкой армии, который опирался на исключительную мобильность германских войск. Напряжение битвы постоянно возрастало. Немецкие батальоны уменьшились до размеров рот, и победоносный настрой наступления на Сталинград вскоре испарился. Как вспоминал один солдат, особую проблему представляли притаившиеся в развалинах советские снайперы. Излюбленными их целями были немецкие офицеры. Вскоре крупными подразделениями начали командовать уцелевшие лейтенанты или унтер-офицеры. Во время битвы за Сталинград война обрела новое лицо. Артиллерийский огонь означал не только разрыв снарядов, но и разрушение многоэтажных зданий и превращение в пыль каменной кладки домов. Плотные клубы пыли стояли над городом, и даже полуденное солнце освещало город лишь слабым призрачным светом, в котором совершенно терялся счет времени.

Немецкие солдаты особенно возненавидели уличные бои в Сталинграде. Эти сражения нарушали все правила традиционных военных действий и превращали техническое превосходство немцев в недостаток. Ближний бой особенно дорого обходился немцам. Сражаясь за крупный товарный склад на берегу Волги в конце сентября, они оказались внутри здания, контролируя верхний этаж, в то время как советские солдаты были под ними, а самые нижние этажи

Немецкие солдаты, несмотря на свои шинели, вязанные подшлемники и защитные наушники, трясутся от холода во время страшной русской зимы 1941/42 года.

опять занимали немцы. В образовавшемся слоеном пироге противники так и сражались, закрепившись на занимаемых ими этажах.

Немецкие солдаты прозвали такую войну «Крысиной войной» (Rattenkrieg) — бои шли как на земле, так и под землей, отличаясь неожиданными засадами и нападениями из-за угла. Ни одна из воюющих сторон не щадила своих противников. Руины, в которые превратился город из-за бомбардировок Люфтваффе и артиллерийского огня, стали огромной крепостью. Возможности заминировать узкую улочку или бросить под немецкий танк или на него бутылку с зажигательной смесью свели на нет превосходство немцев в бронетехнике. Битва за Сталинград переросла в серию непрерывающихся отдельных боевых действий, которые вели немецкие штурмовые отряды, пытавшиеся добраться до западного берега Волги. Штурмовые группы насчитывали от шести до восьми человек, которые были вооружены ножами, заточен-

ными саперными лопатками, автоматами и гранатами. Огнемётчики и саперы со взрывчаткой усиливали диверсионные группы, отправлявшиеся в систему городской канализации.

Ввиду приближающейся зимы, командуемый 6-й армией генерал (впоследствии фельдмаршал) Фридрих Паулюс понимал, что оставшиеся очаги русского сопротивления на западном берегу должны быть уничтожены. Паулюс поставил перед своими войсками задачу захватить северную промышленную часть города. Для этого немцы использовали систему канализации и подземные туннели, обходя русские очаги сопротивления, и пробирались к берегам Волги. Жесточайшие бои велись по всему северному сектору, где русские засады обстреливали немецкую пехоту фланговым огнем. В то время как в северной части города с трудом развивалось наступление, очаги сопротивления русских войск продолжали держаться. За день воюющим сторонам удавалось продвинуться лишь на считанные футы.

Бои в северных промышленных районах города продолжались и в октябре, когда немцы поняли, что захватить эту зону будет нелегко. Фабрики «Красный октябрь» и «Баррикады»

превратились в крепости, и военные действия начали напоминать сражения Первой мировой войны, которые велись в сплошных развалинах. Фабрики в промышленных районах города обороняла 308-я сибирская стрелковая дивизия, которую немцы атаковали после сильных воздушных бомбардировок, постоянно натываясь на непрерывные контратаки советских солдат, поддерживаемые с восточного берега русской тяжелой артиллерией. Специальные саперные подразделения были переправлены на самолетах, чтобы помочь немецкой пехоте. Во время атаки 6 октября на Сталинградский тракторный завод один немецкий батальон был полностью уничтожен, когда на открытой местности попал под залп русских ракетных установок «катюша». Немцы продвигались вперед, но такой тяжелой ценой, что это продвижение быстро снижало немецкий наступательный потенциал. Так, 94-я пехотная дивизия уменьшилась до 535 оставшихся в строю человек, а 76-я дивизия после некоторого периода фронтовых действий вообще прекратила свое существование.

14 октября 1942 года немцы начали еще одно наступление. Каждый имевшийся в наличии самолет использовался для бомбардировки советских оборонительных сооружений. Офицер 14-й танковой дивизии вспоминал, насколько непривычно было немецким танкистам, которые привыкли к широким просторам русских степей, сражаться в условиях города. Танки поднимались по грудам камней и мусора и неуклюже продвигались через хаотическое нагромождение металлических конструкций разрушенных цехов, практически в упор стреляя из своих орудий в узких дворах. Многие танки сотрясались от взрывной силы мин противника, становясь легкой добычей советских противотанковых отрядов. Танки врывались в заводские комплексы, и сражение превращалось в беспорядочное противоборство между советской и немецкой пехотой, которая истоптанно колотила друг друга на территориях заводских корпусов.

В этих интенсивных сражениях страдал боевой дух немцев. Один немецкий ефрейтор писал домой: «Отец, ты постоянно говорил мне: «Будь

верен своему знамени, и ты победишь». Но пришло время для каждого здравомыслящего человека в Германии проклинать безумие этой войны. Невозможно описать, что происходит здесь. Каждый, у кого есть голова и руки, продолжает сражаться, и даже женщины воюют наравне с мужчинами». Другой солдат лаконично заметил, что ему на ум часто приходит фраза из Евангелия: «Не останется камня на камне». Здесь на фронте солдаты признавали, что эта фраза стала реальностью.

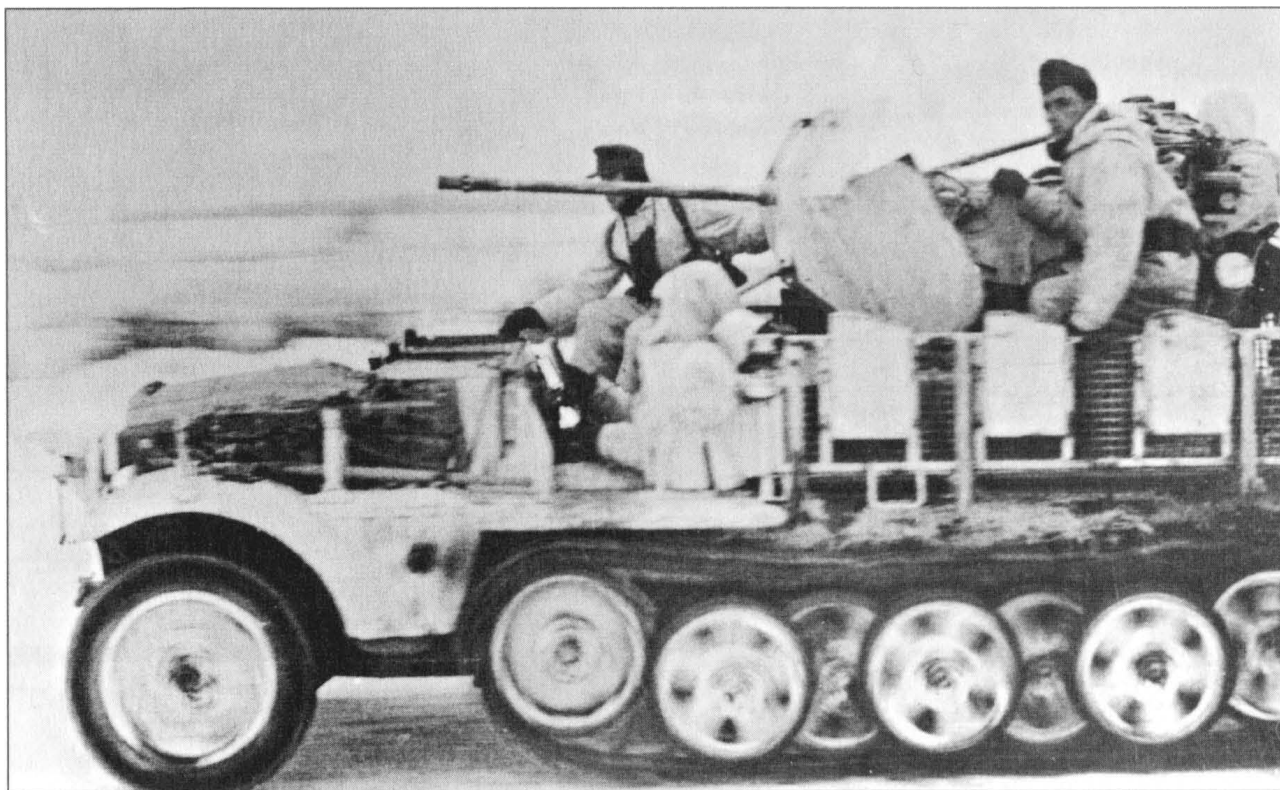
Чтобы зачистить очаги сопротивления, оставшиеся на западном берегу, Паулюс планировал решающий штурм. Когда 11 ноября температура понизилась, генерал вновь бросил своих солдат в атаку. Усиленные свежими саперными батальонами, вперед двинулись шесть пехотных дивизий. Главные здания к северу от Мамаева кургана были захвачены, но после советской контратаки вновь потеряны. Отчаянно желающий взять город, Паулюс приказал танковым экипажам спешиться и в составе пехотных подразделений собраться для финального броска. Командиры танковых войск, стремившиеся сохранить свои обученные экипажи для будущих операций, вместо хорошо подготовленных танкистов отправили механиков и обслуживающий персонал. К середине ноября численность большинства пехотных рот составляла менее 50 человек, причем подразделения теряли самых опытных офицеров и унтер-офицеров. А 19 ноября Жуков начал свое давно спланированное крупное контрнаступление — операцию «Уран», которая охватывала фланги Сталинградского фронта, в результате чего город был окружен и в ловушке, в самом Сталинграде и его окрестностях, оказались более 200 тысяч человек. Рассчитывая только на те небольшие запасы, которые можно было доставить в сжимавшийся «котел» с помощью самолетов, окруженные в Сталинграде немецкие войска медленно приближались к голодной смерти. В январе и феврале 1943 года 90 тысяч солдат, оставшихся в сталинградском «котле», капитулировали. В целом к 1943 году только 5 тысяч человек из числа этих солдат вернулись домой из советских лагерей для военнопленных. Германская армия потерпела решительное поражение, а советские войска одержали большую победу.

Тяжело вооруженная немецкая пехота пробивается через разрушенный Сталинград, преодолевая фанатичное сопротивление.

ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

В течение всей войны на Востоке велась нескончаемая война между партизанами и немецкими оккупационными силами. Партизанские отряды, как правило, состояли из местного населения, советских солдат, попавших в окружение в ходе наступательных операций Вермахта 1941 года, и специалистов, заброшенных самолетами из Москвы. Партизаны представляли собой постоянно растущую угрозу для немецких войск и коммуникационных линий. В результате большое количество немецких солдат вело войну за линией фронта, сражаясь со все увеличивавшимися и хорошо оснащенными отрядами партизан. Одним из таких солдат был Ги Сайер, урженец Эльзаса, который попал в элитную дивизию «Гроссдойчланд». Сайер про-

водил много времени, участвуя в операциях против партизан. В своем повествовании о войне — в книге «Забытый солдат» (в русском переводе — «Последний солдат Третьего рейха». — *Прим. ред.*) — Сайер вспоминал холод, скуку и неожиданные опасности этих операций, когда недели бездействия сменялись неожиданным нападением партизан. Товарищи Сайера ужасно страдали от холода, и были оборудованы специальные «комнаты для обогрева», чтобы помочь солдатам восстановиться после антипартизанских зачисток, в которых им приходилось участвовать в зимние месяцы. Полковой врач рекомендовал солдатам в качестве средства против обморожения алкогольную смесь для смазывания потрескавшихся рук, — процесс мучительный, но необходимый.

С целью повышения мобильности своей противовоздушной обороны немцы устанавливали 37-мм зенитные орудия Flak 36 на полугусеничные машины, такие, как на фотографии, которые с немалой скоростью передвигались по Восточному фронту. В ходе войны немцы постепенно теряли превосходство в воздухе, и зенитные подразделения становились все более и более необходимым дополнением танковых частей.

Зенитные орудия были не особенно эффективными в поражении летящих на малой высоте самолетов противника, если только не имелись в огромных количествах, но они с высокой эффективностью отвлекали внимание летчика, мешая ему, таким образом, поразить цель. На Восточном фронте русские в качестве досаждающих факторов часто использовали одиночные самолеты, сбить которые было очень трудно.

Реакция немцев на угрозы со стороны партизан была чрезвычайно жестокой. Всех партизан расстреливали, и армейские командиры и командиры подразделений СС соперничали друг с другом в применении к партизанам самых крутых мер. Немецким солдатам было приказано расстреливать по 50–100 гражданских лиц за каждого убитого партизаном немца. Взятых в плен партизан публично расстреливали или вешали с плакатами на шее для устрашения других. Немецкие солдаты часто по самому незначительному поводу с помощью местной полиции или казаков устраивали массовые казни жителей целых деревень. 707-я дивизия, дислоцировавшаяся в Белоруссии, только за один месяц расстреляла 10 431 предполагаемого «партизана». Масштабные репрессии лишь способствовали увеличению численности партизанских отрядов, которые скрывались в белорусских лесах и болотах. Во время крупных антипартизанских операций, призванных очистить районы дислокации немецких войск от партизан, немцы разворачивали целые танковые дивизии и привлекали авиацию, что сковывало большое количество войск. Припятские болота и топи Белоруссии находились под полным контролем партизан, это вынуждало немецкое командование отправлять боевые части в болотистую и густо заросшую лесом местность, чтобы выследить партизан, но такая охота приводила к тяжелым потерям среди «охотников».

В оккупированных областях Советского Союза даже простые немецкие солдаты, вдохновляемые нацистской расовой идеологией, вели себя совершенно по-иному, нежели в оккупированных странах Запада. Оккупационные войска, используя малейший предлог, организовывали «охоту на людей», каратели окружали деревни, затем всех обитателей выгоняли из домов и расстреливали. Затем солдаты просто разворовывали имущество расстрелянных. Один из солдат вложил в письмо домой прядь волос русской партизанки, отметив, что эти партизанки дерутся, как дикие кошки, и нельзя считать их людьми. На этот террор партизаны отвечали возмездием, на какое только были способны. Немецкие санитарные поезда пускались под откос, а находящихся там при помощи керосина сжигали заживо. Один немецкий солдат из Могилевского района вспоминал, что до них

дошел слух о том, что в находящемся поблизости колхозе спрятано золото. Несколько солдат отправились в колхоз и в поисках золота разнесли по кусочкам все постройки. Глава поселения умолял их подождать, обещая достать золото в течение суток, — ведь если все дома будут разрушены, колхозникам негде будет зимовать. В сумерках немцы ушли, приказав, чтобы золото было готово на следующий день, или все население колхоза будет арестовано. Был оставлен отряд из четырех человек под командованием солдата по фамилии Фишер. На следующий день никаких сообщений от Фишера по радио не поступило, и поэтому отряд вернулся в деревню на бронемашинах. Они обнаружили, что деревня сожжена дотла и осталось только одно здание. Внутри стоял очень тяжелый сундук, на котором белой краской было написано «Geld» (золото). Открыв его, немцы обнаружили в нем голову Фишера и еще трех немецких солдат.

Излюбленными целями партизан были железные дороги. Для защиты коммуникаций использовались специальные бронированные поезда, стоявшие в укрытиях по всей железной дороге. Повседневная жизнь немецких солдат, задействованных в этих антипартизанских операциях, была весьма насыщенной и суровой. На дорогах было небезопасно, и машинам приходилось передвигаться большими конвоями с установленными на грузовиках тяжелыми пулеметами. Но конвой можно было остановить всего лишь поваленным на дорогу деревом, и затем в остановившиеся машины летели пули. Среди немецких оккупационных войск в результате таких нападений распространялась коварная деморализация. В конце войны страх перед партизанами приводил к тому, что окончательно павшие духом немецкие солдаты совершали многочисленные злодеяния.

ВАРВАРИЗАЦИЯ

Немецкие айнзатцгруппы и полицейские части несли ответственность за массовые убийства и порабощение жителей на оккупированных территориях. В частности, еврейское население должно было быть полностью истреблено. Немецкие солдаты погрязли в том, что было названо «варваризацией» войны на Восточном фронте, когда простые солдаты совершали злодеяния в отношении гражданского населения,

будучи убеждены в том, что этот народ стоит на более низкой расовой ступени. Эти немецкие солдаты совершали самые отвратительные жестокости из-за необходимости соответствовать своим сослуживцам, действующим в условиях расовой войны.

Действия войск германской армии на начальных этапах операции «Барбаросса» продемонстрировали ужасающий характер этой истребительной расовой войны (Vernichtungskrieg) на Восточном фронте. Фронтовые войска действовали в соответствии со специальными, постоянно действующими приказами, которые позволяли им расстреливать пленных советских комиссаров, что являлось нарушением международных законов и принятых норм человеческого поведения. Верховное командование германской армии не особенно противилось подобным приказам. С советскими военнопленными, в огромных количествах попадавшими к немцам в ходе операции «Барбаросса», обращались совсем иначе, чем с французскими, британскими и бельгийскими солдатами, которых брали в плен в 1940 году. Советские пленные часто умирали от непосильной работы или погибали от голода и болезней. В течение шести месяцев с момента нападения на Советский Союз более двух миллионов советских военнопленных умерли от голода за колючей проволокой в холодных лагерях, расположенных под открытым небом.

Большинство массовых казней гражданского населения совершили подразделения СС. Одним из самых печально известных массовых убийств, совершенных эсэсовцами, было уничтожение 33 771 еврея в Киевском урочище Бабий Яр. Вскоре после того как немцы заняли Киев, партизаны взорвали штаб германской 6-й армии, располагавшийся в гостинице «Континенталь» в центре Киева. В качестве «возмездия» 26 сентября 1941 года немцы расклеили приказ, в соответствии с которым все евреи должны были в течение трех дней явиться для «переселения». Поверив в переселение, более 30 000 евреев, как и было предписано, явились в Бабий Яр, пройдя около мили к огромному оврагу, расположенному на границе города. Там несчастных заставляли раздеваться, а затем расстреливали. Других заставляли бежать мимо строя, и в это время по ним

Расчет немецкой 37-мм противотанковой пушки Pak 36 устанавливает выносные станины орудия во время боев за украинский город Харьков весной 1943 года. Эти орудия были неэффективными против тяжелых советских танков с наклонной лобовой броней. В ходе войны калибр противотанковых орудий рос, а сами они становились крупнее и тяжелее, чтобы бороться с усиленной броневой защитой новейших танков. В результате на более поздних этапах войны противотанковые орудия обычно устанавливались на бронированном шасси, становясь похожими на те самые танки, для уничтожения которых они и предназначались. Обратите внимание на смотровую щель в щитке орудия, предназначенном для защиты наводчика от винтовочного и пулеметного огня противника.

открывали огонь. Убийства продолжались два дня, в этом овраге расстреливали также пленных советских солдат. Позднее ров забросали тонким слоем негашеной извести и земли. Этого оказалось недостаточно — шесть месяцев спустя из Бабьего Яра начали доноситься приглушенные хлопки, когда газы от разлагающихся тел вырывались из-под земли. Тогда немцы вскрыли захоронение и попытались сжечь тела казненных, чтобы скрыть совершенное злодеяние.

Бойня в Бабьем Яру была не самой массовой из тех, что совершались на оккупированной территории. В Одессе румынскими союзниками Германии при пособничестве местных военизированных отрядов, враждебно настроенных к евреям, было убито около 75 000 мирных граждан. Те евреи, цыгане и другие «расово нежелательные» лица, которым удалось уцелеть в этих первых бойнях, были отправлены в печально известные лагеря уничтожения, которые строились на оккупированных немцами территориях Восточной Европы.

Обращение с советскими гражданами, евреями и советскими военнопленными обесчестило германскую армию. Обыкновенные полицейские принимали участие в массовых казнях, профессора, юристы и врачи командовали айнзатц-группами. За самые чудовищные преступления оказались ответственны специальные карательные отряды и войска СС, но даже рядовой солдат на Восточном фронте обращался с человеческой жизнью преступно пренебрежительно, и этого нельзя оправдать тяжестью военных условий.

РАЗГРОМ НА ВОСТОКЕ, 1943–1945

После разгромных поражений Германии в течение зимы и весны 1942–1943 гг. Гитлер был полон решимости вновь захватить инициативу, начав летнюю наступательную операцию «Цитадель», целью которой было окружить и уничтожить советские войска, расположившиеся на Курском выступе. Он начал с крупного, но менее честолюбивого наступления, в котором на самых узких участках фронта максимально сконцентрировал танковые части, чтобы срезать Курский выступ, который глубоко вдавался в немецкие позиции, и истощить силы советских войск. Таким образом, немецкая армия вернулась к тактике изнурения, поскольку Гитлер пытался повторить крупные победы 1941 года. Но несмотря на то, что немцы собрали мощную группировку танковых войск, операция была плохо продумана, и в результате неоднократных отсрочек пропал элемент неожиданности. Таким образом, немцы атаковали крупные советские силы, расположившиеся в подготовленных позициях, с глубоко эшелонированной обороной и находящимися неподалеку большими механизированными резервами. В результате началась ожесточенная битва на перемалывание — величайшая битва Второй мировой войны, — которую немцы уже не могли выиграть. Среди тех, кто сражался под Курском, был обер-лейтенант Артур Шутте, командир танковой роты танково-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд», приданной XXXXVIII танковому корпусу из состава 4-й танковой армии генерал-полковника Германа Гота. Этот корпус нанес удар севернее Белгорода в направлении Курска. Вначале, когда дивизия ворвалась в населенный пункт Завидовка, все шло замечательно легко, вспоминал Шутте.

Однако русские намеренно оставили Завидовку, чтобы выманить немцев на открытое пространство. И тотчас за деревней танки наткну-

Немецкие мотоциклисты на мотоцикле с коляской отчаянно пытаются протолкнуть свой мотоцикл BMW через отвратительную весеннюю грязь.

Июль 1943 г. Немецкие гренадеры подкрепляются во время затишья в боях за Курск. Обратите внимание на танк «Тигр» на заднем плане.

лись на минные поля, такие плотные, что Шутте подумал — и лишь с небольшим преувеличением, — что между минами невозможно вставить даже медаль. И уже скоро дивизия была вовлечена в жестокое сражение, которое Шутте сравнил с Верденской битвой 1916 года. Таким образом дивизия была уведена от своей первой цели: деревни Сырцево на реке Пена. Шутте вспоминал, что он никогда не видел поселение более отчетливо, чем в тот первый день, — впоследствии оно исчезло в клубах дыма и пыли. Танкист с горечью вспоминал, как им было приказано удерживать местность, занятую с такой легкостью и на которой потом они понесли такие тяжелые потери от артиллерии, предварительно пристрелявшей оставленную местность. Шутте сказал своему командиру, что, «выбив Ивана, мы должны были сразу же удалиться, чтобы позволить русским стереть эту деревню с лица земли. И тогда мы смогли бы в относительной безопасности двинуть вперед танки».

Множество танков были подбиты многочисленными и искусно замаскированными советскими противотанковыми орудиями. Сильная ночная буря, в результате которой разлилась река Пена, осложнила наступление: кукурузные поля оказались затоплены, и танки Шутте увязали в земле, превратившейся в трясины. Его рота с большим трудом пробилась вперед на пару километров и достигла еще одной деревушки, которую противник также быстро оставил. Но на сей раз Шутте не поддавался на этот трюк: он не желал опять оказаться в ловушке в покинутом селении. Ослушавшись приказа, он не стал занимать деревушку, а остановил свои танки на противоположном от советских войск склоне и стал дожидаться огневого вала русской артиллерии, который начался почти в сумерки. Как только в полночь огонь прекратился, его рота без потерь заняла деревню, которая превратилась в дымящиеся развалины. Ее крытые соломой дома еще пылали, и дым огромными клубами поднимался с обломков. С наступлением рассвета рота атаковала, застав врасплох противника, который посчитал, что артобстрел нанес немцам тяжелые потери. Поскольку фак-

тор неожиданности играл существенную роль, не было времени для трудоемкого разминирования, и несколько танков подорвались на минах.

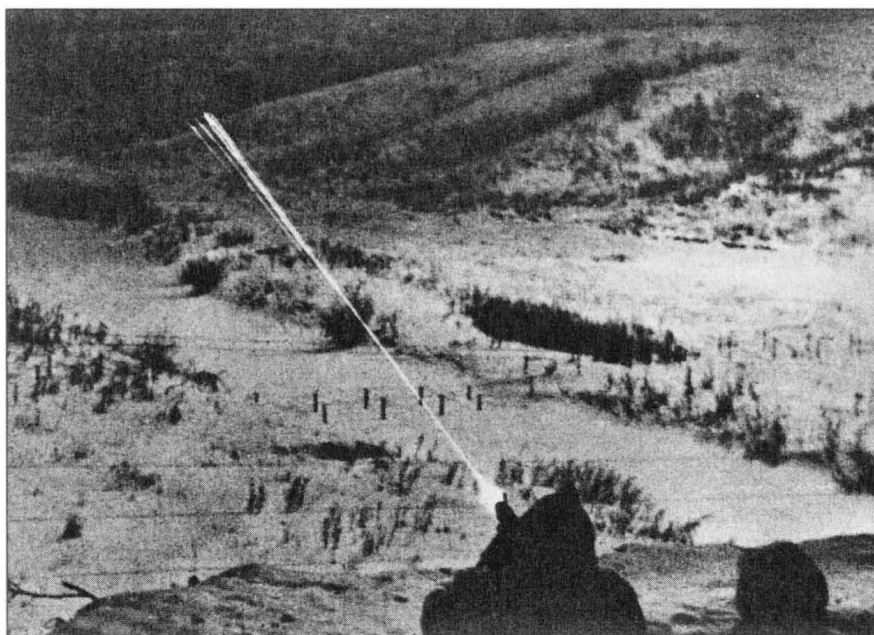
Но когда свежие силы противника вступили в бой, атака застопорилась. Поле боя выглядело совершенно опустошенным и безжизненным: груды рассыпанного зерна, десятки разрушенных танков и мертвые тела, источающие на летней жаре отвратительный запах. Шутте шокировал вид солдата, которого разрыв снаряда застал во рву сидящим на корточках со спущенными штанами. «Это казалось совершенным унижением», — вспоминал он. Позже, проходя через небольшой подлесок, командир роты поднял голову и увидел лицо вражеского снайпера, сидящего на дереве. В панике из своего пистолета он выпустил целую обойму в человеческую голову, заброшенную на дерево взрывом артиллерийского снаряда.

Только на третий день XXXXVIII танковому корпусу все-таки удалось прорваться в Сырцево, что позволило танкам Шутте занять соседнюю деревню Березовка. Но советские войска быстро оправались и бросили в контрнаступление 1-ю танковую армию. В результате состоялось танковое сражение, в котором с обеих сторон приняли участие до 500 танков, огонь велся практически в упор, и вскоре клубы пыли, поднявшиеся от разрывов снарядов и гусениц маневрирующих танков, окутали поле боя. В то утро Шутте шутливо заметил своему наводчику орудия, что

«это был прекрасный день для увеселительной прогулки», но вечером он пожалел о своем беспечном оптимизме: за весь день войска нисколько не продвинулись, и их цель — Курск оставалась такой же далекой, как и Луна. Вечером, во время передышки, Шутте понял, что с 1941 года русские многому научились у немцев.

На следующий день, 9 июля, советские войска перешли в контрнаступление. Такой тяжелой и продолжительной была начавшаяся артподготовка, что Шутте охарактеризовал ее как «непрекращающееся землетрясение». Последовали дни непрерывного сражения, достигшего кульминации 12 июля, когда германские войска предприняли последний удар, впоследствии получивший известность как «Смертельный бросок 4-й танковой армии», когда у села Прохоровка произошло крупнейшее танковое сражение в истории военных действий. Этот день был необычайно жарким, и над полем сражения поднялось столько пыли, что видимость снизилась практически до нуля. Действительно, в какой-то момент в этом пыльном тумане даже произошло лобовое столкновение немецкого танка «Пантера» и советского Т-34. Видимость была такой плохой, что немецкие танки не могли воспользоваться своим преимуществом в дальности орудий и превосходством немецкой оптики. Рота Шутте, задействованная на периферии сражения, была выбита из Березовки и временно отрезана от основных сил,

Замаскированный пулеметчик стреляет в сумерках сквозь заграждения из колючей проволоки где-то на Восточном фронте. Трассирующие пули, которыми он ведет огонь, отчетливо видны в угасающем свете. Такие оборонительные позиции, если они только не усиливались позициями противотанковых орудий, были малоэффективны против советских танков. Обратите внимание на специальные секции проволоки, сооруженные для того, чтобы не позволить противнику использовать замерзшую реку.

когда советское командование ввело в наступление всю 5-ю гвардейскую танковую армию. Шутте вспоминал, что он никогда не видел так много русских: «Иваны пронеслись по всему полю боя, как крысы». Введение в бой советского стратегического резерва склонило в их пользу чашу весов Курской битвы: наступление германских войск было остановлено, а введенные силы превратили бой в отступление к начальным позициям, которое проходило под интенсивным и непрекращающимся натиском русских. «Гроссдойчланд» и другие дивизии были обескровлены. Под Курском Гитлер попытался перехватить стратегическую инициативу и потерпел поражение.

ГРУППА АРМИЙ «ЦЕНТР»

Провал операции «Цитадель» отметил неуклонный переход стратегической инициативы к Советам, с этого времени Красная Армия постоянно теснила немцев, нанося тяжелые потери. Вскоре советские войска перешли к наступательным действиям по всему фронту, и по мере уменьшения мобильности немецких войск последние все чаще и чаще оказывались в окружении и терпели поражения. В июне 1944 года германская армия потерпела величайшее поражение, когда русские начали операцию «Багратион», призванную разгромить группу армий «Центр». В течение нескольких дней Красная Армия на многих участках прорвала немецкий фронт и вышла на оперативный простор. Механизированные колонны стремительно врезались в глубокий немецкий тыл, разрушая коммуникации, нарушая управление войсками и окружая дивизию за дивизией. К тому времени, когда советское наступление в сентябре несколько истощило свои силы, оно не только отбросило немцев с территории Советского Союза в Польшу, но еще и уничтожило не менее 26 немецких дивизий. А от многих дивизий остались лишь небольшие группы отставших солдат, которые в превратившейся в лохмотья форме многие километры пробирались по местности, кишевшей войсками противника и партизанами, пока не присоединялись к своим войскам и не оказывались в относительной безопасности, но число и этих солдат постоянно сокращалось. Большинство их так и не вернулось: некоторые остались лежать в импровизированных придо-

рожных могилах, остальные чахли в советских лагерях для военнопленных.

Среди тех, кто пережил и окружение, и мучительное отступление, был майор Отто Лемм, командир 1-го батальона 27-го фузилерного полка 12-й пехотной дивизии. Это соединение имело великолепную боевую репутацию, являясь одной из кадровых дивизий германской армии, сформированных еще до войны. Она неоднократно отлично проявляла себя как в наступательных, так и в оборонительных операциях на северном фланге Восточного фронта. 22 июня 1944 года дивизия была развернута на основной линии обороны восточнее Могилева, где батальон майора Лемма защищал позиции за рекой Проня. Лемм, имевший за плечами пятилетний военный опыт, лично контролировал строительство тщательно разработанной

Танк «Пантера», впервые и так неудачно появившийся под Курском в 1943 году, стал опорой немецкой обороны в 1944–1945 гг. Являясь одним из лучших танков этой войны, «Пантера» заимствовала скошенную броню у своего соперника — советского Т-34, а ее 75-мм орудие пробивало броню большинства советских танков. Эта фотография сделана вне зоны боевых действий, поскольку ствол орудия закреплен на специальном кронштейне, который использовался только вне боя. Советский Союз достиг численного превосходства в танках над Германией уже в начале 1942 года, но качество немецких танков и подготовка их экипажей в некоторой степени компенсировали этот дисбаланс. Тем не менее, благодаря численному превосходству, русские теснили немцев к границам Рейха.

сети оборонительных укреплений: блиндажей, бункеров, заграждений из колючей проволоки, одиночных окопов и коммуникационных траншей. На горьком опыте познав мощь советской артиллерии, майор Лемм в свои передовые посты выставил лишь небольшое охранение, сосредоточив большинство солдат в относительной безопасности в хорошо укрепленных бункерах, построенных на недоступных прямому артиллерийскому огню склонах. Таким образом, когда 22 июня началась советская артподготовка, он тотчас понял, что происходит — началось давно ожидаемое наступление, — и отдал приказ об эвакуации передовых постов наблюдения.

Основной удар советской артиллерии пришелся на позиции переднего края, уничтожив многие из них. Но советские артиллеристы все еще не поняли, что огонь нужно вести по задним

склонам высот, где засело большинство обороняющихся немцев. В результате батальон потерял только двух человек. Когда огневой вал прекратился, появился противник: 139-я стрелковая дивизия начала форсирование реки Проня. Солдаты Лемма бросились обратно к своим передовым позициям и обрушили град пуль на тех нападавших, которые уже достигли берега. Под шквалом огня советское наступление развалилось и уцелевшие отступили обратно за реку. На следующий день русские вновь начали наступать под прикрытием заградительного огня, и на этот раз им удалось прорваться на одну из позиций роты. Майор Лемм незамедлительно организовал контратаку и лично возглавил резервную роту батальона, сформированную из отборных ветеранов, проявивших решительность в предыдущих сражениях. Он стре-

мительно двинулся вперед, стреляя с бедра из своего автомата, в то время как остальные пехотинцы забрасывали противника ручными гранатами, а батальонные минометы вели заградительный огонь, всего лишь на 50 м опережая атакующие войска. Вскоре, когда батальон вступил с противником в рукопашный бой, воздух наполнился звоном стали.

Однако решительная оборона майора Лемма потеряла всякий смысл, когда оба занимающих смежные позиции батальона оказались разбиты натиском советской атаки и фланги 1-го батальона повисли в воздухе. Лемм был вынужден отступить — первый из многих. Его часть с боями отступала в течение трех ночей, пока наконец силы не оставили солдат, и майор был вынужден сделать остановку. Подразделение оказалось отрезанным от основных сил и, не имея связи с высшим командованием, не знало, где проходит линия фронта. Каждый день батальон встречал разведывательные группы противника, с которыми был вынужден вступать в бой. Боеприпасы почти иссякли, и боевой дух солдат начал падать.

Наконец, на четвертый день, 25 июня, после гибели командира 2-й роты «сломались» и бойцы подразделения. Солдаты в панике бежали со своих позиций. Осознав тяжесть положения, Лемм на мотоцикле выехал на позиции роты, перехватывая по пути отбившихся солдат. Он заставил их построиться словно на параде и провел смотр, обратившись со словами подбадривания и утешения к каждому отдельно. Успокоив солдат, майор пообещал, что выведет батальон в безопасное место, но может сделать это лишь при условии соблюдения дисциплины. Затем он лично повел их обратно на позиции. Следующей ночью батальон отступил за Днепр в Луплово и в полдень достиг Могилева. Майор Лемм незамедлительно доложил о прибытии подразделения генерал-лейтенанту Рудольфу Баммлеру — коменданту этого города, обозначенного как укрепленный узел, и предоставил батальон в его распоряжение.

Но Баммлер был неопытным командиром — он всего три недели служил на Восточном фронте, куда прибыл после идиллической гарнизонной службы в Норвегии, и его только что, в то самое утро 27 июня, назначили командовать обороной Могилева, приказав любой ценой,

даже ценой жизни, удержать город. Баммлер приказал батальону майора Лемма усилить гарнизон. Но в городе фактически не имелось боеприпасов, и Лемм понимал, что остаться — значит обречь свой батальон на уничтожение. Командир не захотел бессмысленно жертвовать своим подразделением. Поэтому он не повиновался приказу Баммлера, совершив тем самым воинское преступление, за которое трибунал выносил смертный приговор, но Баммлер позволил майору уйти, поскольку знал, что Могилев будет сдан, и весьма скоро. На следующее утро 1-й батальон пробился через русские войска, которые почти окружили Могилев. После кошмарного перехода, во время которого численность батальона увеличилась за счет присоединения отбившихся от своих частей солдат, он пробился в западном направлении к реке Неман. Партизанские отряды неоднократно атаковали отряд, когда он пробирался через лес. Эти внезапные и молниеносные нападения постепенно уменьшили численность батальона, тяжелораненых приходилось оставлять с пистолетом и единственной обоймой — считалось, что лучше совершить самоубийство, чем попасть в руки партизан. Когда батальон Лемма подошел к краю леса, то встретил свои войска. Кошмар закончился: солдаты достигли линии немецкого фронта. Но во время отступления Лемм потерял большую часть своего батальона.

Гораздо меньше повезло генералу Баммлеру и всему могилевскому гарнизону. Срок пребывания в должности коменданта города у Баммлера продолжался чуть более 24 часов. К вечеру 28 июня гарнизон был зажат в центре города. Не имея тяжелого вооружения и испытывая нехватку боеприпасов, немцы оказались в безнадёжном положении. На следующее утро Могилев пал, и Баммлер оказался в плену у русских. В 1946 году его казнили за якобы совершенные военные преступления.

«ГЕРМАНСКИЕ СТРАСТИ»

Весной 1945 года продолжалось то, что эвфемистически обозначается как «Восточно-германские страсти», когда Красная Армия обрушила на немецкое население тот же ужас и зверства, которые нацистский произвол принес советскому народу. В течение нескольких дней с начала советского зимнего наступления

Тяжело навьюченные снаряжением немецкие солдаты наступают по полям; на заднем плане видна горящая русская деревня.

12 января 1945 года, которое пронеслось через линию Вислы и далее в Восточную Пруссию, в стране воцарился террор. Советские солдаты грабили, насиловали и убивали, продвигаясь по Восточной Пруссии, отчасти вдохновляясь призывами коммунистического писателя Ильи Эренбурга, который заклинал солдат Красной Армии: «Убивайте! Убивайте! ...Раздавите фашистского зверя насмерть в его собственной берлоге». Из-за распространившихся по Померании, Силезии и Западной Пруссии слухов о жестокости русских началось «великое переселение» немецких граждан. Некоторые были перехвачены советским наступлением и жестоко пострадали от рук советских солдат. Одна женщина вспоминала о том, как 10 солдат изнасиловали ее 15-летнюю дочь, которая впоследствии скончалась в больнице от полученных ран. Другие были свидетелями массовых казней. Не

щадили даже стариков и насиловали многих женщин в возрасте от 60 до 70 лет, что часто приводило к их смерти. Многие граждане холодной зимой бежали пешком, унося лишь то, что было на них.

В это бегство оказались втянуты почти все военизированные тыловые эшелоны, женщины-служащие вспомогательных подразделений, повара, чиновники и раненые солдаты. В их числе оказалась Паула Холлхаузер из вспомогательной службы германских военно-воздушных сил, которая служила в прожекторной батарее. Она была одной из многих, кто совершил тяжелое пешее путешествие в середине зимы по узкой песчаной косе Фришес-Нерунг, которая тянется через Данцигский залив, соединяя Восточную Пруссию с Германией. Ночью она спала прямо на льду замерзшего Балтийского моря: на узкой косе ей не хватало места, настолько она была переполнена. Женщина пыталась заснуть под звук хрустящего льда, опасаясь, что подтаивающий лед треснет. Каждое утро она, просыпаясь, видела новые проломы в тех местах, где

накануне на льду лежали люди, а также тела тех, кто умер ночью из-за переохлаждения. Периодически появлялись русские самолеты, вспоминала Холлхаузер, и, сбрасывая бомбы, раскалывали лед, обрекая на смерть многих гражданских людей. Вдоль всей косы встречались страшные знаки: мертвые тела и открытые чемоданы с разбросанными вокруг личными вещами. В действительности людская колонна шла, окруженная с обеих сторон все возрастающей стеной мертвых тел, сломанных и брошенных тележек и фургонов, мертвых лошадей, на которых набрасывались обезумевшие от голода люди, часто поедая мясо сырым и не прекращая движения. Холлхаузер стала одной из тех, кому повезло и кто пережил это испытание — многим же это было не суждено.

ПОСЛЕДНЕЕ СТОЯНИЕ

В последний раз в отчаянии «поскребя по сусекам», Германия весной 1945 года бросала в бой совсем старых и совсем юных. Среди них был фанляйнфюрер Лотар Лёве, 16-летний сын инженера-электрика, именно его в феврале 1945 года назначили командиром роты истребителей танков Гитлерюгенда, которая была приписана к 3-й крепостной противотанковой боевой группе, дислоцированной в Берлине, в аэропорту Темпельхоф. Эта рота была сформирована в Потсдаме — предместье Берлина — после окончательного закрытия берлинских школ. Лёве, считавшийся «старым» среди 10–14-летних мальчишек, которыми он командовал, горел желанием сражаться и, если потребуется, умереть за Фатерлянд. Его рота проходила ежедневное обучение, вспоминал он, изучая фаустпатроны — реактивные противотанковые гранатометы, которыми их должны были вооружить. Однако вследствие дефицита производства молодым солдатам на самом деле позволяли стрелять из фаустпатрона только раз в неделю! Таким образом, бойцы этой роты сделали каждый по полдюжины учебных выстрелов, когда 21 апреля 1945 года им в спешном порядке выдали абсолютно новые фаустпатроны и незамедлительно отправили на оборонительные позиции, окру-

Немецкие пехотинцы из народно-гренадерской дивизии с 88-мм противотанковыми гранатометами «Панцершрек».

Последние остатки живой силы, которые «наскребли по сусекам»: с конца 1944 года Германия призывала подростков и пенсионеров для формирования фольксштурма (народного ополчения).

жавшие аэропорт Темпельхоф — жизненно важный для осажденного Берлина объект.

В последние минуты критическое положение вынуждало германское командование использовать различные ухищрения, вплоть до откровенных подлогов, чтобы заставить сражаться обороняющие Берлин войска. Лёве был одним из многих солдат, одураченных своим собственным правительством. 24 апреля он подобрал листовку, сброшенную с самолета и якобы подписанную комендантом берлинского гарнизона, в которой тот поздравлял 12-ю армию генерала Венка с открытием деблокирующего осажденный Берлин коридора. От этой новости Лёве испытал прилив сил, исчезло возрастающее отчаяние. Берлин можно было удерживать, и он вновь начал в это верить! Но юноша не знал, что эти листовки были фальшивкой, которую намеренно сбросили над Берлином по приказу Ганса Фриче, главы радиоотдела Министерства пропаганды, с целью подкрепле-

ния боевого духа обороняющихся. Передовые части Венка вовсе не находились близ Потсдама! Этот обман многих ввел в заблуждение, вынудив солдат продолжать уже безнадежную борьбу.

29 апреля Лёве оказался в обороне на Софи-Шарлоттен-штрассе, с фаустпатроном и неисправным итальянским автоматом, который то и дело давал осечку. Многие солдаты были вооружены разномастным устаревшим или испорченным оружием, поскольку последние немецкие арсеналы были опустошены. В его «рот» был даже один человек с деревянной ногой! Тем не менее Лёве в ярости удалось с первого выстрела попасть в советский танк и вывести его из строя — подвиг, за который он немедленно был награжден Железным крестом II класса. Это была одна из многих наград, врученных во время битвы за Берлин, когда германское Верховное командование раздавало награды направо и налево, отчаянно пытаясь хоть как-то укрепить решимость солдат.

Но на следующий день Лёве попал на Альбрехт-Ахиллес-штрассе под минометный огонь и был ранен. Осколки попали ему в грудь, левое колено и левую руку. Проведя ночь в оди-

ночестве, страдая от мучительной боли, он добрался на проходившем мимо танке до Потсдама, где, наконец, ему была оказана медицинская помощь. После этого он присоединился к отчаянному прорыву, который предприняли подразделения гарнизона. 1 мая его группа просочилась через советские позиции, но тут удача изменила отряду, и на кукурузном поле недалеко от Этцена совершенно изнемогший от ран Лёве был взят в плен. Охваченные восторгом грядущей победы, советские солдаты достаточно гуманно обошлись с ним, благодаря этому он смог избежать судьбы, выпавшей на долю многих членов Гитлерюгенда, которых принимали за партизан и расстреливали, так как они сражались в своей коричневой, а не армейской полевой серой форме.

На последних этапах войны сражались даже женщины, когда обстоятельства оказались сильнее консервативного отношения национал-социалистов к женщине, которое мешало немецкой военной машине полностью задействовать их в общенациональных военных уси-

Подбитый полугусеничный бронетранспортер 11-й танково-гренадерской дивизии СС «Нордланд», брошенный на берлинской улице среди тел и обломков.

лиях. Одной из таких женщин-служащих была капитан Хильда Лемке, доктор философии и некогда куратор американских студенток, которая осенью 1944 года вступила в Имперскую службу трудовой повинности (РАД), чтобы заменить воздушных наблюдателей-мужчин на берлинских зенитных башнях. Убежденная нацистка, Лемке все еще верила гитлеровским обещаниям, что Советы будут разгромлены у ворот Берлина, несмотря на то что все свидетельствовало о противоположном. Она даже отказалась повиноваться приказу покинуть город, поскольку была решительно настроена внести свой вклад в оборону германской столицы. Лемке осталась в бункере зенитной башни в Берлинском зоопарке. Когда подошли советские войска, ее наконец эвакуировали в штаб Имперской службы трудовой повинности в Грюнвальде.

Оттуда 29 апреля она добровольно отправилась в рейхсканцелярию, расположенную в центральной части города, чтобы забрать Железные кресты, которыми наградили членов РАД. После полного событиями путешествия штурмбаннфюрер СС в безукоризненно чистом мундире провел ее через боковой вход в испещренное следами от снарядов здание канцелярии. Лемке забрала партию из 100 Железных крестов II класса и 30 I класса. Потом вместе с майором они выпили по

бокалу шампанского. Когда Лемке уходила, она увидела, как в здание канцелярии без какого-либо почтения вталкивают группенфюрера СС Германа Фегеляйна. Фегеляйн пытался бежать, но Гитлер тотчас заметил его отсутствие и отдал приказ об аресте беглеца. Чуть позже Фегеляйн был расстрелян в саду рейхсканцелярии.

По возвращении, обнаружив, что штаб ее части уже эвакуирован, Лемке присоединилась к роте Гитлерюгенда, которая направлялась к мосту Галензее — возможно, это была группа Лотара Лёве, — но отряд вскоре натолкнулся на солдат Красной Армии, которые блокировали их продвижение. Юнцы Гитлерюгенда уничтожили не менее пяти советских танков, а Лемке, возбужденная сражением, несколько часов с близкого расстояния наблюдала уличный бой. Но мальчишек неуклонно теснил назад численно превосходящий противник, и, поняв, что здесь ей не спастись, Лемке на попутном транспорте снова добралась до бункера зенитной башни в Берлинском зоопарке.

1 мая 1945 года, когда распространилась новость о смерти Гитлера, Хильда Лемке вновь решила бежать из города. Она отправилась на станцию метро у зоопарка и прошла по туннелю несколько миль вместе с тысячами других, а потом вышла на станции «Рейхсшпортфельд» под Потсдамом. Затем Лемке прошла через Шпандау, все время находясь под огнем противника, где ее подобрал бронетранспортер, но машина опрокинулась в канаву недалеко от города. Она продолжила свой путь пешком и, когда наступила ночь, оказалась в одиночестве на окраине города. Но рано утром 2 мая недалеко от аэродрома Штаакен ее взяли в плен восемь красноармейцев. К счастью, Лемке удалось избежать ужасного изнасилования, которому подверглись многие жительницы Берлина: солдаты, взявшие ее в плен, были вне себя от радости, а возможно, и пьяны, так как уже знали о намерении берлинского гарнизона капитулировать в тот день.

Капитуляция

Немецкие солдаты по-разному встретили капитуляцию 9 мая 1945 года. Для некоторых это была официальная церемония, во время которой офицеры были при полном параде — в перчатках с кортиками и шпагами. Некоторые подразделения шли в плен, до конца оставаясь

нераскаявшимися нацистами. Особенно это было верно в отношении элитных частей, таких, как подразделения войск СС. Некий унтерштурмфюрер СС Дегенхардт вспоминал, что когда 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» сдавалась американским войскам, каждую машину тщательно вымыли, наведя максимально возможный в таких условиях глянец. Однако большинство солдат испытало чувство стыда, когда их окружила толпа солдат противника, которые отбирали у пленных награды и пистолеты «люгер», поскольку каждый солдат хотел разжиться сувениром. В других местах картина была совершенно иной. Смешанные группы грязных, избитых солдат в превратившихся в лохмотьях мундирах устало тащились в лагеря для военнопленных. Многие испытывали унижение от поражения, которое им нанесли те, кого большинство все еще считало представителями «низшей расы». Многие возмущались плохим обращением с ними, часто забывая, что со своим противником они поступали точно так же, а обычно еще и гораздо хуже.

Некоторые немецкие солдаты пытались спастись бегством в нейтральные страны. Некоторым это удалось, большинству — нет. Вполне типичной была судьба Эриха Касселя, артиллериста, который после мучительного отступления в Восточную Пруссию оказался со своей воинской частью в порту Данцига. Там Кассель и его бригада ожидали эвакуации в Северную Германию. В конце апреля его отправили на корабле на полуостров Хель, где он вновь ждал судна, которое отвезет его домой. 7 мая 1945 года прибыл небольшой речной пароход, на который вместе с ним набилось слишком много солдат, так что борта парохода едва выступали над водой. Он был слишком перегружен, чтобы совершить долгое путешествие в Данию, и капитан парохода взял курс на Швецию. Там Кассель был интернирован вместе с тысячами других немцев. Но в декабре 1945 года Швеция передала немецких интернированных Советам, которые держали их в плену до 1955 года. В отличие от Касселя, большинству выжить не удалось.

В июне 1945 года Красная Армия отмечала свою победу парадом, на котором солдаты продемонстрировали захваченные штандарты Вермахта.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ, 1943–1945

В июле 1943 года после разгрома войск «оси» в Северной Африке союзная армия пересекла Средиземное море, и союзники высадились на Сицилии. Затем в сентябре союзные войска пересекли Мессинский пролив и вторглись на материковую часть Италии. В том же месяце итальянское правительство капитулировало и свергло Муссолини. Немецкие войска незамедлительно оккупировали центральные и северные районы Италии, быстро (и часто жестоко) разоружая итальянскую армию. Высадка союзников создала новый театр военных действий, началась Итальянская кампания — полтора года напряженных боев, в течение которых немецкие войска отступали по гористому Апеннинскому полуострову, останавливаясь на подготовленных линиях долговременных оборонительных сооружений, получивших названия: линия Гитлера, линия Густава и Готская линия. В ходе Итальянской кампании немецкий солдат и в обороне показал себя сильным и упорным противником. Чтобы дать представление о характере войны на Апеннинах и боевом опыте немецкого солдата, мы в этой главе сосредоточимся на трех ключевых сражениях кампании: битве за плацдарм у Анцио в январе — мае 1944 года, битве при Монте-Кассино в январе — мае 1944 и прорыве Готской линии в сентябре 1944 года.

Битва за Анцио

22 января 1944 года 378 кораблей союзников высадили у Анцио, в немецком тылу к югу от Рима, британские и американские подразделения VI американского корпуса под командованием генерал-майора Джона Лукаса.

Перед группировкой была поставлена задача: обойти с флангов линию Гитлера, затем линию Густава и захватить Рим. Поначалу десант не встретил никакого сопротивления,

Немецкие парашютисты-десантники на бронетранспортерах и мотоциклах с колясками на дорогах Италии.

поскольку бетонные долговременные огневые сооружения, призванные защищать берег, оказались пусты. Союзные войска захватили трех пьяных немецких офицеров, возвращавшихся после ночи, проведенной в Риме, вспугнули мотоциклиста, застрелив сидящего за ним пассажира, и обнаружили трех солдат, которые прятались в амбаре. Поразительно, но Лукас никак не воспользовался достигнутой внезапностью. Как говорил британский лидер Уинстон Черчилль, на взморье у Анцио оказалась не выпрыгнувшая дикая кошка, а выброшенный на берег кит.

Но ответ немцев на высадку десанта в Анцио оказался быстрым, что многое говорит о гибкости солдат и командования Вермахта в период Второй мировой войны. Прежде всего, немецкое командование оперативно сформировало достаточно мощное соединение; во-вторых, это соединение сражалось так упорно и настолько успешно, что не позволило союзникам выйти за пределы изначально захваченного плацдарма;

Батарея немецких 105-мм легких гаубиц, расположенная на поразительно открытой местности, ведет огонь по союзным войскам на плацдарме Анцио.

в-третьих, контратаки соединения, предпринятые в феврале 1944 года, почти отбросили VI американский корпус обратно в море. Учитывая то, что основная часть германской армии была задействована на защите основной оборонительной линии дальше к югу, и принимая во внимание превосходство союзников на море и в воздухе, можно отметить, что успех немцев у Анцио красноречиво свидетельствует о спаянности небольших подразделений и качестве подготовки солдат Вермахта, что позволило бойцам разных частей настолько успешно сражаться вместе.

РЕАКЦИЯ КЕССЕЛЬРИНГА

Генерал-фельдмаршалу Альберту Кессельрингу, главнокомандующему немецкими войсками в Италии, сообщили о десанте союзников после того, как немецкий солдат смог бежать из района Анцио на своем мотоцикле и доложил о произошедшем офицеру 200-го танково-гренадерского полка. Затем эта информация была передана в штаб. Кессельринг, узнав о высадке десанта в Анцио, понял, что танковые части союзников, продвинувшись с плацдарма и захватив Альбанские высоты к югу от Рима, выйдут также на

Немецкие саперы, чтобы задержать продвижение союзных сил, закладывают бикфордов шнур для подрывного заряда, готовясь к взрыву итальянского моста. Гористая итальянская местность сделала такие мосты исключительно важными для продвижения бронетехники союзников. Восстановление моста или сооружение обходной переправы могло занять несколько часов или даже дней.

расположенные позиции южнее линии Густава. К счастью для Кессельринга, по его приказу уже была сформирована оперативная группа 4-й парашютной дивизии, готовая вылететь туда, где возникнет чрезвычайная ситуация. Кроме того, под Анцио на отдыхе располагались подразделения танковой дивизии «Герман Геринг», которая была сформирована из добровольцев и уже проявила себя в боевых действиях в Северной Африке и на Сицилии. Именно эти соединения, усиленные теми частями, которые удалось задействовать Кессельрингу, стремительно двинулись в направлении Анцио. Через 45 минут после того, как был дан сигнал тревоги, солдаты противотанковой батареи под командованием обер-лейтенанта Германа из состава дивизии «Герман Геринг» были готовы к выдвижению. Артиллеристы считали, что их отправляют на юг сражаться у Монте-Кассино, но батарея была направлена в Анцио. Истребители-бомбардировщики союзников в течение всего пути изводили немецких артиллеристов. Как вспоминал один из солдат батареи, летчики союзников вполне освоили искусство бреющего полета, что сделало поход артиллеристов смертельно опасным. Для батареи обер-лейтенанта Германа открытые дороги превратились в участки гонок со смертью, где скорость и маневренность подразделения имели жизненно важное значение. От самолетов солдаты батареи отстреливались всем имеющимся в наличии оружием, как правило, это были штат-

ные карабины и несколько орудий легкого калибра. Как вспоминал сам Герман, пилоты союзников не всегда добивались своего. Один нахальный пилот даже помахал немецким солдатам, но когда, развернувшись, он вновь пролетал над ними, сосредоточенным огнем солдат Германа был поражен двигатель: самолет завалился на левое крыло и грохнулся на землю, подняв столб огня.

Когда батарея Германа развернулась в направлении Систерны, то она стала передвигаться по ночам, периодически открывая огонь, чтобы создать впечатление движения более крупных сил. Затем с линии Густава прибыл штаб I парашютно-десантного корпуса, который временно возглавил командование сектором Анцио. К счастью для немцев, промедление союзников предоставило им время и возможность создать оборонительный периметр. Скорость немецкого сосредоточения была впечатляющей. Гитлер приказал Кессельрингу удерживать фронт любой ценой, какой бы ожесточенной ни была борьба.

Танковые экипажи дивизии «Герман Геринг» вместе с мотопехотой и парашютистами-десантниками, которые окружили Анцио, в последующие недели в полной мере продемонстрировали свои способности и боевые умения. Типичным эпизодом этой обороны стало столкновение немцев с американскими рейнджерами, пытавшимися взять городок Систерна. На расстоянии 750 м от города, вспоминал пехотинец

Расчет 75-мм противотанковой пушки Pak 40 сооружает замаскированную позицию для своего орудия.

Ганс Гохлер, немцы атаковали рейнджеров. Американцы ответили ударами базук и «палочных» гранат и даже запрыгивали на немецкие танки, стреляя внутрь машин из автоматов. Сражение было беспощадным. Танки «Тигр» с лязгом подъезжали к самому краю окопа и расстреливали рейнджеров из пулеметов. К концу боя из состава 1-го и 3-го американских батальонов только шесть солдат вернулись на свои позиции; 4-й батальон потерял 50 процентов своих рейнджеров.

На британских участках немцы оказывали столь же яростное сопротивление, когда 30 января 1944 года пошли в наступление солдаты Ирландского и Шотландского гвардейских полков. Оказавшись на открытом, освещенном ярким лунным светом пространстве, гвардейские батальоны понесли огромные потери, а когда подошло подкрепление, немцы открыли огонь из танковых орудий и реактивных минометов, установленных на железнодорожных платформах. В отвратительных погодных усло-

виях немецкие солдаты стойко и яростно сражались в обороне, зная, что, если они отступят, линия Густава будет прорвана.

Когда фронт в конце концов стабилизировался, немецкое командование, разделив линию фронта у Анцио на четыре сектора, сформировало в каждом из них оперативную группировку. На западе, напротив британского сектора, от устья реки Молетта до хребта Валлелата, расположилось соединение, сформированное из 65-й пехотной и 4-й парашютно-десантной дивизий; далее вдоль Виа Анциате (дороги на Анцио) находились гренадеры 3-й танково-гренадерской дивизии. Напротив американцев немцы разместили еще две группировки: 71-ю пехотную дивизию и дивизию «Герман Геринг». Каждая из этих группировок представляла собой несочетаемое объединение тех сил, которые Кессельрингу удалось собрать в районе Анцио. Среди солдат было множество несовершеннолетних, не имевших боевого опыта юнцов, вспоминал Ганс Гохлер. Но великолепная организованность и быстрая перегруппировка войск, благодаря которым был создан сдерживающий периметр, продемонстрировали блестящую работу штаба фельдмаршала Кессельринга и

показали германскую армию в ее лучшем виде. Скрываясь от союзных истребителей-бомбардировщиков, по ночам орудия передвигали из одного сектора в другой, создавая впечатление присутствия дополнительных сил. К 1 февраля 1944 года, даже несмотря на то, что потери немцев превысили 5000 человек, Кессельринг решил испытать довольно невысокий, как он считал, боевой дух союзных войск, предприняв серию локальных контратак, которые предваряли крупное наступление, призванное сбросить силы союзников в море. И хотя подразделения, принявшие участие в этих локальных атаках, понесли серьезные потери от авианалетов союзников, им все же удалось продвинуться вперед. 3 февраля в британском секторе, вспоминал ефрейтор Юрген Дитше, его подразделение использовало стадо овец, чтобы расчистить путь через минное поле. Последовал отчаянный рукопашный бой, и британцы запросили подкрепление. Фронт был стабилизирован, но сотни британских солдат оказались в плену. Унтер-офицер немецкого 29-го разведывательного батальона с пулеметом, установленным на крыше здания, не смог хладнокровно расстрелять отступающих британцев и позволил солдатам противника, среди которых было много раненых, шатаясь добрести до своих позиций. Но эти атаки также истощали и немецкие части: в наступлении, предпринятом 3 февраля, немцы потеряли 800 человек, 300 из которых были взяты в плен.

В течение начала февраля Кессельринг предпринял еще несколько атак. Чтобы достичь эффекта внезапности, атаки начинались без артподготовки. Но все нападения натывались

на ожесточенные контратаки союзников, которые к тому же получали массированную поддержку с воздуха и моря, число потерь росло. Шли зимние дожди, и бои проходили в вязкой грязи и ледящем холоде. Расчет 165-го артиллерийского полка, членом которого был рядовой Хайнц Хакенбек, вручную тащил свое орудие по вязкой грязи, чтобы отразить контратаку союзников. Остановившись на середине поля, Хакенбек вместе с бойцами расчета лихорадочно пытался закрепить станину своей пушки на расползающейся земле, но два снаряда один за другим взорвались возле импровизированной позиции артиллеристов, и на этом, как и для многих немцев под Анцио, война для Хакенбека закончилась. Осколками снаряда ему раздробило ногу ниже колена, но бриджи и высокие сапоги не позволили ему истечь кровью, нога, по сути, держалась на одних сухожилиях, но два товарища отнесли потерявшего сознание раненого Хакенбека в окоп, а затем в расположенный всего в 300 метрах пункт первой помощи, где ему сделали обезболивающий укол и отправили в тыл с пометкой «Срочная транспортировка». Когда Хакенбек очнулся в полевом госпитале, его нога была ампутирована ниже колена.

Боевой дух

Боевой дух немцев оставался высоким. В частности, сильной была мотивация парашютистов-десантников. Даже попав в плен, они оставались дерзкими и самонадеянными, интересуясь у пленивших их солдат, в какой стороне находится море, куда якобы вот-вот должны сбросить союзников. Другие немецкие военнопленные говорили о том, что русские являются их общим врагом.

Немецкий парашютист в специальной каске воздушно-десантных войск целится из окна разрушенного дома во время тяжелого боя за Монте-Кассино. В город были переброшены крупные силы десантников, и часто бои переходили в рукопашные схватки. Обе воюющие стороны испытывали уважение к стойкости и упорству противника.

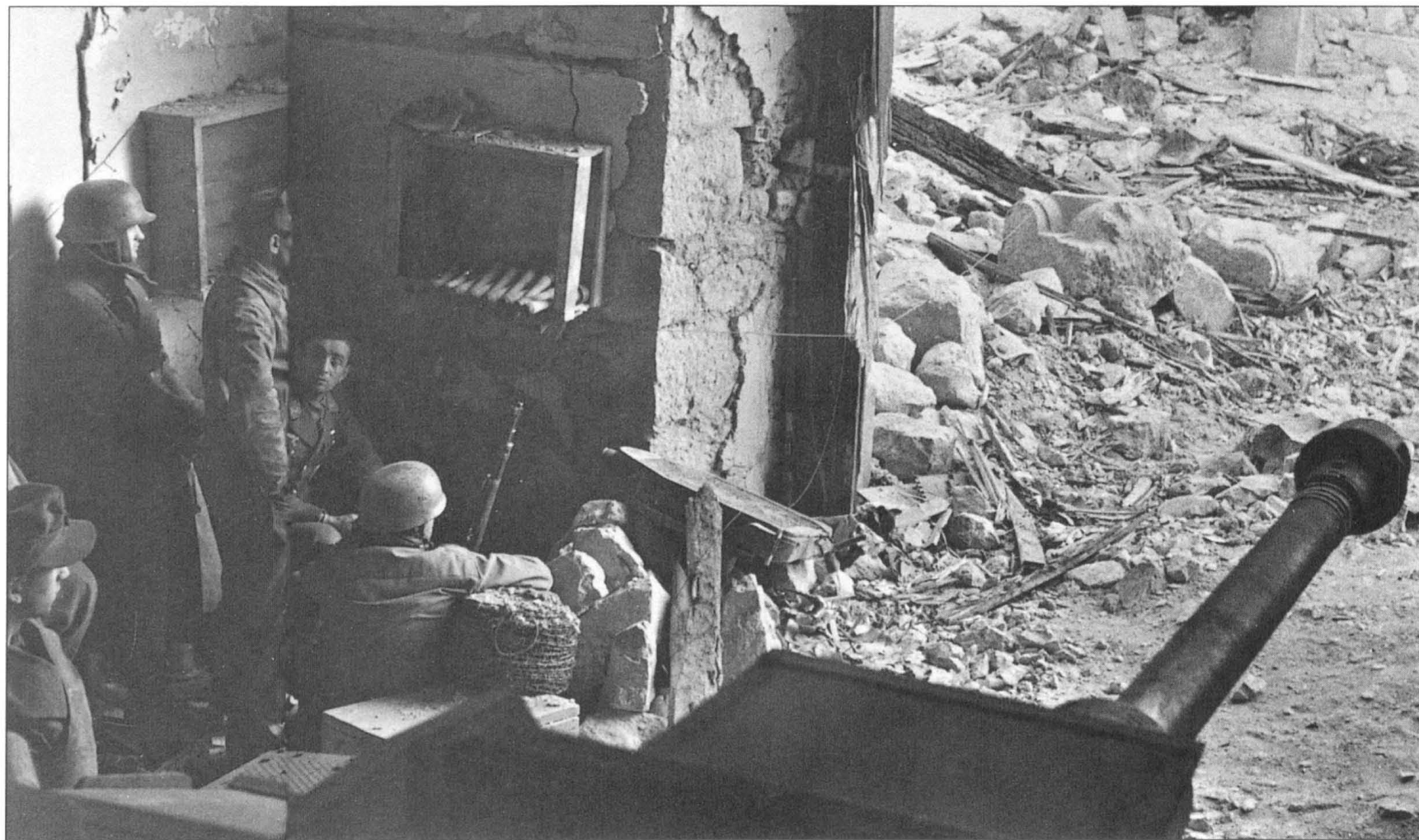
Менее самоуверенные интересовались, куда их отправят — во Флориду или Канаду, предпочитая мягкий климат Флориды. Немецкие солдаты и офицеры, попавшие в плен под Анцио, могли погибнуть и от рук своих соотечественников, рискуя быть потопленными немецкими подводными лодками, которые охотились за кораблями союзников, перевозившими не только военные грузы, но и захваченных на плацдарме пленных, кроме того, немцев могли линчевать разъяренные итальянские крестьяне.

Эта последняя угроза едва не осуществилась в отношении унтер-офицера Бернхардта Луи из 147-го танково-гренадерского полка. Сначала его допрашивал американский еврей, говоривший на безупречном немецком языке, потом пленного обыскали и посадили на корабль, отправлявшийся в Неаполь. Ночью двигатели были остановлены и военнопленным сказали, что корабль бросит якорь вблизи острова, поскольку ночью плыть опасно из-за немецких подводных лодок. Неожиданно Луи разбудил шум и крики, доносившиеся с палубы. Немцы запаниковали, требуя, чтобы их выпустили. Наконец открылась крышка люка, и кто-то прокричал: «Rauskommen, schnell, schnell!» (Нем. — «Выходите, быстро, быстро!») На палубе Луи и другие пленные обнаружили, что экипаж покидает корабль, поскольку судно наскочило на мель и тонет. Немцы последними покинули корабль, сопровождаемые взрывами на борту, в безумной давке они спускались вниз, карабкаясь по висевшим на бортах сеткам, брошенным взявшими их в плен британцами и американцами. Из 46 военнопленных 10 пропали без вести, многие получили переломы, прыгая с корабля на прибрежные скалы. Позднее, когда Луи и остальные уцелевшие проходили через расположенную на острове итальянскую деревню, они увидели итальянских крестьян, которые с ножами поджидали пленных, чтобы перерезать им горло. Чтобы защитить немцев, британским охранникам пришлось даже дать несколько предупредительных выстрелов. Позже итальянские женщины отказались разводить огонь для промокших немцев, и британским конвоирам самим пришлось принести чай, галеты и дрова для костра. 16 февраля 1944 года немцы начали свое главное наступление, призванное ликвидировать плацдарм у Анцио. Теперь немецкое

командование, сосредоточив 125 тысяч солдат против 100-тысячной группировки союзников, решилось нанести удар в направлении Виа Анциате. Перед наступлением немцы разбросали листовки, пытаясь деморализовать пехоту союзных сил. Листовки гласили: «Плацдарм — плац смерти» и «Худшее еще впереди». Американские солдаты получали листовки антисемитского содержания, в которых описывалось, как богатые евреи-уклонисты соблазняют подружек бойцов.

Возглавляемое элитным Учебным пехотным полком, немецкое контрнаступление под Анцио проходило к востоку от Виа Анциате. Мощным оборонительным огнем союзников Учебный полк был разбит и отступил; точно так же захлебнулась и атака дивизии «Герман Геринг». Только 4-я парашютная дивизия добилась некоторого успеха, сумев просочиться почти до дорожной ветки. Этот прорыв позволил, хотя и

Немецкие парашютисты в головных уборах различных типов укрываются возле штурмового орудия среди развалин здания в Кассино. Обратите внимание на ручные, так называемые «палочные» гранаты в настенной полке. В ближнем бою, которые часто происходили в Монте-Кассино, ручные гранаты идеально подходили для зачистки занятых противником домов. Штурмовые орудия также могли использоваться для обеспечения близкой поддержки, но в конечном итоге десантникам приходилось проверять, что на позициях противника никого не осталось. Как и в Сталинграде, здания, разрушенные обстрелами и бомбежками, предоставляли большое количество укрытий для пехотинцев и снайперов.

ценой тяжелых потерь, несколько развить успех. Бомбардировщики союзников безостановочно бомбили немецкие позиции: некоторые пленные немцы утверждали, что на Русском фронте было легче.

В ходе наступления немцы развернули тяжелые танки «Тигр» и радиоуправляемые танкетки «Голиаф». Чтобы возместить потери подразделений, командование распределяло новобранцев в батальоны, где уже служили имевшие боевой опыт ветераны. В конечном итоге немецким войскам удалось продвинуться на глубину до 6 км. Этот успех посеял панику на плацдарме союзников. В штабах жгли документы, всем поварам, курьерам и писарям выдали винтовки и бросили на фронт. В течение четырех дней немецкие подразделения яростно атаковали союзников, но, потеряв 6000 человек, они все же остановились. Однако этим упорным, эффективным и умело подготовленным наступлением

немцы почти ликвидировали плацдарм в Анцио, окружив и полностью изолировав войска союзников. Союзникам пришлось радикально изменить свою стратегическую схему. Теперь генералу Кларку пришлось возобновить свое наступление у Монте-Кассино с целью ослабить давление на войска в Анцио, высадившиеся как раз для того, чтобы уменьшить натиск на его армию на участке Кассино. С ограниченными ресурсами немцы сдерживали оставшиеся на плацдарме войска, где в окружении оказались тысячи солдат союзников. Этот успех оказался возможным благодаря подготовке и боевому духу солдат Вермахта.

МОНТЕ-КАССИНО

Если какая-либо битва и вобрала всю напряженность Итальянской кампании, то таковой следует считать сражение за высоту с бенедиктинским монастырем Монте-Кассино. Аббатство

Италия, 1944 год. Отряд пропыленных немецких пехотинцев марширует туда, откуда доносится грохот орудийного огня, чтобы вступить в бой с войсками союзников.

возвышалось над немецкой линией Густава, которая контролировала долину реки Лири и препятствовала наступлению союзников на Рим. Участок, занимаемый монастырем, стал местом первостепенной важности: с января по май 1944 года в этом районе произошли четыре довольно крупных сражения. Создать представление о том, какими были эти сражения для находившихся в Монте-Кассино немецких солдат, поможет рассказ о боях за город Кассино, ставший сценой самых тяжелых боев.

С февраля по март 1944 года, во время второго и третьего сражения, этот город, расположенный у подножия Монте-Кассино, стал местом ожесточенных уличных боев. Перед немецкими парашютистами, многие из которых участвовали еще в захвате Крита, стояла задача удерживать город и железнодорожную станцию, несмотря на то что союзные войска уже заняли нижние склоны Монте-Кассино. Сражение, во время которого противники пытались окружить друг друга, было напряженным и весьма переменчи-

вым. Союзники обладали подавляющим превосходством в огневой мощи, но немцы укрепили городские здания. Десантники 1-й парашютной дивизии превратили подвальные этажи в бункеры и, чтобы избежать перемещения под огнем, построили туннели, по сути, создав хорошо укрепленные опорные пункты, усиленные многочисленными пулеметными и снайперскими точками. Битву за город немецкие солдаты вели в основном с подразделениями 2-й новозеландской дивизии.

Многие солдаты 1-й парашютной дивизии вспоминали, что их надменный и грозный командир генерал-майор Гейдрих не выносил проявлений слабости и совершенно не думал о своем отдыхе. В самом городе командир 3-го парашютного полка полковник Хейльман также стал опорой для своих десантников. Он отличался легендарной храбростью, осмеливаясь на своей спортивной машине выезжать на самые передовые позиции, несмотря на угрозу артиллерийского огня противника. В городе Кассино парашютисты в целях удобства стаскивали матрасы и диваны в цокольные этажи. Именно там они ожидали начала атаки союзников. Огромный воздушный флот, появившись над немецкими позициями, в пыль разбомбил то, что еще

оставалось от города. Саперы 3-го парашютного полка заранее узнали о воздушном налете, увидев, как скрылись, чтобы не попасть под предстоящую бомбежку, новозеландцы, находившиеся на расстоянии менее 100 метров. Бомбежка была настолько интенсивной, что подвалы тряслись, и парашютистам приходилось держаться друг за друга, когда бомбардировщики волнами заходили на город. Подвалы наполнялись пылью, становилось трудно дышать. Некоторые парашютисты вырывали ямы под танками, многие прятались в пещерах холмов у подножия Монте-Кассино, большинство укрылось в самых глубоких подвалах. Рядовой 7-й роты под командованием обер-лейтенанта Шустера хорошо запомнил, что огневой вал производил «неописуемый адский грохот». Как и в 1916 году во время битвы при Сомме, немецкий солдат, укрывшись со своим оружием, ожидал окончания бомбардировки, прежде чем бросаться наружу и занимать боевую позицию.

Когда после налета бомбардировщиков новозеландцы пошли в атаку на немецкие позиции, они были поражены встретившим их сосредоточенным огнем. Несмотря на то, что 75 процентов личного состава 3-го парашютного полка погибло, оставшиеся в живых солдаты навязали противнику беспощадный бой. Немецкие снайперы из своих укрытий расстреливали механиков-водителей танков, которые пытались пройти по руинам города. Один новозеландец срав-

нил Кассино с концом света. Для дополнительной обороны немцы создали «ежи» — круговые оборонительные опорные пункты. Так, в углу старого рыбного базара горстка немецких саперов под командованием обер-лейтенанта Корда превратила свое здание в крепость и вела продолжительный бой с нападавшими на них новозеландцами. Солдаты Корда открыли минометный огонь из окон верхнего этажа и затем, в течение нескольких дней, сражались буквально за каждую комнату здания.

Нехватка людей вынудила Хейльмана поставить в строй своих мясников, пекарей и писарей. Воодушевленные своим полковником, они были готовы рискнуть своими жизнями. *Esprit de corps* (фр. — чувство солидарности, чувство локтя. — *Прим. пер.*) в рядах немецких парашютистов в городе Кассино было необычайным. Парашютисты заминировали воронки от снарядов вокруг гостиницы «Континенталь», и солдаты маори, пытавшиеся укрыться в этих воронках, были разорваны на куски. Сражение стало беспорядочным. На рыбном базаре немецкий санитар был взят в плен. Разозлившись на такое нарушение правил, немцы открыли по новозеландцам огонь из всего имевшегося в наличии оружия, в том числе из противотанковых ружей.

Минометчики устанавливают свои 80-мм минометы GW 34 на развалинах Кассино, чтобы вести огонь из руин, которые используются в качестве укрытия.

В конечном итоге новозеландцы отошли. Однако это означало, что раненым солдатам союзников, которые сражались за монастырь, необходимо было эвакуироваться через занятый немецкими войсками город. Как рассказывал майор Бёмлер из 1-й парашютной дивизии, немцы позволили британским и индийским подразделениям, оказавшимся над городом, удалиться без помех. Все перебинтованные, с заметным флагом Красного Креста они небольшими группами в ярком свете дня проходили к Касл-Хилл. Оттуда раненые направлялись в 200-метровое «окно» между Каслом и Кассино. Парашютисты позволили противнику пройти беспрепятственно, и Бёмлер не стал приглядываться к характеру и тяжести ранений отступающих. Там, как и под Арнемом в сентябре 1944 года, немцы проявили уважение к храбромu противнику.

Монастырь на Монте-Кассино и город Кассино были взяты в результате обходного маневра союзников, который вынудил немецких парашютистов отойти. Многие из них подчинились только прямому приказу, а некоторые отказались повиноваться и остались сражаться до конца. Способность немецких солдат выдерживать три битвы у Монте-Кассино, каждый раз отражая мощные атаки союзников, многое говорит об умении немецкого солдата сражаться в обороне. Его упорство наряду со способностью осуществлять локальные контратаки сохранилось и тогда, когда 5 июня 1944 года пал Рим. Немцы вновь отошли, на этот раз на новые оборонительные рубежи, протянувшиеся через Северную Италию, которые больше известны как Готская линия.

Битва за Готскую линию

Готская линия (которую союзники называли линия Пиза—Римини) тянулась от Пезаро на Адриатическом побережье до Массы на Средиземноморском. На Готской линии, как и на линии Гитлера, широко использовались танковые орудийные башни, вмонтированные в железобетонное основание. Строительство этой линии было задержано в связи с сооружением линии Гитлера и линии Густава на юге, но, как только эти линии были прорваны, немцы работали не покладая рук, чтобы закончить укрепление Готской линии.

Немецкий лейтенант отдает приказ командиру взвода, вооруженному пистолетом-пулеметом.

На Готской линии на железобетонных основаниях, были установлены башни от танков «Пантера», с 88-мм орудиями. Располагаясь почти непосредственно на земле, эти орудия имели широчайший сектор обстрела, в то время как поразить их было довольно трудно. Вокруг башен «Пантер» находились стальные укрытия для пехоты, скальная система туннелей с вырезанными оборонительными амбразурами и глубокими минными полями. На Готской линии великолепно использовалась местность с ее холмистым рельефом, который осложнял наступление союзных сил. В результате образовалась оборонительная полоса, глубиной около 16 км, которую предстояло преодолеть атакующим войскам союзников. На строительстве линии немцы задействовали 15 тысяч итальянских рабочих, которые трудились под наблюдением организации Тодта. В зоне строительства немцы создали зону «свободную от огня», эвакуировав местное население.

Передовые участки Готской линии немцы укомплектовали максимально легко, предпочитая держать резервы в тылу для быстрых контратак. С целью прорыва Готской линии союзники намеревались использовать свою подавляющую огневую мощь, планируя наступление на Адриатическом побережье и в центре — чтобы

таким образом отвлечь и рассеять силы немцев. Фельдмаршал Кессельринг развернул свои войска самым наилучшим образом. В его распоряжении все еще имелись первоклассные (хотя и истощенные) 1-я и 4-я парашютные дивизии, 16-я танково-гренадерская дивизия СС и подразделения 5-й горно-егерской дивизии, помимо 15 других соединений. Солдаты Вермахта вновь показали себя первоклассными знатоками оборонительного боя. Пытаясь уничтожить оборонительные сооружения, союзники обрушили на линию всю мощь своей артиллерии и бомбардировочной авиации. Тем не менее продвижение было медленным, и немецкие солдаты заставляли союзников дорого платить за него.

Для того чтобы хоть как-то снизить мощь танковых атак союзников, немцы широко использовали ручные противотанковые гранатометы. Противотанковые группы подкрадывались к танкам союзников, что заставляло последних использовать пехоту для зачистки окопов, оказавшихся на пути танковой атаки, — длительный процесс, особенно если учесть, что в немецких подразделениях имелись отличные снайперы и гранатометные группы для сдерживания пехоты. Как вспоминал егерь Вильгельм Рентроп, элитные горные стрелки, оборонявшие хребет Геммано, проявили немалую отвагу, когда 4 сентября их атаковали союзники. Сначала егерь встретили британские «Шерманы» огнем противотанковых орудий с дальней дистанции, снаряды которых врезались в «Шерманы» и часто поджигали их топливо. Даже касательное попадание вырывало из башни куски металла. Когда «Шерманы» подошли ближе, начинали работать гранатометные группы. Солдаты этих групп позволяли союзным танкам пройти и стреляли с тыла — опасная практика. Тем временем любое, пусть даже небольшое количество танков, имевшееся в наличии, располагалось на укрытых за горизонтом позициях, чтобы обеспечить максимальную скрытность передвижения бронетехники. В конечном итоге рельеф местности и сопротивление немцев остановили наступление союзников на Геммано.

В течение всего начала сентября 1944 года союзники, пытавшиеся найти проход через Готскую линию, вели ожесточенные бои. Яростные столкновения происходили в горах и во всех маленьких городках, окружавших укрепленный

рубеж. Как и в Монте-Кассино и в Анцио, немецкие солдаты, несмотря на слабое воздушное прикрытие и меньшее количество вооружения, заставили союзников заплатить высокую цену за небольшой успех. В деревнях этого района, как вспоминал Рентроп, когда союзники шли в наступление, немцы прятались в подвалах, а затем вызывали на себя огонь собственной артиллерии. Это уничтожало атакующих, в то время как немцы в своих подвальных опорных пунктах, как правило, оставались в живых. Только после целой недели боев союзникам удалось прорвать немецкую линию обороны.

С 10 по 14 сентября союзники вновь попытались прорвать позицию на хребте Геммано. Когда британцы били по вершине хребта, горноегерские части, оборонявшие хребет, отходили вниз для защиты противоположного склона. Потом, когда обстрел прекращался, они возвращались в окопы, чтобы установить свои орудия до того, как британская пехота доберется до их укреплений. В конечном итоге сказывался численный перевес, и Готская линия начала раскалываться, вспоминал Рентроп. Решительные атаки при мощной огневой поддержке обескровили немецкую оборону. Несмотря на то, что немцы могли нанести противнику больший урон, непрекращающиеся бои стали испытанием их боевого духа. Немецкие войска обстреливала артиллерия и бомбили самолеты, а пехота противника постепенно вытесняла их с оборонительных позиций. Однако немцы старались удержаться до осенних дождей, которые должны были наполнить реки этого района. Каждый изолированный пост, продержавшийся дополнительный час, приближал начало этих дождей, которые так затрудняли передвижения по горам и равнинам Северной Италии. 21 сентября 1944 года канадские войска захватили на Адриатическом побережье городок Римини, но из-за сложностей зимы лишь весной 1945 года союзники наконец осуществили прорыв и захватили долину реки По севернее Готской линии. Немецкая пехота выполнила свою задачу — отсрочить наступление на Апеннинском полуострове до конца войны. Возможно, самым впечатляющим аспектом Итальянской кампании стало умение немецкого солдата действовать в сдерживающих оборонительных боях, несмотря на значительный материальный перевес противника на поле боя.

Юный немецкий солдат в своей стрелковой ячейке встревоженно вглядывается в небо, высматривая наводящие ужас истребители-бомбардировщики союзных сил.

НОРМАНДИЯ, 1944

С конца 1943 года до июня 1944 германская армия на Западе (Westheer), не получавшая ранее достаточно внимания, трудилась с лихорадочным рвением, укрепляя оборонительные сооружения Атлантического вала вдоль французского и бельгийского побережья. Немцы понимали, что давно ожидаемое вторжение союзников в оккупированную нацистами Францию стало неизбежным, но не знали, когда и где высадятся союзники. В течение весны 1944 года этот вопрос занимал умы сотен тысяч немецких солдат, расположившихся на опорных пунктах и в окопах теоретически неприступных береговых фортификаций Атлантического вала.

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, в течение конца весны 1944 года тысячи немецких солдат — как правило, лучшие снайперы подразделений — принимали участие в своеобразном сборе информации. Французское Сопротивление давно использовало голубей для переброски через Ла-Манш сообщений союзникам. По мере того как приготовления к вторжению союзников приближались к своему кульминационному моменту, Сопротивление отправляло через Ла-Манш все больше и больше голубей, которые несли самые последние сведения относительно численности немецких войск, расположения позиций, полевых складов материально-технического обеспечения и так далее. Немцы надеялись, что эти сообщения могут содержать сведения о времени и месте высадки союзников. Для немецких снайперов, получивших приказ перехватывать голубей, это конкретное задание означало: в течение нескольких часов напряженно всматриваться в небо, причем четырехчасовое бдение вполне могло закончиться безрезультатно. Но даже когда солдату удалось высмотреть голубя, шанс подстрелить летящую птицу оставался ничтожным. Везучим — или, возможно, особенно искусным — немецким стрелком был унтер-офицер 1262-го армейского берегового артиллерийского полка Гюнтер Витте.

4 июня 1944 года в Розеле, на восточном побережье полуострова Котантен, Витте удалось сбить почтового голубя. К его лапкам была прикреплена крошечная металлическая капсула, а внутри на клочке рисовой бумаги находилось закодированное послание с самыми последними данными о немецкой диспозиции на Котантене. На следующее утро сообщение уже было в Сен-Ло в штабе корпуса на столе у майора Фридриха Хейна, офицера разведки LXXXIV корпуса. Хейн намеревался на следующий день показать капсулу командиру корпуса генералу Марксу, но к этому времени тот был слишком занят, поскольку вторжение уже началось!

ПРИБЫТИЕ РОММЕЛЯ

В начале 1944 года на Западный фронт прибыл фельдмаршал Эрвин Роммель, чтобы принять командование группой армий «Б», развернутой в Северной Франции. С этого момента подготовка к отражению вторжения усилилась. Одним из первых приказов Роммеля был приказ о сокращении периода подготовки солдат группы армий «Б», чтобы войска могли сосредоточить свои усилия на укреплении береговых оборонительных сооружений. Роммель, который на собственном горьком опыте знал о потенциальных возможностях бомбардировочной и истребительной авиации союзников, намеревался остановить вторжение на береговых плацдармах в первый же день высадки, пока союзники еще будут оставаться уязвимыми. Но по прибытии на место в начале 1944 года Роммель выяснил, что Атлантический вал существует только в виде нескольких отдельных участков, главным образом вдоль Па-де-Кале. В течение весны Роммель укрепился в своих подозрениях, что союзники могут высадиться в Нормандии, и он беспрестанно перебрасывал туда войска, чтобы усилить береговые фортификации Нормандии и Бретани. Роммель был настолько решительно настроен укрепить эти оборонительные сооружения, что даже приказал младшим офицерам вместе с солдатами принять непосредственное участие в работах. Во время

своих многочисленных инспекционных поездок фельдмаршал приходил во все большее и большее раздражение, видя недостаточно подготовленные укрепления. Именно в таком настроении он пребывал 11 мая 1944 года во время осмотра опорного пункта W5, расположенного на восточном побережье полуострова Котантен, в 6,5 км к северу от Карантана.

Позиция W5 представляла собой локальный оборонительный участок, рассчитанный на взвод, который занимало подразделение 709-й пехотной дивизии. Плохое настроение Роммеля усиливалось в течение всей инспекционной поездки, по мере того как он постоянно видел позиции, которым недоставало требуемого уровня защиты. Повсюду он обнаруживал, что заграждений из колючей проволоки слишком мало, мин не хватает и количество резервных траншей на позициях недостаточно. В конечном итоге Роммель обрушил свой долго сдерживаемый гнев на командира опорного пункта W5 лейтенанта Артура Янке. Роммель потребовал, чтобы Янке снял свои замшевые офицерские перчатки, ожидая увидеть гладкие руки офицера, который не помогал своим солдатам сооружать заграждения из колючей проволоки вокруг опорного пункта. Но когда Янке — ветеран Восточного фронта и кавалер Рыцарского креста снял перчатки, Роммель увидел, что руки лейтенанта сильно порезаны и оцарапаны, что свидетельствовало о личном участии Янке в строительстве укреплений. При виде этого гнев фельдмаршала утих, и он похвалил офицера за усердие.

В течение нескольких недель, предшествующих Дню «Д» — 6 июня, время обороняющихся немцев было полностью поглощено или трудоемкими работами по подготовке оборонительных сооружений, или утомительными часами караульного дежурства, которые они проводили у перископов и на наблюдательных вышках, которыми было усеяно французское побережье. Когда дежурство заканчивалось, солдатам иногда удавалось немного отдохнуть и расслабиться. Во время таких редких передышек солдаты часто собирались вместе в своих бункерах, чтобы спеть под аккомпанемент губных гармошек популярную в то время песенку «Прелестная крошка-кондуктор». На этих собраниях зачастую потреблялось немалое количество фирменного нормандского напитка кальвадоса —

Немецкие пехотинцы продвигаются через разрушенные улицы города Кан. Тяжелые бомбардировщики союзников превратили город в развалины.

яблочной самогонки чудовищной крепости. Там же солдаты иногда, пренебрегая запретом, настраивали свои приемники на пропагандистские станции союзников, несмотря на риск сурового наказания. Эти станции давали более реалистичные и наглядные описания хода войны по сравнению с приглаженными официальными сообщениями Министерства пропаганды; что еще более важно, союзные станции между сводками новостей неизменно передавали хорошую джазовую музыку.

Среди немецких солдат-счастливчиков, стоявших на постое в нормандских деревушках и служивших под началом менее строгих младших офицеров, было много таких, которые, поскольку через несколько недель все они могли погибнуть, решили максимально наслаждаться жизнью, несмотря на усилия Роммеля загрузить их работой по подготовке к высадке союзников. Но хотя Роммель и подстегивал ход подготовки, во многих немецких частях, вплоть до самого вторжения, сохранялись настроения мирного времени. Когда лейтенант Артур Янке весной 1944 года прибыл с Восточного фронта, чтобы возглавить опорный пункт W5, он пришел в ужас, обнаружив, что французские рыбаки,

чтобы добраться до моря, все еще используют дорогу, пересекавшую W5. Янке сразу же запретил эту практику. Высадка союзников 6 июня 1944 года оказалась шоком для многих немецких солдат на Западе, и в значительной степени потому, что немецкое Верховное командование пришло к выводу о том, что из-за плохих погодных условий союзники не будут высаживаться на этой неделе. В действительности, когда первые транспортные корабли союзников вышли в море, многие старшие командиры группы армий «Б», включая Роммеля, находились в коротких отпусках или принимали участие в командно-штабной игре в Ренне в Бретани.

Ад Омахи

В День «Д», 6 июня 1944 года, пять союзных дивизий высадились на шести береговых участках вторжения — Суорд, Джуно, Голд, Омаха и Юта — на 64-километровом участке побережья Нормандии. Помимо этого американские и британские воздушно-десантные части высадились

Танк Pz IV G, хорошо замаскированный листвой и защищенный зданием и деревьями, занимает позицию в засаде.

на обоих флангах, чтобы защитить ключевые мосты от немецких контратак. Преобладающее большинство этих замысловато спланированных операций было благополучно осуществлено, и к полуночи 6 июня союзники овладели тремя плацдармами глубиной до 16 км. Только на Омаха-бич, самом восточном из двух береговых участков высадки американских войск, десант союзников все-таки потерпел реальное поражение.

Плацдарм Омаха-бич располагался в 14,5 км западнее британского Голд-бич и тянулся примерно на 6,5 км от Пор-ан-Бессен на востоке до Вьервиля на западе. Там американцы высадили части 1-й и 29-й пехотных дивизий. Местность на плацдарме была проблемной, поскольку крутые отвесные скалы сразу за береговой полосой вынуждали союзников наступать в пяти, определенных характером местности, направлениях. Немцы прикрыли каждое из этих направлений опорными пунктами, пронумерованными от WN58 до WN62. На рассвете 6 июня на опорном пункте WN62, западнее деревни Сен-Лоран, ефрейтор Хайн Зеверлох находился на посту наблюдения. Внезапно, к его величайшему изумлению, на горизонте появилось много сотен союзных кораблей всех форм и размеров. Зеверлох в разговоре с унтер-офицером Кроне, находившимся рядом с ним, посетовал на тупость артиллеристов немецкой морской артиллерии, расположившейся в соседнем Пор-ан-Бессен, которые продолжали запускать в небо сигнальные ракеты, чтобы удостовериться, не немецкий ли это на самом деле флот. Возможность маловероятная, — комментировал Зеверлох, поскольку перед их глазами шла огромная армада, насчитывающая несколько тысяч кораблей. Немецкий военно-морской флот просто не мог выпустить в море такое количество кораблей одновременно, даже если бы сосредоточил все свои суда в одном месте!

Именно в этот момент 19 защитников опорного пункта WN62 услышали злоеший гул двигателей бомбардировщиков союзников, приближавшихся под прикрытием низко висящих облаков. Они моментально нырнули в укрытие, скрывшись в ближайших бункерах. Невероятно, но в то время, когда вокруг с оглушающим грохотом рвались бомбы, только две из них действительно попали в опорный пункт. С огромным облегчением унтер-офицер Мейер

Расчет 105-мм легкой полевой гаубицы готовится вести огонь из своего хорошо замаскированного орудия на узких улицах Шербурра в конце июня 1944 года.

сделал вывод, что союзники, должно быть, шли бомбить цели, расположенные в глубине материка. Он даже не представлял, насколько близки к смерти были его товарищи. Волна американских бомбардировщиков из 329 В-29, груженых 13000 бомб, пролетела над ними, и в действительности в задачу воздушной армады входило уничтожение немецких береговых укреплений на плацдарме Омаха-бич, включая опорный пункт WN62. Обороняющихся спасло то, что из-за плохой погоды союзные бомбардировщики должны были бомбить вслепую, используя лишь свои приборы. В последний момент, как только бомбардировщики достигли конечной точки своего тщательно рассчитанного захода на цель, командование воздушной группировки союзников потеряло самообладание из-за риска удара по своим: оно боялось, что В-29 могут сбросить свой смертоносный груз прямо на флот вторжения. Командование ВВС приказало экипажам бомбардировщиков начать бомбометание всего на три секунды позже, но и этой короткой задержки оказалось достаточно,

чтобы большинство бомб упало за немецкими береговыми опорными пунктами.

После того как немецкие солдаты пришли в себя, счастливо избежав бомбежки, они увидели, что прямо напротив них армада союзников уже подходила к берегу. Зеверлох зачарованно наблюдал, как приближалась первая волна десантных судов. Ведь не собираются же американцы высадиться, размышлял он, прямо перед стволами их готовых к бою орудий? Защитников опорного пункта WN62 также весьма удивило отсутствие огневой поддержки у первой волны американского десанта, который начал высадку. В этот момент ни Кроне, ни Зеверлох не могли знать, что из-за плохой видимости командование союзников, вновь опасаясь попасть по своим, перенацелило свою тактическую авиацию на цели, удаленные от прибрежной полосы. Десантирование на Омаха-бич, проходившее при явно недостаточной огневой поддержке десанта, еще больше осложнилось тем, что плотность немецких войск, оказалась значительно выше, так как союзная разведка не смогла обнаружить прибытие в этот сектор Нормандии немецкой 352-й пехотной дивизии.

Американские солдаты высадились по шею в воде, прибой раскачивал десантников, пробиравшихся с тяжелыми рюкзаками к берегу. Зеверлох и его товарищи терпеливо выжидали, пока первая волна штурмовой пехоты не показалась из воды, и тогда они обрушили на американцев град смертоносного свинца. В течение нескольких минут немецкие обороняющиеся скосили первую волну американских десантников и вынудили потрясенных уцелевших искать укрытия среди небольших дюн или позади заграждений, в отчаянной попытке остаться в живых. Только немногим американским солдатам удалось достичь волнолома, где они сбились в совершенном беспорядке, но в относительной безопасности. К полудню в результате ожесточенного сопротивления немецких войск на Омаха-бич остались лежать 1100 американских солдат. В какой-то момент у Зеверлоха и остальных солдат WN62 появилась надежда, что они смогут остановить американцев и не позволят им удерживать плацдарм на оккупированной территории Франции. Однако в течение дня многие товарищи Зеверлоха были убиты или ранены, а массированная огневая поддержка союзного

десанта все больше стала сказываться на ходе сражения. Вскоре и сам Зеверлох получил легкое ранение, а его пулемет MG 42 был поврежден огнем союзников. К вечеру ефрейтор и пятеро уцелевших к тому времени солдат отступили, избежав неминуемой гибели, которая ожидала бы их, останься они в испещренных воронками развалинах своего опорного пункта. На Омаха-бич немцы, несмотря на все упреждающие меры, так и не смогли остановить успешное вторжение союзников в Нормандию.

Осада ШЕРБУРА

В течение двух последних недель июня 1944 года американцы неуклонно продвигались со своего плацдарма Юта-бич в глубь полуострова Котантен, чтобы овладеть очень важным портом Шербур, который превратился в мощную крепость с несколькими береговыми батареями крупнокалиберных орудий и прочными бетонными фортификационными сооружениями. К сожалению, большинство из них были обращены к морю, что помешало прямому десантному штурму позиций во время Дьеппского рейда в 1942 году. Со стороны материка Шербур был более уязвим и слабо защищен, учтя это, американцы атаковали укрепления именно со стороны материка. К 22 июня американцы уже находились в 6,5 км от города и прорвали его внешнюю оборонительную линию в нескольких местах. Когда 24 июня американцы приблизились к окрестностям города, Гитлер вновь повторил свой приказ о том, что «крепость Шербур» необходимо удерживать до последнего солдата.

К 25 июня в штабе коменданта гарнизона Шербура генерал-лейтенанта Шлибена в Октевиле решили, что дальнейшее сопротивление бесполезно, но присяга обязывала генерала выполнить приказ Гитлера. Весьма пестрое соединение, составленное из 900 раненых солдат наземных служб Люфтваффе, морских артиллеристов и рабочих-строителей из Организации Тодта, которые теснились в подземных, задымленных галереях в Октевиле, было озабочено только одним: откажется ли Шлибен от бессмысленной обороны обреченного порта? В то время как они размышляли над этим, американские саперы бурили землю и закладывали взрывчатку, через некоторое время в подземельях стали слышны взрывы. Взрывчатка разнес-

Немецкие солдаты, один из которых держит фаустпатрон — одноразовый ручной противотанковый гранатомет, беседуют на станции в Аржантане в июле 1944 года.

ла и верхнюю часть командного пункта. Ситуация еще больше ухудшилась, когда военно-морская армада союзников встала на рейде как раз напротив Шербура, и теперь подземный штаб Шлибена стал доступен 380-мм орудиям нескольких американских линкоров класса «Техас». В отчаянии немцы приказали своим все еще действующим артиллерийским батареям 250-мм орудий, расположенным в 16 км к северо-западу на мысе Аг, открыть огонь прямо по поверхности подземного штаба, чтобы выбить с позиции американцев, но орудия на мысе Аг оказались повреждены, и приказ выполнить не удалось.

В полдень американцы отправили к Шлибену парламентариев с предложением сдаться, но комендант медлил, стараясь выиграть время, чтобы успеть вывести из строя портовое оборудование. 25 июля в 19.32, когда американская пехота начала входить в северные галереи Октевила, Шлибен отправил Роммелю свое последнее доне-

сение: «Генерал присоединяется к солдатам в рукопашном бою». Он взял карабин и направился туда, откуда доносился оружейный огонь.

К полудню следующего дня несколько сотен из 900 раненых, находившихся в комплексе, умерли от отравления дымом, который американцы закачали в вентиляционные шахты. Положение осложнилось еще тем, что медики в Октевиле истощили все свои запасы медикаментов, а американские штурмовые войска все глубже врзались в подземный комплекс. Эти обстоятельства стали для Шлибена решающим аргументом, и, несмотря на приказ фюрера, он дал указания своим войскам в Октевиле сложить оружие, чтобы избежать дальнейшего кровопролития. В других районах города сопротивление продолжалось еще в течение двух дней. Когда 28 июля Шербур в конечном итоге пал, около 15 тысяч пропыленных немецких солдат промаршировали в плен. Союзники захватили крупный порт, который был им столь необходим для ежедневной доставки жизненно важных предметов снабжения.

Угроза с воздуха

Шербурское сражение, как и вся Нормандская кампания лета 1944 года, проходило при подавляющем преимуществе тактической и стратегической авиации союзников; сражаясь в этих условиях, немецкие солдаты приобрели необходимый, хотя и печальный опыт. Еще до начала вторжения стратегические бомбардировщики союзников так разрушили французскую железнодорожную сеть, что накануне Дня «Д» примерно 1700 немецких эшелонов не смогли добраться до пунктов назначения, включая и состав, в котором после лечения в госпитале под Нанси в Нормандию возвращался рядовой Отто Эльфельдт.

В течение нескольких дней после высадки в день «Д» тактическая авиация союзных сил в полной мере продемонстрировала свою мощь, нанося огромный урон немецким войскам. Возможно, первым предзнаменованием грядущих событий был кошмарный переход Учебной танковой дивизии. На День «Д» эта дивизия являлась самым мощным немецким соединением на Западном фронте. Возглавляемая генерал-лейтенантом Фрицем Байерлейном, она являлась частью немецкого стратегического резерва и дислоцировалась вблизи Алансона, приблизи-

тельно в 120 км юго-западнее Парижа. Вечером 6 июня Гитлер с запозданием санкционировал передислокацию дивизии Байерлейна. Утром 6 июня ни один из старших офицеров штаба фюрера в Растенбурге, в Восточной Пруссии, не осмелился разбудить спящего Гитлера, чтобы сообщить ему о вторжении в Нормандию. Поэтому только рано утром 7-го числа Учебная танковая дивизия начала выдвижение из Алансона на передовую, и, несмотря на просьбу Байерлейна разрешить передвижение только в ночное время, соединению было приказано продолжать движение и днем.

Пытаясь минимизировать возможные потери от налетов союзных истребителей-бомбардировщиков, дивизия продвигалась широко разведенными маршевыми колоннами, в которые вкраплялись полугусеничные машины с зенитными установками. Однако в течение большей части утра частые налеты истребителей-бомбардировщиков союзников громили танковые колонны Байерлейна. Снова и снова самолеты «Тайфун» кружили над головами немецких солдат, стремительно пикируя и обрушивая на колонны ракетный и пулеметный огонь. Как только наблюдатели замечали приближающиеся, летящие на небольшой высоте самолеты союзников, все машины в колонне со скрежетом останавливались и экипажи бросались в кюветы, тянущиеся по обеим сторонам Нормандской дороги. Все, что могли сделать немецкие солдаты, когда «Тайфуны» проносились вдоль колонны, — это вжаться глубже во влажную французскую землю. Атакуя с бреющего полета, самолеты сбрасывали свои смертоносные ракеты и уничтожали все, что двигалось, огнем 20-мм пушек. И только когда колонна превратилась в дымящиеся обломки, «Тайфуны» отправились к новым целям.

Немногие отважные — или, возможно, безрассудно храбрые — солдаты, которые оставались у своих пулеметов или зенитных пушек перед лицом этих повторяющихся налетов, усвоили жестокий урок — попытка сопротивления воздушной мощи союзников превращается в настоящее самоубийство. Экипажи самолета-

Танк «Королевский тигр» 1-й роты 503-го тяжелого танкового батальона, укрывшейся во французском лесу.

Трое немецких солдат, окруженных в фалезском «мешке», размышляют о том, какая судьба их ожидает.

тов-истребителей 3-го воздушного флота, 30 машин которого сумели подняться в воздух, чтобы оспорить воздушное превосходство союзников, также пришли к этому выводу. Когда соотношение сил составляло 30:1, даже при благоприятных обстоятельствах было равносильно самоубийству пытаться осуществить что-то большее, помимо внезапных и молниеносных атак. В силу этого немецкие солдаты на Западном фронте были полностью оставлены на милость тактической авиации союзников. Михаэль Виттман, командовавший «тиграми» 1-й роты 101-го тяжелого танкового батальона СС, вскоре разработал собственную уникальную тактику спасения от воздушных атак союзников. Когда наблюдатели замечали приближающийся «Тайфун» союзников, они останавливали танк, максимально опускали ствол орудия, при этом отводя его в сторону, открывали все люки и зажигали дымовую шашку; пилоты противника в большинстве подобных случаев дела-

ли вывод, что танк уже покинут и выведен из строя его экипажем, и двигались дальше, к новым целям.

В ответ на возрастающее воздушное превосходство союзников с конца 1943 года на вооружение немцев поступало все большее количество зенитных полугусеничных машин, а позднее и зенитных танков. Одной из таких машин была SdKfz 7/1 — полугусеничная машина, произведенная на заводах Краус-Маффей, на которой была установлена 20-мм счетверенная зенитная пулеметная установка. Эти самоходные зенитные машины поставлялись главным образом зенитным ротам танково-гренадерских полков, обеспечивая смешанным колоннам танков и бронетранспортеров непосредственное прикрытие от летящих на малых высотах самолетов. Марш 2-й танковой дивизии СС «Рейх» на Нормандский фронт в середине июня 1944 года, словно в учебном пособии, показывает возможность применения этих зенитных установок, но все же зенитчикам должна была сопутствовать и удача. «Пантеры» дивизии двигались разреженными колоннами, танки шли на расстоянии 50 м друг от друга. Через каждые 10 машин шла

полугусеничная установка SdKfz 7/1, которая прикрывала колонну от летящих на малых высотах самолетов противника.

Когда дивизия подошла к Перье, небо прояснилось и эскадрилья американских истребителей-бомбардировщиков «Тандерболт» атаковала колонну с бреющего полета, затем развернулась для повторной атаки. Несколько самоходных зенитных орудий SdKfz 7/1 выехали на обочину дороги и открыли огонь из своих счетверенных установок, направляя в небо сотни 20-мм пушечных снарядов. Почти тут же один «Тандерболт», оказавшись под градом огня, дернулся, затем нырнул вниз и врезался в ближайшее дерево. Другие истребители-бомбардировщики под плотным заградительным огнем прекратили свою атаку и улетели в поисках более легких целей. Зенитки SdKfz 7/1 выиграли этот конкретный бой, и этот сценарий был повторен сотни раз во время Нормандской кампании. Но в большинстве случаев зенитки замолкали, получив повреждения, а их расчеты погибали, пытаясь оказать героическое сопротивление подавляющему воздушному превосходству союзников на Западе, что являло полный контраст с кампаниями 1940 года.

Артиллерия и стратегические бомбардировщики

Немецким солдатам в Нормандии угрожала еще одна серьезная опасность — союзники зачастую использовали свои стратегические бомбардировщики для непосредственной поддержки наземных операций в качестве усиления упреждающих артиллерийских ударов. Впервые в этих целях стратегические бомбардировщики были использованы во время англо-канадского наступления — операции «Чарнвуд», имевшей целью захват северной части Кана. Сочетание коврового бомбометания и интенсивных артиллерийских налетов имело поистине разрушительный эффект. 18 июля 1944 года, в первое утро союзной операции «Гудвуд», предварительная подготовка, проведенная 2000 союзных бомбардировщиков и 700 артиллерийскими орудиями, уничтожила передовые немецкие укрепления, превратив землю в ад, до предела наполненный взрывающимся металлом. В роте лейтенанта барона фон Розена из состава 503-го

Расчет штурмового орудия загружает в свою машину из стоящего рядом грузовика 75-мм снаряды, готовясь к операции «Люттих».

«Мешок смерти». Когда немецкие войска, окруженные в фалезском «мешке», попытались осуществить прорыв, тактическая авиация союзников причинила им страшный урон, уничтожая как личный состав, так и вооружение. На фотографии тела жертв воздушного налета убраны с дороги вместе с их снаряжением. Воздушное превосходство союзников стало безоговорочным к моменту высадки десанта в Нормандии, что позволило союзникам задерживать и изматывать подкрепления, отправленные на фронт, равно как и уничтожать любые опорные пункты или очаги сопротивления немцев. Немецкие солдаты были вынуждены научиться передвигаться ночью или под прикрытием, так велика была угроза с воздуха.

тяжелого танкового батальона один рядовой из экипажа «Тигра» буквально сошел с ума после мучительно долгого ада вспышек и грохота разрывов. Еще два солдата его танковых экипажей, доведенные до отчаяния этой комбинированной бомбардировкой, пустили себе пулю в лоб, не в силах больше вынести этого потока смертоносного металла. Даже мощные 55-тонные «Тигры» фон Розена оказались уязвимы для этой колоссальной огневой мощи — один из взрывов подбросил танк в воздух, перевернул его, и машина упала на изрытую снарядами землю башней вниз. Солдатам фон Розена потребовалось три часа, чтобы открыть люк башни и вытащить трех дрожащих членов экипажа, оказавшихся в западне в собственном танке.

ФАЛЕЗ

В конце июля 1944 года американское наступление «Кобра» успешно прорвало внешнюю линию обороны немецких укреплений, и бронетанковые дивизии американцев ринулись в этот прорыв. Контрудар, предпринятый немец-

ким командованием под кодовым названием операция «Люттих», имевший цель остановить продвижение американцев, потерпел провал. К середине августа значительная часть германской группы армий «Б» оказалась окруженной в огромном «мешке» под Фалезом. Чтобы прикрыть брешь между британскими силами, наступавшими на юг, и американскими силами, двигавшимися на север в направлении Аржантана, генерал Монтгомери 8 августа предпринял наступление по дороге Кан-Фалез силами канадских частей. Рядовой Ганс Линдеман из 89-й дивизии вспоминал, что, несмотря на численное превосходство противника, непоколебимое сопротивление небольших немецких боевых групп к северу от Фалеза не позволило союзникам встретиться в Шамбуа и «запечатать мешок» до 19 августа. К этому времени потрепанные остатки 20 дивизии германской армии поспешно отступали на восток, чтобы избежать окружения. Немецкое командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы деблокировать окруженную группировку извне; тем

временем немецкие боевые группы внутри «мешка» — такие, как группа парашютистов Хайнца Кнаушта — сами яростно атаковали позиции союзников, расположенные в Труне. Уставшие, перепачканные и доведенные до отчаяния солдаты этих отрядов продвигались вперед по узким, пролегающим по ложбинам и низинам нормандским дорогам и в конце концов прорвались через блокирующие позиции союзников и вышли из окружения. В целом около 40 тысяч солдат и офицеров из окруженных 100 тысяч смогли спастись из фалезского ада. Но вся мощь тактической авиации союзников была брошена на отчаянно пытавшуюся прорваться группировку, самолеты безостановочно бомбили немецкие подразделения, выводя из строя технику и нанося страшный урон живой силе. Только трем солдатам из взвода Кнаушта удалось выбраться в безопасное место, и все они были ранены. К 23 августа немецкое сопротивление в «мешке» закончилось. Когда войска союзников осматривали побоище, которое они устроили немецким солдатам своей

огневой мощью, они ужаснулись: повсюду лежали мертвые, распухшие на солнце лошади, тела погибших солдат и остатки разнообразного военного снаряжения.

После окончания сопротивления в Фалезе сухопутная группировка войск Западного фронта начала полномасштабное отступление, поскольку войска пытались избежать окружения во втором, более крупном «мешке» у реки Сены. Немцы несли тяжелые потери во время дневного отступления из-за воздушных налетов союзников, тогда как хроническая нехватка топлива вынуждала их бросать большую часть оставшейся техники. В течение 25–29 августа они с ходу форсировали Сену и затем продолжили двигаться к границам Рейха. В течение 80 дней ожесточенных боев в Нормандии германская группа армий «Б» значительно сократилась, потеряв 1400 единиц бронетехники и 600 тысяч человек живой силы. Таким образом, сухопутные войска Западного фронта потерпели быстрое и стратегически важное поражение.

СЕВЕРО- ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, 1944–1945

После поспешного отступления через Сену в конце августа 1944 года кампания в Северо-Западной Европе продолжалась вплоть до немецкой капитуляции в начале мая 1945 года. В течение этого периода немецкие войска — пехотинцы, танкисты, парашютисты и диверсанты — участвовали в самых различных боевых действиях. Они отчаянно сражались в арьергардных боях, иногда обороняли укрепления, чтобы задержать почти безостановочное наступление союзников. Эти солдаты также стали свидетелями хаоса, возникающего в бегущей армии, участвовали в наспех организованных контрударах против воздушно-десантных частей, сбрасываемых им в тыл, и даже в одном случае принимали участие в амбициозном наступлении, проводившемся скудными ресурсами.

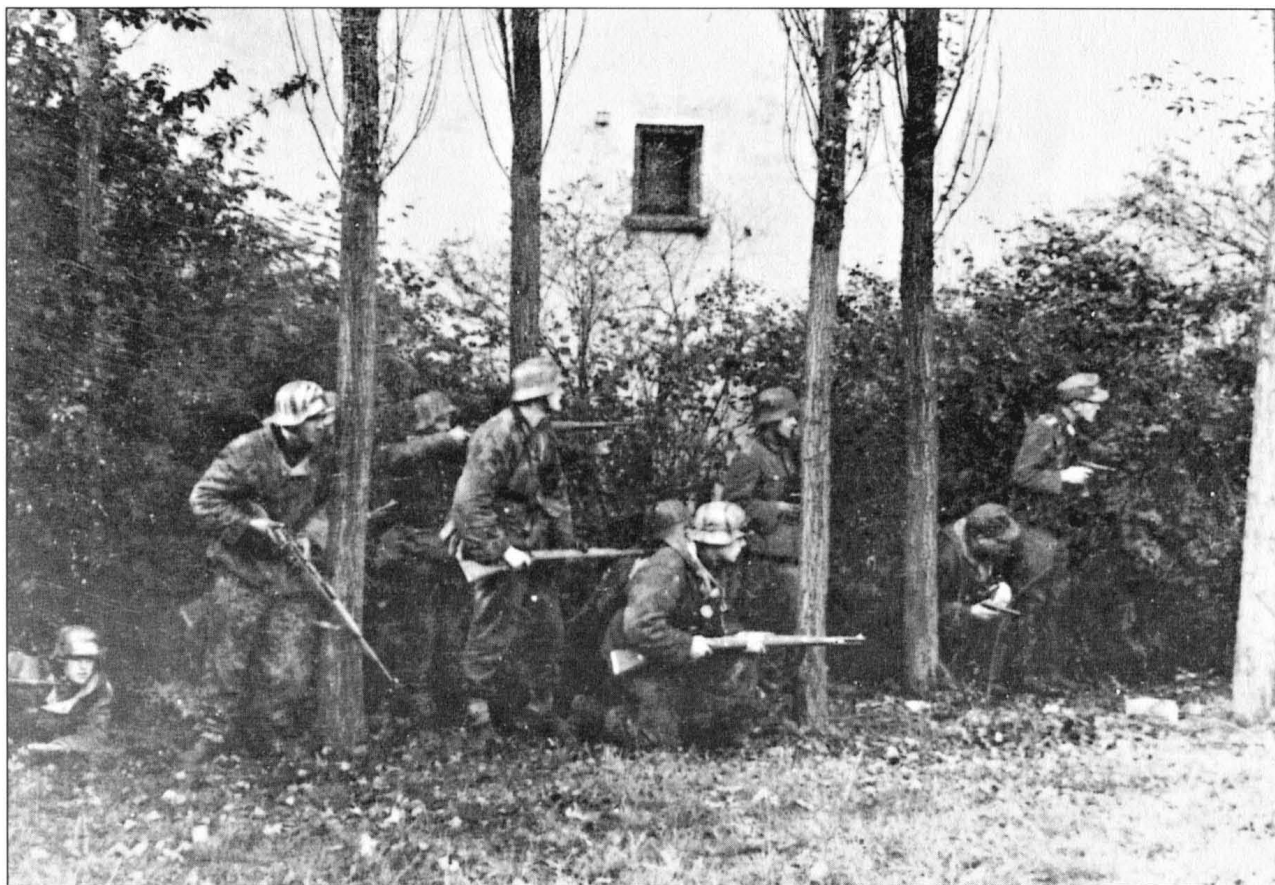
ОТСТУПЛЕНИЕ

В течение первой недели сентября 1944 года германская армия продолжала свое безудержное, неорганизованное отступление из Франции в Бельгию. Только относительно небольшое количество частей, вспоминал полковник Ритген из Учебной танковой дивизии, сохранило некоторую сплоченность, и эти части вели упорные оборонительные арьергардные бои, чтобы прикрыть менее мобильные соединения. Так, 7 сентября в населенном пункте Брие, недалеко от Меца, отряд численностью до роты из состава Учебной танковой дивизии предпринял стремительную контратаку, чтобы выбить американцев из деревни.

В ходе ближнего боя в деревне водитель танка Рейнхольд Шнайдер, пробив стену, раздавил своим танком артиллерийские орудия против-

Немецкая мотопехота продвигается мимо горящих машин во время внезапного контрнаступления в Арденнах в декабре 1944 года.

ника. Но такие эпизоды были исключениями, и многие немецкие солдаты становились свидетелями того, как обычно впечатляющая немецкая военная дисциплина оказывалась на грани коллапса. Пехотинец Карл-Людвиг Опиц хорошо запомнил признаки хаоса, с которым он столкнулся. Отступая вместе со своим подразделением, он часто видел у обочины дороги грузовики, брошенные после того, как закончился бензин, — гранаты, брошенной в мотор, было достаточно, чтобы машиной не смогли воспользоваться союзники. Опиц также видел тяжело нагруженные штабные машины, заполненные офицерскими пожитками, отчаянно пробивающиеся через скопление техники, марширующей пехоты и гражданского населения, — все двигались на север и северо-восток, спасаясь от приближающихся союзных войск. Опиц вспоминал, что он видел и солдат тылового эшелона, которые трусцой двигались по дорогам, толкая перед собой коляски, наполненные награбленным добром — отличными винами, кусками мяса и картинами. В это же время другие под дулом пистолета отнимали гражданскую одеж-

Разношерстные немецкие силы, такие, как эти пехотинцы, вооруженные винтовками Каг 98, использовались против высадок союзных парашютистов в сентябре 1944 года.

ду у местного населения, чтобы попытаться дезертировать из, как они теперь считали, разгромленной армии.

АРНЕМ

К несчастью для союзников, очевидный распад Западного фронта оказался кратковременным. После 9 сентября 1944 года немцам удалось сколотить из имевшихся в наличии остатков армий тонкий, но сплоченный оборонительный слой, на котором споткнулась движущая сила наступления союзников, главным образом из-за недостатка материально-технического обеспечения. Но в течение недели решительная оборона немецких солдат, закрепившихся в своих стрелковых ячейках и наспех вырытых траншеях, оказалась перед лицом другой угрозы: десантом союзных парашютистов за линией фронта. Пытаясь подхлестнуть заколебавшееся наступ-

ление союзников, фельдмаршал Монтгомери начал операцию «Маркет-Гарден» — нетипичное безрассудно-смелое наступление, нацеленное на то, чтобы «вломиться» на Рейн, прежде чем немцы восстановят свой фронт. Монтгомери приказал парашютно-десантным частям высадиться у ключевых коммуникационных узлов за линией фронта и ожидать, пока с ними не соединится XXX корпус генерала Хоррокса, который наступал через Голландию. В северной зоне выброски Монтгомери приказал своим парашютистам из британской 1-й воздушно-десантной дивизии захватить мост в Арнеме и удерживать его в течение трех дней, пока в подкрепление не подойдут танки Хоррокса.

В районе Арнема до 17 сентября 1944 года немцам удалось укрепить свою линию фронта, мобилизовав плохо подготовленный личный состав из подразделений ВМС и ВВС для формирования новой 1-й парашютной армии. Обер-лейтенант Хайнц Вольц из спешно сформированного парашютного полка «Фон Хоффман» хорошо запомнил, насколько недостаточной была подготовка этих солдат. Однажды утром в районе сбора полка под Тилбургом Вольц демонстрировал, как нужно пользоваться фаустпатроном. Один унтер-офицер, только что переведенный из подразделения Люфтваффе, взял оружие и случайно разрядил его прямо в находящийся поблизости склад боеприпасов. К счастью, реактивный снаряд не взорвал склад, потому что точно такой же неподготовленный боец неправильно снарядил оружие. Солдаты не только имели недостаточную подготовку, но многие из них к тому же были вооружены лишь устаревшим или трофейным оружием, а их экипировка была самой разномастной: например, пониженные в звании бывшие офицеры из 6-го штрафного батальона Люфтваффе носили тропическую форму, которую последний раз использовали солдаты Африканского корпуса еще в 1942 году!

17 сентября был ясный солнечный день, и поэтому появление странного погодного явления привело в недоумение наблюдавших его немецких солдат. Ганс Меллер из саперного батальона 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен» был здорово озадачен, когда ясное голубое небо начало покрываться огромным количеством небольших белых тучек. В школе Свя-

того Иосифа в Арнеме, находившейся на расстоянии 3,2 км, обер-лейтенант Энтхаммер из подразделения ракет «Фау-2» наблюдал тот же самый феномен, и сначала офицер подумал, что видит снег. Однако через несколько секунд Меллер понял, что белые маленькие шарики — это не перисто-кучевые облака, в то время как Энтхаммер логично рассудил, что в Голландии в сентябре никогда не бывает снега. Оба пришли к одинаковому выводу: они наблюдают высадку большого парашютно-десантного соединения союзников на расстоянии многих миль за линией фронта.

Когда белые парашюты союзников плыли к земле, немецкие войска немедленно начали выдвигаться в направлении раскатов орудийного огня. В учебном центре в Харскампе панцер-гренадеры 9-й дивизии СС уже укладывали свое снаряжение в грузовики, выделенные для транспортировки соединения на ближайшую железную дорогу для передислокации в Рейх. Именно в этот момент их застигло известие о высадке десанта. Роттенфюрер СС Пауль Мюллер вспоминал, что солдаты схватили винтовки и распахали по карманам боеприпасы, поскольку их патронные подсумки оказались в доверху набитых амуницией грузовиках. Без своих стальных касок, которые также были уложены в кузовах грузовиков, они потрусили к тому месту, где приземлились британские парашютисты. Примерно в 40 км к северу, в Девентере, танково-гренадерская рота роттенфюрера СС Рудольфа Траппа, численностью в 50 человек, из состава 10-й танковой дивизии СС «Фрундберг» наблюдала перелет сотен транспортных самолетов союзников. Не дожидаясь приказа, они сели на реквизированные велосипеды — все их машины были потеряны во время отчаянного отступления из Франции — и яростно закрутили педалями, направляясь в сторону Арнема. Через два часа солдаты Траппа уже сражались с британскими десантниками.

В полдень 17-го 2-й парашютный батальон подполковника Фроста выдвинулся через Остербек и вошел в пригороды Арнема. Британские солдаты осторожно двигались по узким улочкам, чтобы сомкнуться у своей цели — Арнемского дорожного моста. Когда примерно в 18.00 британские десантники подошли к мосту, они увидели, что 40 бронемашин 9-го разве-

дивательного батальона СС беспрепятственно проезжают через мост и направляются на юг в сторону Неймегена. Водитель броневика рядовой танковых войск СС Ганс Вебер вспоминал, как тремя часами ранее появление воздушно-десантной армады союзных войск прервало церемонию награждения Рыцарским крестом командира батальона гауптштурмфюрера СС Виктора Грэбнера. Когда в небе над головами немецких солдат появились белые парашюты, Грэбнер получил приказ произвести разведку в направлении Неймегена.

Тридцать минут спустя, после того как батальон Грэбнера пересек Арнемский мост, следующее за ним подразделение — рота 10-го разведывательного батальона СС — было внезапно атаковано парашютистами Фроста, которые установили контроль над мостом. Как только опустились сумерки, подошедшие с севера 50 эсэсовцев из роты Рудольфа Траппа приблизились к британским позициям на мосту. Пробираясь вдоль зданий, которые они использова-

ли в качестве укрытий, солдаты Траппа теснили противника, пока не понесли большие потери от британского огня. Тогда эсэсовцы изменили тактику: они двинулись в обход, чтобы зачистить здания, расположенные вокруг северного пандуса моста. Как вспоминал все тот же Трапп, когда все здания были поочередно зачищены, немцы начали лихорадочно рыскать в поисках брошенного британского оружия, поскольку у солдат фактически не осталось патронов к их карабинам; особенно ценились пистолеты-пулеметы «Стен». В то время как вокруг моста продолжался бой, в Неймегене Грэбнер узнал, что мост в Арнеме захвачен, и немедленно бросился обратно.

В тот же день и в начале вечера к северо-западу от отряда Фроста оставшая часть британской 1-й парашютной бригады завершила

Немецкие солдаты окапываются на краю Гинкелевой пустоши, чтобы оказать сопротивление британской 1-й воздушно-десантной дивизии.

задачу слияния зон выброски вокруг Гинкелевой пустоши под Остербеком. Но когда британские солдаты начали наступать на восток к северным пригородам Арнема, они натолкнулись на стойкое сопротивление сводных сил противника, таких, как учебный батальон «Краффт» и блокировочная группа «Шпиндлер». Для действий на западном фланге британского периметра в Остербеке немцы быстро мобилизовали курсантов Арнемской школы СС, которыми командовал штандартенфюрер СС Липперт.

Чтобы обеспечить мобильность своему спешно собранному отряду, курсанты училища использовали все возможные виды транспорта, они реквизируют у местного населения десятки велосипедов, восемь запряженных лошадьми повозок и даже два пожарных автомобиля. Один эсэсовец вспоминал, что курсанты даже захватили два работающих на дровах грузовика, но те вскоре сломались, поскольку в действительности никто не знал, как ими управлять.

Немецкая пехота при поддержке танков наступает по дороге в Арнем, чтобы окружить английских десантников, захвативших мост.

К концу дня солдаты Липперта присоединились к нескоординированным атакам на западные оборонительные линии британцев, предпринимаемым сводными частями из наспех сколоченной дивизии «Фон Теттау». Солдаты 3-го голландского наблюдательного батальона под командованием гауптштурмфюрера СС Антона Хелле превзошли даже уровень некомпетентности, которую проявили необученные подразделения генерала фон Теттау. Хелле поочередно и нескоординированно ввел в бой подчиненные ему силы, которые, столкнувшись с хорошо обученными британскими парашютистами, понесли тяжелые потери. Первым подразделением, которое Хелле послал в атаку, был военный оркестр, в распоряжении которого имелось несколько грузовиков, поскольку незадолго до этого подразделение выступило в роли сил

быстрого реагирования, разыскивая и задерживая в тылу сбитых летчиков союзных сил. Шедшие безо всякой разведки оркестранты просто попали в устроенную британцами засаду и были скошены автоматным и пулеметным огнем. Некоторые из уцелевших тотчас воспользовались представившейся во время беспорядочного бегства возможностью, чтобы дезертировать, переодевшись в ближайшей деревушке в гражданское платье. Однако несмотря на абсолютную невыразительность этих атак, спешно собранные немецкие части, тем не менее, сумели оказать достаточно сильное давление на передовые подразделения британских сил.

На следующее утро, 18 сентября, Грэнбер, используя характерную для эсэсовцев тактику, попытался нанести внезапный удар с юга, чтобы вернуть Арнемский мост. В 9.00 его собственная машина — британский броневомобиль «Хамбер», который он захватил в Нормандии, — во главе колонны из 22 бронемашин и бронетранспортеров своего батальона предприняла бросок через мост. Грэнбер надеялся, что «Хамбер» сможет ввести в заблуждение десантников Фроста, которые вполне могли решить, что приближающийся конвой на самом деле XXX британский корпус, прибывший к ним на помощь. «Хамбер» Грэнбера ринулся на мост. Но после некоторого колебания британцы раскрыли его замысел и открыли огонь, в ход были пущены реактивные противотанковые ружья PIAT, ручные гранаты и минометы. Ганс Вебер запомнил тот адский огонь на мосту, который быстро вывел из строя шесть бронемашин. Когда водитель ползком перебирался в безопасное место, он отчетливо увидел, как командир его батальона, смертельно раненный, упал на настил моста.

Когда атака Грэнбера провалилась, британцы укрепили свои позиции и стали ожидать прибытия XXX корпуса. В течение двух последующих дней интенсивные немецкие атаки при поддержке артиллерии постепенно сводили на нет оборонительный периметр Фроста, нанося все большие потери. После четырех дней героического сопротивления, когда основные британские сухопутные силы были еще на расстоянии многих миль, измученные остатки отряда Фроста сдались противнику.

Элитные гренадеры II танкового корпуса СС были так поражены невероятным сопротивлением, оказанным парашютистами Фроста, несмотря на отсутствие у них поддержки и тяжелого вооружения, что они с большим уважением относились к своим пленным. На фотографии два парашютиста помогают своему раненому товарищу. Слева — штурмовое орудие, на котором устанавливалась пушка большого калибра, но не имелось вращающейся башни, благодаря этому машина становилась легче, а ее силуэт ниже. Подобная техника все чаще использовалась для борьбы с танками, штурмовые орудия отлично подходили для этой цели. Их единственным существенным недостатком было отсутствие возможности горизонтальной наводки орудия, что приводило к необходимости разворачивать всю машину, если мишень не располагалась непосредственно перед орудием.

Вся ярость немецких атак переметнулась на остатки 1-й воздушно-десантной дивизии в Остербеке. К этому времени воздушное превосходство тактической авиации союзников вновь начало заявлять о себе. По воспоминаниям Альфреда Циглера, когда его 9-й противотанковый дивизион СС дислоцировался к северу от Остербека, на зенитные позиции подразделения налетели британские истребители-бомбардировщики «Москито». После двух заходов хорошо вооруженных самолетов на земле остались лишь покореженные, завалившиеся на бок орудия. Но одними авианалетами союзники не могли спасти остатки 1-й воздушно-десантной дивизии от мощных немецких контрударов. И уцелевшие подразделения дивизии вынуждены были отступить через Нижний Рейн под прикрытием союзного фронта. Отчаянная немецкая оборонительная импровизация остановила рискованное предприятие Монтгомери — «Маркет-Гарден».

АРДЕННСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Несмотря на то, что во время этой кампании немецкие солдаты в основном отступали и вели арьергардные бои с оборонительными задачами, изредка нанося локальные контрудары, такие, как в Арнеме, они все же принимали участие и в некоторых наступательных операциях. Например, в ночь с 26 на 27 октября 1944 года в Мейхеле был предпринят контрудар силами корпуса. Однако единственным крупным контрнаступлением, проведенным немцами во время этой кампании, была их Арденнская операция, осуществленная в середине декабря и известная как «Битва за выступ». 16 сентября 1944 года, за день до начала операции «Маркет-Гарден», Гитлер принял важное решение: в самом скором времени его войска должны были начать контрнаступление, которое могло изменить ход войны на Западе. Фюрер решил, что его войска пойдут в наступление по пересечен-

ной, холмистой и густо поросшей лесом местности Арденн, поскольку ее непригодность для механизированных военных действий означала, что американцы развернут в этом секторе слабую оборону. Гитлер требовал, чтобы в результате наступления Вермахт осуществил прорыв глубиной в 150 км и захватил стратегически важный порт Антверпен, но, учитывая имеющиеся в наличии ограниченные ресурсы, эти планы оказались слишком амбициозными.

16 декабря 1944 года солдаты группы армий «Б», которой командовал фельдмаршал Вальтер Модель, воспользовавшись затяжными дождями, которые свели на нет действия грозных ВВС союзников, начали контрнаступление. Для большинства немецких солдат, участвовавших в этой операции, основной характеристикой их боевых действий стала отчаянная импровизация. Материальное обеспечение наступающих войск совершенно не соответствовало масшта-

бам проводимой операции, атакующим немецким частям не хватало буквально всего — боеприпасов, продовольствия и особенно горючего для бронетехники.

Поэтому многие солдаты и в их числе Вернер Персин, рядовой Учебной танковой дивизии, шли в бой, имея при себе резиновые трубки, с помощью которых они сливали бензин из машин союзников, как только представлялась такая возможность. Солдаты танковых подразделений говорили, что для того, чтобы пойти в атаку, им надо было сначала обеспечить себя бензином, а для этого было необходимо захватить пару полевых топливных складов союзных армий.

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Учитывая ограниченные ресурсы немецкой армии во время Арденнского контрнаступления, Гитлер приказал, чтобы некоторые специально выделенные для этих целей подразделения провели секретные операции которые могли повысить шансы немцев на успех. Одна такая операция под кодовым названием «Грифон» была проведена силами 150-й танковой бригады под командованием оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. После эффектной и результативной операции по освобождению Муссолини из заключения на Гран-Сассо, проведенной в сентябре 1943 года, Скорцени стал любимцем Гитлера. Для проведения диверсионного рейда солдаты Скорцени должны были быть одеты в американскую форму и передвигаться на машинах союзников, предполагалось, что диверсанты просочатся в тыл во время суматохи, которая непременно должна была возникнуть в ходе первого этапа немецкого наступления. Часть солдат бригады должна была захватить ключевые мосты через Маас и удерживать их до прибытия немецких танков, в то время как перед другими была поставлена задача посеять в тылу американцев смятение и хаос. Солдаты, одетые в форму американской военной полиции, среди которых был и унтер-офицер Манфред Парнасс, должны были дезориентировать транспортные потоки союзных войск, чтобы помешать

прибытию на фронт подкрепления союзников.

Для формирования 150-й бригады Верховное командование потребовало откомандировать добровольцев, годных по состоянию здоровья, владеющих английским языком и техникой рукопашного боя. Кроме того, немцы собрали в своих частях трофейные машины и обмундирование, которые отправлялись Скорцени на полигон в Графенвере. В начале декабря бригада получила то, что удалось собрать, — несколько комплектов американской летней формы, несколько комплектов зимней, но на всех них имелись крупные треугольные немецкие метки военнопленных, бригада также получила два неисправных танка «Шерман». Ефрейтор Вильгельм Шмидт был одним из добровольцев этой бригады. В начале ноября 1944 года он прибыл в учебный лагерь СС во Фрайдентале для проверки его уровня владения языком. Но до отправки в бригаду, дислоцированную в Графенвере, Шмидта сначала направили в лагерь для военнопленных в Кюстрине, в Восточной Пруссии, чтобы он овладел американским сленгом. Там ефрейтор получил представление об организации американской армии, его обучили тактическим и полевым действиям американской армии, продолжилась и языковая подготовка добровольца. Каждый солдат получил американское звание, обычно с поразительно быстрым повышением. Например, за одну ночь ефрейтор Рольф Мейер стал вторым лейтенантом Чарли Хольцманом.

16 декабря 150-я бригада насчитывала 2200 солдат, включая закаленных ветеранов диверсионного соединения СС «Центр» и 600-го парашютного батальона СС, ставших становым хребтом соединения. Кроме этого, отряд Скорцени располагал одним боеспособным «Шерманом», 13 специально модифицированными танками «Пантера», которые должны были походить на американский истребитель танков M10, четыремя американскими разведывательными машинами, 15 грузовиками «Додж» и достаточным для вооружения одной роты командос количеством стрелкового оружия. В первый день немецкого наступления, 16 декабря, 44 солдата бригады просочились за линию фронта, чтобы осуществить диверсии и направить движение транспорта союзников по ложному пути. Одним из этих диверсантов был бывший офи-

Резня в Мальмеди: репутация войск СС была вновь запятнана, когда солдаты боевой группы Пайпера убили 77 американцев.

цер германского флота корветтен-капитан фон Беер, который перешел линию фронта, и, проводя разведку, 17 декабря достиг Мальмеди. Несмотря на то, что деятельность фон Беера вызвала некоторые подозрения у американцев, ему удалось проскользнуть обратно на немецкие позиции. В тот же самый день, как вспоминал американский сержант Эд Кеоган из 291-го штурмового саперного батальона, военная полиция — в действительности это были диверсанты Скорцени — направила их якобы в Веймс, который на самом деле оказался Мальмеди. Также 17 декабря группа из трех командос Скорцени — обер-фенрих Гюнтер Биллинг, ефрейтор Вильгельм Шмидт и унтер-офицер Манфред Парнасс — была задержана пехотным патрулем противника. В ходе допроса арестованные «признались», что их целью является убийство главнокомандующего союзными войсками генерала Эйзенхауэра. К 18 декабря тылы союзников наполнили слухи о переодетых немцах, действующих в этом районе, теперь любой американский солдат, отставший от своей части или вызывающий подозрения, мог быть арестован или, как произошло в нескольких прискорбных случаях, даже расстрелян. Американские солдаты проверяли подозреваемых, задавая невразумительные вопросы: например, какой город является столицей штата Иллинойс или в кого теперь влюблена Бетти Грэбл — последний вопрос поставил в тупик и генерала Брэдли, когда остановивший его на контрольно-пропускном пункте солдат отказался поверить, что перед ним командующий группой армий.

В случае задержания немецких командос ждала жестокая участь — именно подобная судьба была уготована трем диверсантам, которые были захвачены 17 декабря. И хотя такая практика попирала нормы ведения войны, лазутчиков, как правило, расстреливали на месте. Американский военный трибунал рассмотрел дело трех задержанных солдат и вынес всем троим смертный приговор. Страшно холодным ранним утром 23 декабря американские солдаты подвели приговоренных к стене, привязали к заранее вкопанным столбам и завязали глаза. Затем на кители обреченных в область сердца прикрепили белые круги. Приговор приводила в исполнение специальная расстрельная команда, насчитывавшая 12 человек, и, когда амери-

канцы прицелились, обер-фенрих Биллинг безо всяких эмоций ровно и отчетливо произнес: «Да здравствует наш фюрер!» Тут же в свежем утреннем воздухе засвистели пули, и троица упала замертво, только веревки, которыми немецкие солдаты были привязаны к расстрельным столбам, удержали мертвых. Несмотря на то, что 150-й бригаде удалось вызвать смятение в тылу противника, солдаты соединения заплатили за это очень высокую цену.

В ходе операции «Грифон» 6-я танковая армия СС под командованием оберст-группен-

фюрера Дитриха начала наступление, передовой частью которого стала дивизия «Лейбштандарт». Усиленный бронетанковый отряд численностью в полк — боевая группа войск СС «Пайпер» — возглавил наступление «Лейбштандарта». Перед этой группой под командованием оберштурмбаннфюрера СС Йоахима Пайпера была поставлена задача максимально быстро воспользоваться успехом и развить наступление в направлении Антверпена, прежде чем союзники смогут оправиться от внезапного нападения. В течение 17–19 декабря сводный

Всех призывали в фольксштурм — ополчение, собранное в отчаянной попытке остановить продвижение союзников по территории Рейха.

танковый отряд Пайпера, в составе которого были танки Pz IV, «Пантера» и несколько «Королевских тигров», — пробился к Стумону, совершив 40-километровый рывок. Однако только 20 декабря, когда наступление Пайпера приостановилось у Стумона, 10 «Королевских тигров» отряда догнали более легкие и скоростные передовые танки.

Мальмеди

В воскресенье 17 декабря фанатики-эсэсовцы Пайпера расстреляли в Мальмеди 77 американских военнопленных. Его солдаты, в числе которых был штурманн СС Георг Флепс, собрали на поле безоружных пленных из 285-го полевого батальона артиллерийского наблюдения, которые были захвачены восточнее Мальмеди на дороге в Тиримон. Просочившиеся сведения полны противоречий, но похоже, что несколько нервных эсэсовцев, опасаясь попытки пленных устроить побег, открыли по ним огонь, остальные охранники присоединились к участию в бойне. Впоследствии в 1946 году, во время суда в Дахау, американский офицер, которому удалось пережить это злодеяние, опознал Георга Флепса, того самого эсэсовца — механика-водителя танка Pz IV, который первым открыл огонь. Что бы ни послужило причиной первого акта насилия, но после этого кровавого инцидента эсэсовцы методично проверили тела и прикончили раненых. Суд в Дахау вынес 43 смертных приговора, 22 эс-эсовца были приговорены к пожизненному заключению, правда, впоследствии многим из них приговоры были смягчены. Во время аналогичного инцидента в Ставло несколько дней спустя немецкие солдаты, в том числе и ярый нацист штурманн СС Эрнст Килат, в ходе карательной операции убили 23 гражданских лица, укрывавшихся в доме, из которого американский солдат, также укрывшийся там, стрелял в идущего по дороге эсэсовца и убил его.

21 декабря, четыре дня спустя после инцидента в Мальмеди, в результате контрударов союзников, войска Пайпера были окружены в Ла-Глейзе и, следовательно, оказались отрезаны от баз материально-технического снабжения. Ситуация еще больше осложнилась на следующий день, когда туман, который в течение шести предыдущих дней не позволял союзным истребителям-бомбардировщикам подниматься в воздух, рассеялся. Фельдфебель Карл Лаун из зенитного подразделения Люфтваффе, приданного боевой группе Пайпера, ярко описал последние дни обреченного отряда. В ночь с 21 на 22 декабря американская артиллерия нанесла

Покрытые грязью немецкие пехотинцы укрываются в блиндаже на западном берегу Рейна, который перестал быть преградой для союзных сил.

массированный удар по позициям окруженных, и в течение дня американским войскам удалось оттеснить немцев в глубь занимаемой территории. В тот вечер окруженным был сброшен с самолетов необходимый груз, но лишь часть столь необходимого продовольствия и топлива попала внутрь постоянно сжимавшегося периметра. Предпринимались попытки доставить все необходимое теперь уже голодающим солдатам по реке Амблев, но они полностью провалились. Несмотря на страшный голод, Лаун из-за интенсивного вражеского артиллерийского и минометного огня так и не осмелился попытаться добраться до американских ранцев с продовольствием, которые валялись совсем неподалеку на расстоянии каких-то 30 метров.

К полудню 23 декабря интенсивный артиллерийский огонь разметал позиции солдат Пайпера в деревне Ла-Глейзе, и он решил предпринять попытку прорыва. На месте Пайпер оставил около 200 раненых солдат и медперсонал, приказав им, выждав восемь часов, уничтожить 32 исправных, но пустых топливозаправщика.

Тем временем, как вспоминал все тот же фельдфебель Лаун, рано утром 24 декабря 800 боеспособных солдат Пайпера просочились в темноте по направлению к соседней деревне Ла-Венн. Заставив местных бельгийских жителей сопровождать их в качестве проводников, к полудню голодные и измученные эсэсовцы уже не могли двигаться дальше и решили укрыться в густом лесу.

Фельдфебель Лаун и другие солдаты должны были получить столь необходимую передышку. Когда небо прояснилось, буквально над самыми головами солдат то и дело стали проноситься американские самолеты. Когда немцы наконец добрались до леса, солдаты почти умирали от жажды, их губы потрескались и кровоточили. Естественно, что вскоре у многих солдат начались желудочные расстройства. Когда Пайпер вновь приказал своим солдатам двигаться, стало ясно, что воинская дисциплина и боевой дух эсэсовцев резко снизились: один за другим уставшие солдаты бросали оружие, чтобы облегчить свою ношу.

В течение того вечера колонна, тем не менее, двигалась вперед, несмотря на столкновения с несколькими американскими аванпостами. Измученный Лаун запомнил, как ему вместе с

товарищами пришлось переплывать через ледяные ручьи, как, например Сальм в Рохелинвале. Оказавшись на другом берегу, некоторые солдаты просто засыпали на ходу, и их товарищам приходилось все время расталкивать их, чтобы те не упали, заснув. На рассвете Рождества, когда силы солдат были на исходе, измученные, промокшие, грязные и голодные солдаты Пайпера наконец вышли восточнее Ванна на немецкие патрули. Вместе с завершением операции соединения Пайпера остановился и северный бросок немецких войск.

Южнее 5-й танковой армии удалось добиться большего успеха, и во время кульминации немецкого наступления 23 декабря 2-я танковая дивизия мощным броском прорвала оборону противника, не дойдя всего лишь 6,5 км до моста через Маас. Там танки дивизии, так и не сумев захватить топливные склады союзников, остались без горючего. Однако в тот же день американские войска предприняли контратаку на немецкий клин, в результате которой к началу января немцы вынуждены были отступить на исходные позиции. В ходе этого отступления, как вспоминал командир самоходной противотанковой установки «Ягдпанцер IV» унтершарфюрер СС Альфред Шульц из дивизии «Гитлерюгенд», союзные истребители-бомбардировщики нанесли отступающим немецким танковым частям большие потери. Если оценивать с нынешних позиций, Арденнское контрнаступление оказалось дорогостоящей, бесполезной и в высшей степени бесцельной авантюрой, которая растратила последние танковые резервы Германии. Соответственно, сильно ослабленная Западная группировка сухопутных войск теперь на западном берегу Рейна могла выставить только весьма скудные силы, которые были не в состоянии помешать успешному вторжению союзников в сердце Рейха.

К марту 1945 года силы союзников успешно переправились через Рейн и начали неумолимо продвигаться по территории Германии, сталкиваясь с постоянно ослабевающим немецким сопротивлением. 5 мая 1945 года немецкие войска, все еще остававшиеся в Северо-Западной Европе, капитулировали. Три дня спустя было объявлено о безоговорочной капитуляции германской армии.

Книга С. Харта, Р. Харта и М. Хьюза «Рядовые Вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой войны» посвящена истории германских вооруженных сил в 1939—1945 гг. В центре повествования — простые солдаты и офицеры, являвшиеся винтиками огромной военной машины, поставленной на службу интересам нацистского режима.

Используются многочисленные воспоминания участников войны, представителей всех родов войск. Авторы освещают все аспекты службы, быта и участия в боях немецких солдат. Живо и вместе с тем обстоятельно рассказывается о боевых действиях германской армии в ходе крупных кампаний — от «блицкрига» на Западе и операций в Северной Африке до поражений на Восточном и Западном фронтах и окончательной гибели Третьего рейха.

Книга проиллюстрирована большим количеством уникальных фотографий.

